Эрнст В. Вис

Фридрих II Гогенштауфен

«Фридрих II — самый великий из императоров, чьей не пресекаемой памяти мне довелось...»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фридрих II.

Один из значительнейших государственных деятелей Средневековья — или не знавший жалости тиран?

Один из величайших людей, носивших корону Священной Римской империи, — или пешка в сложной игре Ватикана и Франции?

Наследник античных идеалов Древнего Рима — или «антихрист во плоти» и еретик?

Меценат и покровитель наук и искусств — или трус, для которого дипломатические интриги стали способом избегать открытого столкновения с противниками?

Эта книга откроет для вас загадку удивительной личности и удивительной судьбы Фридриха II Гогенштауфена!

- Эрнст Вис
  - «Я», обреченное на одиночество
  - Прародители
    - Деяния норманнов и мечта Штауфенов
    - Конрад III Гогенштауфен на троне германских королей
    - Планы императора Генриха VI на наследство и мировую империю
  - Игрушка в руках судьбы
    -
    - Папа Иннокентий III — судья Западной Европы
    - Осиротевший король под опекой папы
    - Портретные зарисовки
    - Матримониальные планы
  - Молодой король
    -
    - Император Оттон IV и его гордыня
    - Двое мужчин на испытательном полигоне истории
    - На крыльях счастья
    - Германская корона и ее цена
    - Победа при Бувине
    - Последствия сражения при Бувине
    - Коронация в Аахене и первый обет крестового похода
  - День папы

- Дипломатия вероломства
  -
  - Фиаско при Дамиетте
  - Приключение с коронацией
  - Сицилия — земля обетованная
- Орудие закона
  -
  - Конец морских держав
  - Политика в сфере судоходства и торговли
  - Сарацины
  - Минареты в Италии
  - Основание Неаполитанского университета
  - Издание закона о евреях
  - Фридрих и еретики
  - Договор, заключенный в Сан-Германо
- Невеста с короной Иерусалима
  -
  - Ломбардия и игра со временем
  - Папа Григорий IX и первое отлучение от церкви императора Фридриха II
  - Крестовый поход под отлучением и проклятием
  - Самокоронация
  - Королевство в огне
  - Победитель и побежденный
  - Конституция, принятая в Мелфи
- Конфликты в Германии и ломбардское стремление к свободе
  -
  - Сын императора
  - Восстание сына
  - Поражение
  - Император — судья-отец
- Английский брак
  -
  - Фридрих II и его женщины
- Майнцский всеобщий мир 1235 года
  -
  - Ненадежный союз с имперскими князьями
  - Итальянский поход
  - Выборы короля Конрада IV в Вене в 1236 году
- Битва при Кортенуова и блестящий триумф
  -
  - Концентрация всех сил
  - Папа — вдохновитель сопротивления

        - Второе отлучение Фридриха II
        - Затишье перед бурей
        - Вторжение в папское государство
        - Чудо в Риме
    - Ориентация — дезориентация
        -
        - Собор, канувший в воду
        - Нашествие монголов
        - Пиррова победа
        - Конклав под гнетом страха
        - Германия в центре внимания
    - Иннокентий IV — папа и победитель
        -
        - Рокировка
        - Совет в Лионе
        - Передышка
        - День гнева
        - Эрозия власти
        - Антикороль
        - Покушение
        - Иллюзии о мире
        - Италия — тоталитарное государство
        - Поражение при Парме
    - Остаток времени
        -
        - Цезарь и его смерть
        - Завещание императора
        - Истребите из имени и тела семена и побеги вавилонянина
    - Лебединая песня Гогенштауфенов
    - Итоги
        -
        - Соколиная книга
    - Хронологическая таблица
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Эрнст Вис
Фридрих II Гогенштауфен

«Я», обреченное на одиночество

Фридрих II заклеймен папой, как «изверг, исполненный кощунств, с медвежьими лапами и львиной пастью, другими же членами подобный леопарду… яростно разевающему рот для хулы имени Господнего…» И далее святой отец уточняет, дабы не оставить никаких сомнений: «…Взгляните же на изверга с головы до пят, Фридриха, так называемого императора».

Фридрих II видит себя совершенно другим: «Джези (его родной город), благородный город марки, сиятельное начало Нашего происхождения, где Наша божественная мать произвела Нас на свет… и Наш Вифлеем, земля и место рождения цезаря… И ты, Вифлеем, город марки, не самый малый среди княжеств нашего рода: ведь из тебя вышел герцог, князь Римской империи…»

Его главный панегирист, Николай Барийский, так оценивает его: «О удивительный господин, смиренный и величественный, всегда явленный и неизреченный, о радость для князей, о ликование для народов, никто не был таким смиренным и никто не был таким величественным, как он. Он — выдающееся благородство, образец для всего земного круга, краса и гордость человеческого рода, светоч общества и начало всякой справедливости… Привлекательный видом, святой духом, кратко говоря — помазанник во всем. Кто мне позволит глядеть на его ангелоподобный облик, кто мне позволит внимать его мудрости, превосходящей любой разум?..»

Что происходит в душе человека, удостаиваемого самых страшных проклятий от одних и наивысшего восхваления от других?

Что случилось с человеком, провозгласившим себя сыном Божественной Матери, а родной город — Вифлеемом?

Ответ следует искать в истории юности Фридриха II.

Что творится в душе ребенка, едва достигшего сознательного возраста, но уже слышащего о пророчествах и сивиллиных изречениях — якобы он «последний император, или даже сам антихрист», средоточие самых непредставимых для христианского Запада вещей?

Знал ли он о сне матери, будто она родит пылающий пожар, факел для Западной Европы? Наверняка ему известно и предсказание аббата Иоахима из Фиоре, что его мать, императрица Констанция, «понесет от демона».

Что происходит в душе ребенка, когда собственная мать отдает его другой женщине, хотя ему всего несколько недель от

роду? Когда его, трехлетнего, поспешно привозят в далекий Палермо и там, на праздничной церемонии, коронуют и провозглашают королем Сицилии?

Немного позднее умирает его мать, императрица, так и не успев дать ребенку почувствовать материнскую любовь. Отца, Генриха VI, которого мальчик видел дважды — при рождении и при крещении, он никогда не воспринимал как реальное лицо, хотя в полной мере унаследовал его планы о мировом господстве.

Мальчик прекрасно осознавал, что никто не испытывал к нему чувства любви. Окружавшие его люди, обуреваемые властолюбием, желали лишь править, используя его имя, проклиная его и обогащая себя с беспредельным эгоизмом; Фридрих понимал: его удел — быть объектом для окружающих людей.

Тот, на чью долю выпадает такое, не может стремиться к развитию отношений с другими людьми. Он сосредоточен на самом себе, загнан в собственное «Я». Его эго становится для него вселенной, обязанной своим существованием лишь его собственной самости. Исходя из этого эгоцентризма он издает собственные «священные законы» и дает указание служащим поступать согласно его «выгоде и полезности». «Commodum et utilitas»[1] действительно является сентенцией и девизом этого императора, считающегося величайшим правителем Средневековья.

Фридрих Ницше включает его в ряд «тех завораживающих, непостижимых и невообразимых, тех загадочных людей, предназначенных для победы и соблазна», каковыми, по его мнению, являлись Алкивиад, Цезарь, Леонардо да Винчи, а также Фридрих II.

В действительности же жизнь, прожитая с бескомпромиссным эгоизмом, являет собой мрачную, но тем не менее захватывающую драму, чьи действия интересно еще раз разыграть.

Прародители

Деяния норманнов и мечта Штауфенов

Фридрих II был по месту рождения итальянцем, а по происхождению — норманном и немцем, как определяет его Г. Вольф во введении к сборнику «Stupor mundi».[2] Однако это верно в соответствии с представлениями периода образования национальных государств XVIII или XIX века. Человек эпохи Средневековья не ощущал себя немцем, итальянцем, французом или англичанином. Он жил не для своей нации, а для славы собственных имени и рода. Потомство высшей аристократии Европы с ее слишком многосложной брачной политикой невозможно было бы подвести под шаблон какой-либо нации.

Дед Фридриха II, героический и гениальный норманн король Рожер II (1130—1154 гг.), был женат третьим браком на Беатрисе фон Ретель (1130/5—1185 гг.), женщине из высшей лотарингской аристократии. Их дочь Констанция (ум. в 1198 г.) вышла замуж за Генриха VI (1169— 1197 гг.), сына немецкого императора Фридриха Барбароссы (1152—1190 гг.) от брака с Беатрисой Бургундской (1144—1184 гг.). Когда император Генрих VI женился на норманнке Констанции, в их единственном сыне Фридрихе II соединилась норманнская, швабская, лотарингская и бургундская кровь — наследие различных наклонностей, темпераментов и пороков. Правда, при всем том предки Фридриха II имели один общий признак — они являлись образцовыми представителями германской касты завоевателей, добившейся владычества над Западной Европой.

Вся Европа с удивлением наблюдала за мощью государственного строительства, начатого бывшими викингами, морскими разбойниками, получившими от короля западных франков Рудольфа (923—936 гг.) землю для заселения на северной окраине государства западных франков.

Эти воинственные «нордмэннер»,[3] вскоре прозванные норманнами, под предводительством герцога Ролло (ум. в 927 г.) и его потомков создали дисциплинированную и с точки зрения эффективности управления хорошо организованную административную структуру: герцогство Нормандия.

Отсюда герцог Вильгельм Завоеватель (1066— 1087 гг.) отправился в Англию, разбил противников в битве при Гастингсе в 1066 году и был в праздник Рождества коронован королем Англии. Ему удавалось править страной, несмотря на

многочисленные восстания, жестоко им подавляемые. В 1086 году он провел полную перепись своих владений. Королевские комиссары определили земельные владения графств и их урожайность, подсчитали дома, мельницы, леса, поголовье скота и т.д. и составили двухтомную книгу «Domsday Book» (обширную и подробную инвентаризацию островного королевства) — убедительный пример государственного и управленческого искусства норманнов.

В Южной Италии и Сицилии, так же как и в Норманнском герцогстве и в королевстве норманов — Англии, норманны проявили себя не только как уникальные воины, но и как созидатели, способные к рациональному государственному планированию. И это происходило в совершенно чуждом им мире, чьи культуру и язык они не понимали. Еще более удивительной казалась их способность к восприятию и ассимиляции чужого, их наивная готовность перенимать незнакомые структуры, которые они сочли подходящими для себя.

Поначалу военные действия солдат-норманнов, сражавшихся в Апулии на стороне папы или за лангобардских князей, одним словом, за всех, кто им платил, и против всех, еще не имели никакого политического направления. Но ситуация поменялась с появлением сыновей Танкреда д'Отвилля, Вильгельма Железная Рука (ум. в 1045 г.), Дрого и Гумфрида, сначала состоявших на службе у Византии, но потом вознамерившихся создать собственное государство. Уже через шесть лет Вильгельма Железная Рука норманны в Мелфи избрали полководцем. После его смерти титул и должность перешли к обоим его братьям — Дрого (ум. в 1051 г.) и Гумфриду (ум. в 1056г.)

В середине сороковых годов этого столетия один из д'Отвиллей вступил на территорию Южной Италии, где исторически сложилось противостояние интересов Византии, лангобардов и папы.

Роберт Гвискар Умная Голова, герцог Апулийский (1059—1085 гг.), вскоре получивший также прозвище «Terror mundi»,[4] принял на себя руководство в борьбе норманнов за собственную государственность. Анна Комнина (1083—1148 гг.), дочь византийского императора, в своем пятнадцатитомном историческом труде «Алексиада», где она прославила деяния отца, так описывает предводителя норманнов: «Все его устремления были подчинены цели стать равным могущественным (властителям) земли. Никто и ничто не могло заставить его отказаться от самых дерзких замыслов; никто лучше его не умел использовать все возможное для достижения

поставленной задачи. На голову выше самых высоких воинов, с длинными светлыми волосами, широкими плечами и с глазами, мечущими молнии, он по гармоничной соразмерности тела по праву мог считаться красивым до совершенства. Гомер повествует: все верили, будто Ахилл мог слышать речь многих людей одновременно, так и про Гвискара рассказывали, как от одного его крика обращалась в бегство армия из шестидесяти тысяч человек. Естественно, он, одаренный как физически, так и душевно, не желал прожить жизнь в низшем положении».

На синоде в Сипонто в 1050 году папе Льву IX (1049—1054 гг.) пришлось принять во внимание жалобы апулийских городов и дворянства и выступить против норманнов, хотя курия с заметным одобрением отнеслась к их войне против Византии. Так вновь возник священный альянс между папой и Византией. Но норманны доказали военное превосходство, одержав победу над десятикратно превосходящим их силы войском папы. Более того, они захватили в плен самого папу в битве при Чивитате в 1053 году. И тут норманны — как оказалось, не только самоуверенные бахвалы и стойкие воины — показали чудеса дипломатии. Они, победители, покорились побежденному папе, и он был вынужден, сраженный их моральным превосходством, признать норманнское завоевание.

Два года спустя новый папа, Николай II (1058—1061 гг.), пожаловал Роберту Гвискару титул герцога Апулийского и Калабрийского. Но несмотря на такое признание, Роберту пришлось и далее бороться с сопротивлением калабрийской знати.

Согласию со святым престолом тоже пришел конец. Самоуправство на территории церковного государства привело Роберта Гвискара к отлучению от церкви. В новой войне с Римом, объединившимся с баронами и городами Апулии, неутомимый воин опять одержал победу.

Аббат Дезидерий из Монтекассино посодействовал его примирению с папой. После чего Роберт предпринял две попытки завоевания Константинополя. До сих пор ему приходилось воевать с Византией на земле Южной Италии, теперь он поражал противника на его же территории.

Затем он высвободил папу из Рима, занятого императорскими войсками. Правда, при этом его норманны вышли из повиновения, что привело ко второму разрушению Рима.

Во время всех войн сей непобедимый воитель не забывал поддерживать своего брата, графа Рожера (1060— 1090 гг.), воевавшего на Сицилии с арабами. Город Мессина пал в 1061 году, в 1072-м был взят штурмом Палермо. В 1091 году остров

находился в полном владении норманнов.

После смерти Роберта Гвискара род д'Отвиллей взял передышку. При правлении его слабого сына и наследника, Рожера Борса (1085—1111 гг.), Апулия пережила эпоху мирного развития, продолжившуюся и при внуке Роберта, Вильгельме (1111—1127 гг.). Мир установился по причине неспособности обоих герцогов противостоять развивающимся городам и апулийским дворянам, уверенным в своих силах.

На острове Сицилия события развивались совершенно иначе. Рожеру I, брату Умной Головы, удалось найти опору в греческом населении острова, и он перенял не только их культуру, но и формы правления. Для греков это означало долгожданное освобождение от исламского ига. Прежде всего граф Рожер взял под защиту церкви и монастыри. Он не вмешивался в крупные конфликты мировой политики, такие, как, например, первый крестовый поход.

После смерти герцога его вдова приняла регентство над несовершеннолетним сыном, Рожером II (1100— 1154 гг.). Рожер II являлся первым графом норманнского происхождения в Южной Италии, заботливо воспитанным и подготовленным к деятельности правителя греческими учеными. Он сделал Палермо своей столицей, что привело к интеграции жизненного уклада сарацинов в общественную структуру королевства. Создание флота стало подготовкой для будущих притязаний на власть в южной части Апеннинского полуострова. Когда норманнские герцоги из материковой части страны умерли, не оставив после себя потомства, способного править страной, Рожер II осуществил против воли папы свои наследственные права на Апулию. В 1128 году он завоевал Салерно и стал герцогом Апулийским.

Рожер II использовал борьбу за власть между папой Иннокентием II (1130— 1137 гг.), поддерживаемым германским императором Лотарем III (1125—1137 гг.), и антипапой Анаклетом II (1130—1138 гг.), и в 1130 году был коронован последним, став королем Сицилии, Апулии и Калабрии.

В 1236 году он завоевал город Бари, основанный между 1220 и 1230 годами как морская республика и имевший тесные связи с Венецией.

Папу Иннокентия II и поддерживающего его императора Лотаря III совсем не устраивала власть норманнов над Южной Италией. Они содействовали восстанию апулийских городов против Рожера II. Им даже удалось взять города Мольфетту, Трани и Бари. Но после отъезда императора, чей долг правителя призвал его в Германию, в битве при Миньяно Рожер взял папу Иннокентия II в плен.

Стало понятно — в нем течет кровь великого Роберта Умной Головы: победитель преклонил колена перед плененным папой как перед своим сюзереном, а тот признал его королем Сицилии, герцогом Апулийским и графом Капуи. Кроме того, папе Иннокентию II пришлось пойти на огромные уступки, предоставленные антипапой Анаклетом II своему освободителю и союзнику девять лет назад. Рана, от которой папство долго не могло оправиться. Рожер II правил сицилийским и южно-итальянским государством как своим наследным леном. Сопротивление апулийских городов он преодолел, ведя политику все больших уступок. На деле это означало гарантированное соблюдение привилегий и свобод городов.

Флот короля Рожера доходил до Африки и привел в Тунисе под свою зависимость Триполи и другие прибрежные города. Теперь норманнские короли с гордостью называли себя королями Африки. В 1147 году победоносный норманнский флот устремился в Грецию, разграбил крупные торговые города Коринф и Фивы, вывезя оттуда местных ткачей шелка и шелководов — событие, имевшее большое экономическое значение.

После смерти великого короля Рожера II по всей Апулии вновь запылало восстание, вызванное стремлением городов к независимости.

Сын короля Рожера, Вильгельм I Злой (1154—1166), ответил на восстание жестокостью и насилием. Его правой рукой стал опытный канцлер отца, Майон ди Бари, происходивший из сословия патрициев.

Византия попыталась вернуть утраченные позиции в Южной Италии с помощью военной поддержки мятежных городов. Но победа досталась императору. Для устрашающего примера он устроил расправу над взбунтовавшимся городом Бари, символом и зачинщиком борьбы за свободу Апулии: приказал разрушить весь город до основания, исключая церковь Святого Николая, и изгнать всех его жителей.

Король Вильгельм I Злой умер через десять лет после разрушения Бари.

Его вдова, Маргарита Наваррская, вместе с двумя советниками Меттео д'Айелло и сарацином Пьетро проводила политику задабривания апулийских городов, предоставляя им все большие свободы. Изгнанным горожанам Бари разрешили не только вернуться в город, но и возобновить торговые связи с Венецией.

Сын Маргариты, король Вильгельм II Добрый (1166—1189 гг.), женился в 1177 году на Иоанне Английской. Брак остался

бездетным, и тетка Вильгельма II, Констанция, дочь достославного короля Рожера II от третьего брака, стала претенденткой на трон, а вместе с ней и ее муж, император Генрих VI. Как пишет И. Галлер, она могла получить королевский титул, в случае если правящий король Вильгельм II умрет бездетным, что и произошло 18 ноября 1189 года. Перед государством, казалось, весьма гибко управляемым сыном и внуком короля Рожера II, встала большая проблема. В вопросе о наследовании трона среди баронов не было достигнуто единства. Сопротивление иноземному германскому королю и императору оставалось слишком сильным. Более подходящим претендентом на трон сочли внебрачного сына короля, Танкреда Леччийского (1190—1194 гг.). Борьба казалась неизбежной.

На рубеже тысячелетий графы Штауфены из Риса, местности, представляющей собой круглый котел диаметром от двадцати до двадцати четырех километров, образовавшийся в результате падения метеорита, оказались на звездном пути, ведущем их к владычеству над империей. Они носили на своих головах короны Германии, Бургундии, Италии, Сицилии и Иерусалима.

Женитьба графа Риса, Фридриха фон Бюрена (ум. в 1053 г.), на племяннице выходца из Эльзаса папы Льва IX (1049—1054 гг.), Хильдегарде фон Эгисгеймской (около 1028—1094 гг.), происходившей из рода герцогов Лотарингских, показывает высокое положение Штауфенов в империи.

Их сын, герцог Фридрих I (1079—1105 гг.), был в 1079 году пожалован герцогством Швабским и одновременно с этим помолвлен с Агнессой фон Вайблинген (1072—1106 гг.), дочерью императора Генриха IV. По причине юного возраста невесты свадьба состоялась только в 1087/88 годах. Благодаря этому браку Штауфены вошли в «stirps regia», королевский род, и отныне удостаивались самого высокого положения в государстве.

Старший сын швабского герцога и дочери императора Агнессы, носивший фамильное имя Фридрих и прозванный Одноглазым, стал именоваться Фридрихом II, герцогом Баварским (1110— 1147 гг.). Когда его дядя, император Генрих V (1106—1125 гг.), умер, он стал претендентом на германскую корону.

Но, всегда верный салическим франкам Гогенштауфен, герцог Фридрих II, уступил саксонцу Лотарю фон Суплинбургу (1125—1137 гг.) на выборах, руководимых враждебно настроенным по отношению к Штауфенам и Салическому дому архиепископом Адальбертом I (1110-1137гг.) Майнцским.

Герцог Фридрих II женился в 1119/21 годах на Юдифи из рода Вельфов. От этого брака, заключенного для преодоления

противостояния Штауфенов и Вельфов, родился Фридрих Барбаросса (1152— 1190 гг.).

После смерти императора Лотаря III в декабре 1137 года, Штауфену и будущему императору Конраду III (1138—1152 гг.) на выборах в Кобленце, назначенных на 7 марта 1138 года и руководимых трирским архиепископом Адальберо (1131—1152 гг.), удалось победить зятя императора Лотаря, баварского герцога из Вельфов Генриха Гордого (1126— 1139 гг.), хотя тот уже владел знаками императорской власти.

Избранный поначалу меньшинством князей, на соборе в Бамберге Конрад все же получил всеобщее признание. В Регенсбурге баварский герцог Генрих Гордый передал Гогенштауфену знаки императорской власти.

Конрад III Гогенштауфен на троне германских королей

Правление Конрада III, длившееся четырнадцать лет, отмечено противостоянием Штауфенов и Вельфов. Несмотря на свой отказ от трона, Генрих Гордый не смирился. Он был обязан, но не захотел отказаться от одного из своих герцогств, Саксонии или Баварии, из-за чего его объявили вне закона. Саксонское герцогство получил Альбрехт Медведь из Аскании (около 1100— 1170 гг.), маркграф Северной марки, а Баварию — Леопольд IV Бабенберг (1136—1141 гг.), маркграф Австрийский. Дело дошло до открытой борьбы. После смерти Генриха Гордого, последовавшей 20 октября 1139 года, вдова императора Рихенца представляла интересы Вельфов и своего десятилетнего внука, Генриха Льва (1142— 1180 гг.). Вслед за тем как Альбрехта Медведя в 1142 году утвердили в звании маркграфа Северной марки, он отказался от герцогства Саксонского, правителем которого признали Генриха Льва. После смерти маркграфа Леопольда IV его брат, Генрих Язомирготт (1143— 1177 гг.), получил Баварию, а позднее и Австрию. Вельфы пытались добиться компенсации, и вдова Генриха Гордого, дочь императора Гертруда, заключила брак с Бабенбергом Генрихом Язомирготтом.

Участие короля Конрада во втором крестовом походе (1145— 1149 гг.) послужило причиной возникновения его дружеских отношений с Византией и конфликта с норманнской Сицилией, из-за чего он не смог поехать в Рим для получения императорского титула.

От его второго брака с Гертрудой фон Зульцбах (1113/16— 1146 гг.) было два сына: Генрих Беренгар, умерший раньше своего

отца весной 1150 года, и его младший брат Фридрих, который в момент смерти отца, 15 февраля 1152 года, был шестилетним мальчиком, неспособным к правлению. Конрад опасался привести к власти несовершеннолетнего наследника. Радея о государстве, он ставил королевские обязанности превыше отеческих чувств и, зная о своей скорой смерти, по решению совета князей передал корону и империю своему племяннику Фридриху III, герцогу Швабскому, занявшему место в истории как император Фридрих Барбаросса.

Последний, в чьих жилах текла кровь и Штауфенов, и Вельфов, был способен выполнить задачу их примирения, сформулированную его дядей, епископом Оттоном Фрейзингским, таким образом: «…чтобы он, принадлежащий обеим семьям, будучи в какой-то степени их краеугольным камнем, смог преодолеть враждебность обоих домов; он окажется чрезвычайно полезным для империи и с Божьей помощью устранит наконец тяжкую и длительную борьбу между высокопоставленными мужами империи за личные интересы».

Фридрих с большой серьезностью воспринял эту задачу. Несмотря на суровость и жестокость его политики, примирительная миссия всегда была ее основным элементом.

Это проявлялось не только в том, что он всегда, на протяжении десятилетий, стоял горой за своего рвущегося к власти и зачастую вероломного зятя Генриха Льва, защищая его от гнева князей. Стремление к примирению определяло также и его государственную политику, особенно после смерти его демона, канцлера и кёльнского архиепископа Рейнальда фон Дасселя.

Наряду с соблюдением всех имперских интересов примирительная позиция Фридриха отчетливо проявилась при заключении Венецианского мира между папой и императором в 1177 году.

Мир в Констанце тоже стал возможным только благодаря его стремлению ко всеобщему миру: он предоставил городам Ломбардии свободы и право выбирать собственного консула. Его внук Фридрих II никогда не достигнет такой способности к согласию.

Именно Фридрих Барбаросса, готовый к приемлемым компромиссам, стал великой и яркой путеводной личностью для всего христианского Запада. Его дипломатии удалось создать такие связи с враждебными доселе норманнами, что его сын, Генрих VI, смог жениться на наследнице сицилийского трона Констанции, благодаря чему получил, кроме германской короны и короны империи, еще и корону Сицилии.

Норманнам требовался мир или как минимум доброжелательные отношения с Фридрихом Барбароссой для усиления своего натиска на Византию.

Женитьба сына императора на сицилийке Констанции показала неизменность взаимного недоверия между императором и папой и задела уязвимый нерв папы, а именно вполне оправданный страх церковного государства быть зажатым в тиски союзом государств Северной и Южной Италии.

Такой же страх в свое время погнал папу Стефана III (752—757 гг.) через зимние Альпы, чтобы призвать франков в Италию и воспрепятствовать лангобардской блокаде с севера и с юга. И теперь, три столетия спустя, вместо государства лангобардов империя Штауфенов вместе с Миланом, с которым император заключил союз об обороне и ненападении, грозила папскому государству по меньшей мере изолированностью с севера и юга. Всегдашние союзники папы против императорской власти, города Ломбардии во главе с Миланом и норманнской Сицилией, благодаря брачному союзу перешли на сторону императора.

Настоящим политическим наследием императора Фридриха I сыну Генриху VI стал мир с Миланом и Ломбардией. Свободы, предоставленные городам Ломбардии, явились ценой, сделавшей мечту Штауфенов возможной политической реальностью. Германское владычество в Южной Италии и Сицилии, германское господство в Ломбардии и Центральной Италии — подобная перспектива не могла не испугать даже такого миролюбивого папу, как Луций III.

Мир с Миланом и Ломбардией — ключ, открывавший ворота в Южную Италию и Сицилию. Платой за него стала свобода городов, закрепленная мирным договором, заключенным в 1185 году в Констанце, и договором о защите и ненападении с Миланом. В дальнейшем несоблюдение основного принципа германской политики в Италии в конце концов привело к поражению внука Барбароссы, Фридриха II, к закату и империи, и династии Гогенштауфенов.

При изучении основополагающих политических и геополитических условий того времени остроумные размышления выдающегося церковного историка И. Галлера, рассматривавшего брачный союз Штауфенов и норманнов как жертвоприношение папы Луция III, не кажутся убедительными. Даже поэтический панегирик Петра из Эболи, преподнесенный им в 1196 году императору Генриху VI, где он приветствует завоевание Генрихом Сицилийского королевства и представляет папу организатором женитьбы императора, не может никого убедить по причине своего явного противоречия политическим обстоятельствам.

Брак стал возможным не благодаря папе, а благодаря миру с Миланом и городами Ломбардии. Он смог осуществиться, потому что Фридрих I развязал руки королю норманнов Вильгельму II в реализации его византийских планов. В тот момент и в той политической ситуации власть папы была слабой, как никогда более в своей истории.

Именно мощь императорской власти и тот блеск, который смерть крестоносца Фридриха Барбароссы придала роду Штауфенов, впоследствии побудили папу короновать Генриха VI и его супругу Констанцию.

Планы императора Генриха VI на наследство и мировую империю

18 ноября 1189 года умер — бездетным! — сицилийский король норманнов Вильгельм II.

Для Констанции и Генриха VI наступил момент вступления в наследство. Спокойствие в Королевстве обеих Сицилии раскололось. На его материковой части, в Трое, состоялось собрание некоторых баронов, подтвердивших объявленную в 1174 году покорность Констанции и поклявшихся ей в верности.

Канцлер Меттео д'Айелло постарался предотвратить подчинение Сицилии империи, посадив на трон норманнского короля. Меттео выбрал кандидатом графа Танкреда Леччийского (1190—1194 гг.), незаконнорожденного сына короля Рожера II, в то время как часть баронов поддерживала графа Андрийского. Танкред был в числе баронов, присягнувших в Трое Констанции. Но когда из Палермо пришло предложение занять трон, он не мог от него отказаться. Современные историки приписывают происками папы Клемента III тот факт, что архиепископ Палермо отважился провести в январе 1190 года сомнительную во всех отношениях коронацию Танкреда Леччийского.

За благосклонностью папы по отношению к Танкреду скрывалась попытка объединить континентальную часть Королевства обеих Сицилии с папским государством.

Хотя папа и способствовал коронации, он медлил с признанием нового короля. Осторожность вынуждала его не предаваться полностью делу Танкреда.

Он должен был считаться с энергичным напором Генриха VI, за которым стояла вся мощь империи. Удерживаемый внутренними раздорами в Германии, в особенности вероломными действиями Генриха Льва, Генрих VI смог предпринять поездку в Рим только в январе 1191 года. Новый папа, Целестин III (1191—1198 гг.), на следующий день после восшествия на престол

выполнил обещание своего умершего предшественника Клемента III. Таким образом, 15 апреля 1191 года Генрих VI и его супруга Констанция короновались императором и императрицей. Сразу после этого император направился на юг, в свое новое Королевство обеих Сицилии. Генрих VI не преминул задокументировать двойную легитимность собственных притязаний на сицилийскую корону.

В первой же грамоте, изданной в Сицилийском королевстве, он пишет: «Королевство обеих Сицилии и Апулия как согласно старому государственному праву, так и на основании наследования его супруги Констанции принадлежит империи».

Мнение Генриха VI примечательно: он в противоположность взглядам папы рассматривал королевство и империю как нечто единое.

Успешный поначалу поход императора остановился под стенами Неаполя. Генрих VI заболел дизентерией, и ему пришлось прервать свой поход. Многие из покоренных городов вышли из-под его власти, среди них и Салерно, выдавший королю Танкреду находившуюся там императрицу. Неудачный военный поход в Южную Италию придал новые силы оппозиционерам Штауфенов в Германии. Противники Генриха VI на Нижнем Рейне под руководством архиепископа Кёльнского объединились с гвельфами Саксонии.

К этому добавились антиштауфеновский настрой и потенциал курии, а также направленная на поддержку гвельфов политика английского правящего дома, ведь король Ричард Львиное Сердце только что заключил союз с королем Танкредом Сицилийским.

Из кризиса императору помог выйти великий режиссер истории — случай, а также его собственная моральная нечистоплотность.

Король Ричард III, совершив под Акрой героические подвиги, при возвращении из крестового похода попал в руки герцога Леопольда Австрийского (1177—1194 гг.), с которым находился в ссоре. Тот выдал его императору Генриху VI, видевшему в Ричарде после заключения союза с королем Танкредом своего врага. Подобными откровенно пиратскими действиями на суше Генрих VI вынудил плененного английского короля заплатить в качестве выкупа сто пятьдесят тысяч серебряных марок (всего четыреста шестьдесят тысяч триста семьдесят семь килограммов серебра). При этом он заставил его дать клятву вассала с обязательством платить ежегодную дань в размере пяти тысяч марок. Стал ли английский король в результате этих действий имперским князем, является вопросом для специалистов

государственного и международного права.

Своим бессовестным поступком Генрих VI добился следующего: Англия не могла больше поддерживать сицилийского короля Танкреда, а также исключалась из коалиции севере- и нижнегерманских князей, из-за этого развалившейся. Англия понесла тяжелые финансовые потери, император же благодаря английскому серебру смог снарядить войско для завоевания Сицилии, нанять флот в портовых городах Генуе и Пизе и назначить главнокомандующим стольника Маркварда фон Анвейлера (ум. в 1202 г.). Последний являлся человеком невысоких моральных устоев, как и сам император, сделавший его своим преданным помощником.

В Королевстве обеих Сицилии исчезло всякое сопротивление возрастающей власти императора. Его сторонники открывали ему дорогу на севере материковой части государства. Города сдавались ему, за исключением Салерно, чьи жители страшились императорского гнева, так как выдали королю Танкреду императрицу Констанцию. Танкред умер за полгода до того, как император начал свой военный поход, и отомстить ему было уже невозможно. Крупные приморские города Неаполь, Мессина и Палермо сдались императорскому флоту, и после быстрого штурма Салерно остров и континентальная часть королевства были без особых усилий завоеваны. Поход начался в мае — июне. Уже 20 ноября Генрих VI вошел в Палермо, и в рождественские праздники 1194 года короновался в кафедральном соборе Палермо сицилийской короной. На следующий день императрица Констанция, благодаря посредничеству папы давно получившая от Танкреда свободу, родила ему в Джези единственного сына и наследника, Фридриха II.

Сразу после коронации император начал переговоры со старым, но очень опытным политиком — папой Целестином III. Наивысшей целью для папы являлся крестовый поход. Зная об этом, Генрих VI принял на себя обязательство не только организовать крестовый поход уже весной 1195 года, но и финансировать его. К английскому серебру теперь добавилось сицилийское золото.

За своей готовностью к крестовому походу Генрих скрывал тайные политические замыслы. Вместе с короной сицилийских норманнов он перенял и их экспансионистские устремления. Его целью стал Константинополь. После женитьбы брата, Филиппа Швабского, на Ирине (ум. в 1208 г.), дочери изгнанного императора Исаака II (1185—1195; 1203—1204 гг.), Генрих считал: его права позволяют ему, связанному финансовыми обязательствами перед папой, вымогать огромную дань у

императора Алексея III (1195—1203 гг.). Легко полученное английское серебро стало для него политическим примером.

Поскольку Генрих VI рассматривал Сицилию как свою наследственную вотчину, ему, должно быть, показалась привлекательной идея превратить Германию, где должность короля оставалась выборной, в государство с наследованием престола. Германским князьям надлежало отказаться от своего избирательного права. За это император предложил им наследственные права на их ленные владения как по мужской, так и по женской линии, и даже по боковым линиям.

Ему удалось также склонить к этой идее большинство собравшихся в Вюрцбурге князей, хотя часть их, сплотившись вокруг архиепископа Адольфа I (1193—1205 гг.) Кёльнского, решительно не желала отказываться от возможности проводить выборы короля каждые десять или двадцать лет и выторговывать у кандидатов на трон уступки, то есть привилегии. Прежде всего наследование ленных владений, не являясь действующим законом, существовало на практике. Генрих VI и сам узнал об этом после смерти ландграфа Людвига III Тюрингского в 1190 году. Он попытался оставить за собой лен, но под давлением князей ему пришлось пожаловать ландграфство Тюрингия брату умершего бездетным ландграфа, Герману I.

Императору пришлось удовольствоваться тем, что после больших усилий и при поддержке архиепископа Майнцского ему удалось в 1196 году провести избрание королем своего сына Фридриха, одобренное архиепископом Адольфом Кёльнским и его сторонниками.

Итак, задумано было великое дело, но реализовать удалось только возможное. Все это время Генрих вел нескончаемые переговоры с посланниками папы. Положение в Ломбардии ухудшилось. Все чаще нарушались заложенные в Констанцском договоре права городов. Через брата императора, герцога Филиппа Швабского, папа передал жалобу о противоправных посягательствах в патримонии.

Кроме того, поздней осенью, во время пребывания императора в окрестностях Рима, состоялись его личные встречи с папой.

О вопросах переговоров делегаций нам известно немного. Наиболее вероятно, речь шла о согласии и мире между императором и папой. Папа оставался неуступчивым в вопросе объединения империи и королевства. Папа отклонил требование императора крестить его сына, Фридриха, помазав на царство. В тот момент еще не было ясно, должен ли будет Фридрих, уже избранный королем Королевства обеих Сицилии, помазан на

германское или сицилийское царствование.

Если бы папа согласился на помазание на сицилийский престол, то он тем самым объединил бы империю с королевством, поскольку Фридрих уже стал избранным германским королем. Помазанием на германский трон папа недвусмысленно закрепил бы королевский титул за домом Штауфенов, хотя германские князья и сорвали план престолонаследия.

Ни один из вариантов ему не подходил.

На отказ папы Генрих VI ответил тем знаменитым «Высочайшим предложением», к сожалению без всякого толка будоражащим нашу фантазию, поскольку мы ничего, абсолютно ничего о нем не знаем. Было много спекуляций о необыкновенно высоких финансовых обязательствах императора по отношению к церкви. И наоборот, о признании империей патримония Святого Петра с гарантированной и высокой вассальной данью папе и курии. Но что можно гарантировать во времена перелома и перемен, когда папы и императоры умирали, а их наследники не были готовы, вероятно, и не могли быть готовыми выполнять договоренности предшественников. Папа опять отказался. Анналы Марбаха сообщают под 1196 годом: «В негодовании от неудачи после всех своих усилий император уехал из Рима на юг».

Тем не менее в конце декабря 1196 года Генрих VI созвал придворный совет в Капуе. Там он привел в исполнение жестокий смертный приговор Ричарду ди Ачерра, главному союзнику и зятю короля Танкреда, который иначе погиб бы от карающей княжеской руки. На том же самом придворном совете Генрих VI объявил о повышении подушной подати. Кроме того, немного позднее, к Пасхе 1197 года, он объявил из Палермо: все пожалованные грамоты должны быть возвращены для проверки — очевидное намерение перепроверить привилегии и в случае необходимости ликвидировать их.

В конце апреля 1197 года против него выступила группа заговорщиков. Но император, очевидно, предупрежденный, скрылся от противников в Мессине. С помощью Маркварда фон Анвейлера, рейхсмаршала Генриха фон Кальдена и группы германских крестоносцев, собравшихся в Мессине, он разбил бунтовщиков при Катанье и после многонедельной осады Кастроджованни, нынешней Энны, взял в плен последних восставших. Суд императора Генриха в присутствии императрицы Констанции, вынужденной наблюдать мучительную смерть земляков, был жесток. Предводителю мятежников, предназначенному на роль короля, правителю Кастроджованни, он приказал надеть на голову раскаленную железную корону.

Вполне понятны симпатии императрицы к своим сицилийским землякам, ведь Генрих бросил членов и детей ее королевской семьи гнить в германских застенках.

Но участие Констанции в мятеже, в результате чего на трон взошел бы другой король, при рассмотрении расстановки интересов кажется весьма сомнительным. Ведь бунт был направлен не только против собственного царствования Констанции, но и против притязаний на трон ее сына.

В конце июля ситуация на Сицилии, казалось, опять стабилизировалась, так что Генрих VI мог позволить себе предаться извечной страсти Штауфенов к охоте в Патти, расположенном в шестидесяти километрах к западу от Мессины. Он еще успел увидеть отъезд основной массы войска крестоносцев, великого и тщательно спланированного им мероприятия, призванного не только освободить Гроб Господень, но и продемонстрировать всему миру мощь и блеск империи Штауфенов.

Генрих VI, под впечатлением сицилийского мятежа, желал еще какое-то время понаблюдать за ситуацией в королевстве, а затем и сам собирался отправиться в Святую землю. Во-первых, он обещал папе принять в этом участие, но самое главное — он стремился продемонстрировать, будто исключительно его личное присутствие смогло обеспечить весь победный триумф.

Но вскоре умные расчеты и охватывающие весь мир планы Генриха VI, математика и стратега, завершились. Он страдал рецидивами малярии, заболев ею еще во время первого сицилийского похода. После кажущегося выздоровления его состояние ухудшилось из-за дизентерии. Он умер 28 сентября 1197 года в возрасте тридцати двух лет.

На смертном одре Генрих VI доказал силу своего аналитического таланта. Понимая, что модель империи, к которой он стремился, могла быть создана только им, он пошел на минимальные уступки по некоторым позициям. Он, никогда не дававший папе вассальной клятвы на Сицилию и, невзирая на мнение папы, непоколебимо выступавший за единство королевства и империи, приказал наследникам, императрице Констанции и сыну Фридриху, принести папе ленную клятву на королевство Сицилии: «…так, как ее было принято давать королями Сицилии».

Император ясно распорядился: королевство в случае смерти его потомков должно отойти церкви, как закончившийся лен. Его сын может получить от папы подтверждение на владение Священной Римской империей и выкупить его путем выдачи владений графини Матильды.

Избирательное право германских князей он при этом полностью игнорировал. Также подлежали возвращению вся центральная часть папского государства, старый патримоний Святого Петра, от Аквапенденте до Чеперано. Даже Равенна и Анкона, графства Маркварда фон Анвейлера, обязывались признать верховную власть церкви.

Отказ от крайних, минимальных позиций объяснялся вовсе не приступом слабости умирающего, а являлся следствием реализма, свободного от иллюзий.

Последовавшие в Европе события доказали это. Через полгода после смерти императора умер папа Целестин, и новый великий престольный властелин поднялся над христианским миром.

В Англии и Западной Франции после смерти Ричарда Львиное Сердце распалась великая Анжуйская империя Плантагенетов. Французское национальное государство обозначило свои первые твердые контуры. С высоты имперской державы, созданной Фридрихом I и Генрихом VI, Германия рухнула в пропасть двадцатилетней гражданской войны, в борьбу за трон между Вельфами и Штауфенами.

Удельные князья, пользуясь ситуаций, отвоевывали себе все большую независимость от короны. При папе Иннокентии III (1198—1216 гг.) церковь стала доминирующей властью Средневековья и одновременно третейским судьей над светской властью. Нищенствующие сообщества новых орденов францисканцев и доминиканцев становились ее сильными помощниками.

Но в такой же степени росло число ересей — катаров и вальдензеров, особенно в городах с их недавно сформировавшимися социальными слоями. Местом их возникновения стали Северная Италия и Юго-Западная Франция. Усиливающая свое могущество и становившаяся все более светской церковь совершенно очевидным образом противоречила евангельским идеалам бедности.

В середине столетия воссиял религиозный гений Фомы Аквинского, сумевшего соединить будоражащую христианство философию Аристотеля с христианской картиной мира.

Среди женщин, близко связанных с нищенствующими орденами, распространилось новое мистическое течение, самым ярким образом которого стала Мехтхильда Магдебургская, а беззаветная преданность францисканскому идеалу бедности воплотилась в святой ландграфине Елизавете Тюрингской.

Наряду с этим наблюдалось такое падение нравов в монастырях и клире, что папа Григорий IX (1227—1241 гг.)

назначил Конрада Марбургского папским визитатором германских монастырей со словами: «Германский клир, призванный распространять благоухание добродетели, распространяет смрад смерти. Нам донесли — приходские священники и другие принявшие священный сан позабыли о своем положении; подопечных, коим им подобает служить примером почтенной жизни, они заражают собственными пороками. Как вытекшая вода или сосуд без крышки, беспечно предаются всяческому разврату, держат любовниц и ведут веселую жизнь».

Современники глубоко чувствовали дуализм, ту смену времен, проявившуюся после смерти императора Генриха VI. Хронист Марбахских анналов сетует в 1197 году: «Растерянность, беды и война воцарились по всему земному кругу».

В мире перелома, глубочайшей набожности и греховного разврата, во времена, когда пробивали себе дорогу новые политические и духовные установления, 26 декабря 1194 года в Джези, городе марки, родился Фридрих II, наследник этого раскалывающегося времени.

Игрушка в руках судьбы

Мальчика, родившегося в рождественские праздники 1194 года, окутывали легенды, мрачные пророчества и подозрения.

«Он не сын императора, а сын палача».

«Его подкинули», — шептались вокруг, поскольку не считали сорокалетнюю Констанцию способной к деторождению. Чтобы прекратить подобные слухи, умная императрица публично разрешилась от бремени в шатре на рыночной площади Джези и здесь же с гордостью показала при всем народе свои наполненные груди как доказательство своего материнства.

Мать назвала мальчика в подражание своему собственному имени Рожер Константин. Позднее возникла комбинация имен Фридрих Рожер в память об обоих славных предках, затем воплотившаяся в излюбленном императорском имени Штауфенов — Фридрих.

В момент смерти императора Генриха VI мальчик, разлученный с матерью, все еще находился при дворе сполетанского герцога в Фолиньяно. Брат императора Филипп Швабский имел поручение увезти Фридриха отсюда в Германию. Но, когда герцог Филипп доехал до Монтефиасконе (недалеко от Витербо), пришло известие о смерти императора. С быстротой молнии в Италии вспыхнула ненависть к немцам, и начался бунт против императорской власти. Филиппу пришлось возвратиться в Германию, где его присутствие было совершенно необходимо.

Всего лишь несколько судьбоносных дней — и Филипп смог бы доставить в Германию для коронации Фридриха, уже там избранного. Эти дни определили судьбу Германии и собственную участь Фридриха.

О, если бы он вырос не в Италии, не в Неаполитанском королевстве своей матери, а у Штауфенов в Швабии или Эльзасе — там он получил бы определяющее его жизнь воспитание.

Императрица Констанция, согласно наследному праву норманнов и по завещанию мужа принявшая правление на Сицилии, приказала двум графам, Петру ди Челано (ум. в 1212 г.) и Берарду ди Лорето (ум. в 1207 г.), доставить сына из ставшего ненадежным герцогства Сполето в Палермо. В Троицын день 1198 года Фридрих с византийской пышностью короновался в Палермо на престол Королевства обеих Сицилии.

Хотя императрица Констанция и воспользовалась при возвращении сына услугами двух графов, являвшихся рьяными приверженцами императора Генриха VI, теперь она со всей мощью обрушилась на германцев в Сицилии. Здесь необходимо

вспомнить о кровавом деспотизме императора, жестоко расправившегося с членами королевской семьи Констанции.

Преданный императору стольник Марквард фон Анвейлер, претендовавший на регентство в Сицилии, подвергся изгнанию, а вместе с ним и все немцы. По-видимому, императрице не хватило власти для осуществления всех замышляемых ею высылок. Анвейлеры, Каппароне и Дипольд фон Швайнспойнт, ведя долгую борьбу и часто побеждая, все же играли решающую роль в королевстве Сицилии.

Верного Штауфенам канцлера Королевства обеих Сицилии, Вальтера фон Пальяру, епископа Трои, сразу бросили в темницу. Только благодаря протесту папы он обрел свободу.

Ожесточение населения Сицилии против оккупантов из Германии (именно это определение ясно отражает отношения между немцами и местными жителями) настолько возросло, что нападали даже на германских крестоносцев, возвращающихся из Святой земли. При этом среди крестоносцев находились германские князья, еще раз подтвердившие после получения в Акре печальной вести о кончине своего императора избрание малолетнего короля обеих Сицилии королем Рима, то есть римским императором.

Но Констанция уже отказалась от мечты об императорском престоле Рима. Она желала для сына большей надежности родного для нее норманнско-сицилийского царства, чьи размеры — даже учитывая далеко идущие средиземные цели — были ей всегда понятны. Сицилийская королева все еще носила титул «Romanorum imperatrix semper augusta»,[5] так как осознавала неотъемлемое право на предоставленный ей императорский титул, а не для демонстрации императорских притязаний для своего сына. Со времени его коронации в Палермо она отказалась от упоминания германского королевского титула во всех грамотах, где присутствовало имя Фридриха.

Возможно, напоминает нам В. Штюрнер, императрица узнала об избрании королем Филиппа Швабского. Его она признала, дабы избежать раскола среди сторонников Штауфенов, но прежде всего потому, что пессимистически оценивала шансы Фридриха в Германии по сравнению с Филиппом.

От единства царства и империи (Королевства обеих Сицилии и римской императорской власти), которым Генрих VI никогда не поступался и от которого он никогда не отрекался, ей пришлось отказаться.

Для императрицы, уже носившей в себе свою смерть, возможным оставалось лишь сохранение минимальных позиций. Она укрылась под рукой единственной власти, способной дать ее

сыну надежность и будущее: римской церкви. В лице нового папы Иннокентия III появился правитель, заполнивший вакуум власти, возникший после смерти императора Генриха VI.

Он стал третейским судьей в споре за германский трон между Филиппом Швабским и Оттоном Брауншвейгским. Цена, заплаченная Констанцией за помощь папы, являлась высокой. Император Генрих VI неизменно отказывался принести папе клятву вассала на Сицилию — Констанции пришлось на это пойти. Она выполнила все вассальные действия, связанные с принесением ленной присяги. Приоритет королевского права над сицилийской церковью, отвоеванный норманнскими королями у папства, отменили. Назначение епископов и их избрание полностью перешли в руки курии и капитула. Королю оставили лишь ограниченное право их утверждения.

В завещании Констанция поставила папу регентом Сицилии и назначила его опекуном своего сына Фридриха. Взамен папе Иннокентию III полагалось получать, кроме компенсации фактических издержек и расходов, еще и ежегодное пособие в размере тридцати тысяч таренов.

Для непосредственного управления страной императрица составила Королевскую Большую курию, старый норманнский орган правления, куда после смерти Констанции вошли четыре архиепископа — Палермский, Монреальский, Капуанский и, вероятно, из Калабрии.

Возглавил коллегию вновь вошедший в милость канцлер Вальтер фон Пальяра, епископ Трои.

Год спустя, в ноябре 1198 года, Констанция умирала, будучи уверена: Неаполитанское королевство под присмотром созданного ею совета и ее сын под опекой папы будут хорошо обеспечены.

Папа Иннокентий III — судья Западной Европы

8 января 1198 года старый папа Целестин III умер вслед за молодым королем Генрихом VI.

В то время как Германия погрязла в смуте конфликтов за трон, курия быстро и решительно дала понять — время требует сильного правления. Еще в день кончины старого папы кандидаты единогласно выбрали папой Иннокентием III тридцатисемилетнего графа Лотаря фон Сеньи.

Биограф представляет его нам как человека приятного видом и характером, одаренного оратора и хорошего певца, ведущего умеренный образ жизни, но свободного как от неприятной скупости, так и от неразумных расходов.

Ловкий, дисциплинированный и изысканный аристократ, получивший образование в школах Рима и в высших школах Болоньи и Парижа. Там он изучал, разумеется, теологию, но, кроме того, и правоведение. Одним из первых его мероприятий стало приведение в порядок финансов Ватикана, находившихся до тех пор в плачевном состоянии. Во время его понтификата курию никогда не обременяли долги.

В своих взглядах на правление он являл разительное противоречие гордому высказыванию Барбароссы, брошенному им в лицо кому-то из римлян незадолго до своего коронования: «Не хочешь ли ты узнать былую славу твоего Рима? Честь сенаторского звания? Порядок в войсках? Выносливость и дисциплину рыцарства, его несгибаемую, неодолимую доблесть, когда оно вступает в бой?

Взгляни на нашу страну!

Все это, перешедшее к нам с императорской властью, ты найдешь у нас. Императорство досталось нам не голым. Оно пришло облаченным силой и красотой. Твои консулы и твой сенат теперь у нас. И у нас войско!»

Здесь с кристальной ясностью выражено императорско-штауфеновское притязание на власть. Император — господин Священной Римской империи, а также господин Рима, резиденции папы. Император не только господин, он и наследник Рима и римских добродетелей.

Императорскому всевластию Штауфенов папа Иннокентий III противопоставил идею папского господства. Подобные мысли и притязания на господствующее положение церкви в предварительной форме мы находим уже у папы Николая I (858—867 гг.). Он не раздумывая воспользовался ослаблением императорской власти при Людовике Благочестивом (814— 840 гг.) и отстаивал главенствующую роль папской власти не только в церковной, но и в светской жизни.

Те же претензии предъявлял затем папа Григорий VII (1073—1085 гг.), добивавшийся главенства церковников над светской властью. При папе Иннокентии III достижение мирового господства церкви стало смыслом эпохи. Римский епископ сделался для него не только викарием Святого Петра, не только наместником Бога, нет, он представлял самого Бога на земле.

Следовательно, «папа теперь не просто первосвященник, а господин мира». Соответственно этим мыслям папа Иннокентий III создал теорию, по которой именно всевластие папы передавало императорский сан от византийских греков германцам.

Эскалация претензий папы на власть продолжалась. Он определил отношения между папой и императором исходя из

принципов феодального права: папа жалует империю избраннику. Отсюда возникает право папы на контроль над выборами: он решал, кто достоин стать избранником. Таким образом ущемлялись не только права императора, но и избирательные права князей.

Идеалом Иннокентия III являлось непосредственное господство папы во всем мире.

И он последовательно осуществлял его, сосредоточив в своих руках обе власти. Кроме того, при той полноте духовного и светского всемогущества папа мог освободить от любой клятвы. Присяги, принесенные князьям, противящимся Богу и его заповедям, а к этому относились и папские распоряжения, переставали быть обязывающими. От обязательств освобождал папа Иннокентий III: «Да не будет позволено сохранять верность тому, кто сам не верен Господу».

В проповеди при посвящении тридцатисемилетний папа совершенно недвусмысленно объявил римлянам и настороженной Западной Европе: «Я поставлен над Домом Господним, ибо мои заслуги и положение возвышаются над всем. Мне было сказано пророком: Я дам тебе место над народами и королевствами. Мне было сказано апостолом: Я отдам тебе ключи от царствия небесного. Раб, поставленный над всем Домом Господним, есть наместник Христа, преемник Петра, помазанник Божий, бог-фараон, он поставлен посередине между Богом и людьми, менее величествен, чем Господь, но более величествен, чем человек; он может судить всех, но никто не может судить его».

Таков был человек, назначенный опекуном маленького короля Фридриха и призванный стать третейским судьей в споре за трон Германии.

Когда император Генрих VI умер в Мессине, его брат Филипп Швабский не смог выполнить его поручение отвезти Фридриха в Германию для коронации. Тогда он повернул коня и помчался через восставшую Италию, через Альпы обратно в Германию.

8 марта 1198 года его избрали германским королем. Двухступенчатые выборы проходили в двух городах, Ихтерхаузене и Мюльхаузене. В глазах германских князей это знаменовало господство над империей. Избрание Филиппа стало, по сути, предательством по отношению к сыну императора Фридриху, в конце 1196 года избранному княжеским собранием во Франкфурте. С результатами выборов согласился и архиепископ Адольф Кёльнский со своими сторонниками, хотя он не вполне благожелательно относился к Штауфенам.

Причиной избрания Филиппа стали насущные задачи государственной политики. Слишком живо помнили германские

князья, какой вред был нанесен стране за годы несовершеннолетия императора Генриха IV (1056—1106-гг.), когда регенты правили только исходя из соображений собственной выгоды, а не на благо государства. Так пришли к решению выбрать Филиппа Швабского.

Будучи избранным 6 и 8 марта, он лишь 8 сентября короновался архиепископом Тарантеза, случайно оказавшимся в Майнце, подлинными знаками государственной власти.

Приглашенный согласно старой традиции, кёльнский архиепископ Адольф и его сторонники с Нижнего Рейна отчасти из неприязни к Штауфенам, но прежде всего заботясь об экономических интересах Кёльна и его округов в Англии, выдвинули в качестве претендента на трон Оттона Брауншвейгского (1198—1218 гг.), третьего сына Генриха Льва и племянника английского короля Ричарда Львиное Сердце.

Воспитанный при английском дворе, он получил от английского короля титул графа Пуату. Поэтому многие считали его не немцем, а англичанином. Но все же 9 июля 1198 года настоящий епископ Адольф Кёльнский водрузил на него в Аахене фальшивую корону, так как подлинные знаки императорской власти, как и большие сокровища Генриха VI, находились в крепости Трифельс во владении Штауфенов.

До решения проблемы силой оружия дело пока не дошло: оба короля ожидали от папы приговора.

Но папе не пришлось брать на себя решение: оно явилось само собой. Умный папа обладал умением выжидать. Только на рубеже 1200/1201 годов он огласил решение в речи, произнесенной перед кардиналами. В данной речи, шедевре политической целеустремленности, вначале обосновывалась правомочность папы на приговор королям. Стало совершенно ясно: папа не хочет видеть на королевском троне никого из Штауфенов, чья семья в свое время уже доставила папам много хлопот. Кроме того, Генрих VI так и не принес вассальную присягу на Сицилию. Он рассматривал Сицилию как наследственное владение жены Констанции и часть принадлежащей ему империи. Во-вторых, Генрих VI намеревался воссоединить Королевство обеих Сицилии и империю. Это укрепляло яростную вражду с папством. Никто из пап не мог допустить, чтобы патримоний Святого Петра, зажатый между Сицилийским королевством и имперской Италией, раздавили, как орех щипцами. Генрих VI никогда не скрывал своих целей.

Давайте проследим за аргументацией решения папы, изложенной им следующим образом: «Поскольку недавно троих выбрали королями — мальчика (Фридрих), Филиппа и Оттона,

мы должны принять во внимание три обстоятельства относительно каждого из них: что допустимо, что подобает и что выгодно». Бросается в глаза, как папа, принимая критерии, руководствуется утилитарными, а не морально-правовыми категориями.

Далее он продолжает: «На первый взгляд кажется недопустимым возражать против выборов мальчика, закрепленных присягой князей… Они выбрали его по внутреннему убеждению и единогласно поклялись ему в безоговорочной верности, а некоторые принесли вассальную присягу. Поэтому кажется недопустимым возражать против законных обещаний».

И тут папа проявил себя дальновидным политиком:

«…Когда этот мальчик узнает и поймет, что Римская церковь отняла у него его права, он откажет вам не только в подобающем благоговении, но и будет бороться с вами всеми возможными средствами, разорвет ленные узы с Сицилийским королевством и не окажет вам привычного повиновения.

Исходя из вышеизложенного, кажется допустимым, подобающим и выгодным возразить против его выбора.

Допустимым, так как прежние обещания являлись недозволенными, а выбор — безрассудством. Ведь вы избрали неподобающего ни для империи, ни для какого другого места неподходящего человека, а именно ребенка около двух лет от роду, не принявшего даже святого крещения… И хотя присягавшие добровольно дали обеты, они выбирали его тогда императором для правления лишь по достижении законного возраста».

Здесь выдающийся юрист папа Иннокентий III допустил ошибку, впоследствии дорого обошедшуюся, — подтвердил германскую, точнее, даже штауфеновскую точку зрения: выбор германских князей является для германского короля основанием для получения императорского титула.

«…Поскольку регент не может управлять империей, а император может избираться на определенное время, церковь не может и не хочет оставаться без императора и считает допустимым позаботиться о назначении другого…»

И тут папа начинает говорить открытым текстом и разъясняет, почему правителем не может быть ни Фридрих, ни какой-либо другой Гогенштауфен: «Будет невыгодным, если он сохранит за собой императорскую власть, так как тогда Сицилийское королевство объединится с империей, и церковь повергнется в смуту.

Ведь Фридрих, не говоря уже о других опасностях, не захочет

дать церкви присягу на верность и стать ее вассалом, как этого не сделал его отец. Мнение, будто мешать его избранию негоже, дабы он позднее не обвинил церковь в потере империи, не имеет значения. Никто не сможет с полным правом утверждать, что церковь отняла у него империю, так как брат его отца (Филипп Швабский) в гораздо большей степени вторгся не только в империю, но и в его долю отцовского наследства и намеревается занять со своей дружиной владения его матери, для защиты которых Римская церковь трудится, не жалея никаких усилий и расходов, употребляя мудрость и силу».

После столь убедительных доводов решение вынесли не только против опекаемого папой Фридриха, но и против его дяди Филиппа Швабского. Филиппа, так же как и его брата, императора Генриха VI, обвинили в стремлении объединить Королевство обеих Сицилии и империю, приписав подобное намерение и сыну императора Фридриху. Таким образом, путь казался открытым для Оттона Брауншвейгского.

Но папа еще раздумывал, ожидая окончательного объяснения с Вельфами. Теперь должна была быть принесена плата, которую папа со своей точки зрения считал непременным условием: защищенность и полное восстановление патримония Святого Петра.

8 июня 1201 года Оттон принес в Нейссе заранее обговоренную присягу. Он обязался признать произведенные рекуперации[6] и содействовать еще продолжающимся, а также возвратить бывшие владения Римской церкви в Центральной Италии. Он обещал папе свою помощь в утверждении папско-сицилийской империи — лена. Он обязался по совету и приговору папы или, говоря прямо, по его приказу оформить отношения с Римом и с союзами городов Ломбардии и Тосканы. Это стало отказом от всякой самостоятельной политики империи в Италии. Никто из германских князей не являлся свидетелем данной присяги.

Четыре недели спустя после присяги в Нейссе, 3 июля 1201 года, папский легат и кардинал-епископ Гвидо Пренестский объявил в Кёльнском соборе перед всем клиром и народом Оттона IV Брауншвейгского королем, утвержденным папой. В тот же час и в том же месте все противники Вельфов объявлялись отлученными от церкви.

Событие в Кёльне показало, однако, и пределы папской власти. Более тридцати имперских князей и половина епископов воспротивились папской анафеме. На придворном совете в Галле они выступили против вмешательства легатов папы в вопросы наследования германского трона.

Иннокентий III вопреки их протесту утверждал: избирательное право князей возложено на них папой, а его право контроля над выборами является неоспоримым.

Угрожая анафемой, папе и его легату Гвидо Пренестскому удалось постепенно перетянуть на сторону Вельфов большую часть германского епископата. В течение 1200 года епископ Конрад фон Вюрцбург и архиепископ Эберхард II фон Зальцбург примкнули к гвельфам. За один день в Корвее папскому легату удалось заставить почти всех саксонских епископов подчиниться воле папы и признать Оттона Брауншвейгского. Летом Оттокар Богемский стал гвельфом, и ландграф Герман I Тюрингский тоже планировал перейти к ним.

Сам Зигфрид II Майнцский позволил папскому легату утвердить свои выборы, и в сентябре 1201 года в Ксантене его посвятили в архиепископы. Занимавшего этот пост архиепископа Леопольда фон Шенфельда (1200—1208 гг.) сместили. До 1217 года мы находим его имя — уже архиепископа Вормса.

Когда Оттон IV пленил архиепископа Гартвига Бременского в первые недели января 1202 года, пал последний бастион оппозиции Вельфам на севере.

Под давлением легата и архиепископа Майнцского удалось уговорить горожан Хальберштадта избрать епископом гвельфа. Архиепископа Людольфа Магдебургского (1192—1205 гг.) отлучили от церкви. На Нижнем Рейне последний противник Оттона IV, сторонник Штауфенов гибеллин епископ Дитрих Утрехтский (1190—1212 гг.), был отстранен. После этого сопротивляющиеся епископы Тула, Метца и трирский архиепископ Иоганн I вернулись под власть папы.

Весной 1203 года король Богемии Оттокар и ландграф Тюрингии Герман I подняли оружие против короля Филиппа. Военные события развивались неудачно для Штауфенов. После этого отлученный архиепископ Магдебургский тоже покорился папскому легату. Епископов Гартвига Аугсбургского (1202—1237 гг.), Дитриха Мерзебургского (1201—1215 гг.), Экберта Бамбергского (1203—1237 гг.) и Вольфгера из Пассау (1191—1204 гг.) вынудили принести присягу повиноваться приказам папы во всех политических и, разумеется, церковных вопросах.

Величайшая дисциплинарная акция, когда-либо применявшаяся к германскому епископату! Реформы Ватикана, стремящегося к высокой цели неограниченной свободы церкви, сковали духовную свободу германской церкви.

Светские князья тоже начали поспешное бегство к предполагаемому победителю. На придворном совете 2 февраля

1204 года король из рода Вельфов ожидал полного повиновения от всего юго-востока, в частности от герцогов Баварского и Австрийского.

И — чудо за чудом — папа Иннокентий III сам призвал ломбардские города признать Оттона IV. Германские князья предложили папе подготовиться к походу на Рим короля, называвшего самого себя «королем папской милостью».

Папа наслаждался неограниченной властью над Западной Европой.

Но вскоре обозначились границы его всемогущества, основанного на принуждении к присяге, угрозах применения церковного наказания, на использовании своего исключительного положения как в светской, так и в церковной власти.

Эрозия власти началась там, где ее не ожидали, — в семье Вельфов. Весной 1204 года от Оттона IV отрекся его брат, Генрих V (1195—1217 гг.), пфальцграф Рейнский, женатый на Агнессе из семейства Штауфенов. Вслед за ним последовал ландграф Тюрингии Герман, вечно озабоченный поиском большей выгоды для своего семейства. В октябре к нему присоединился и богемец Оттокар. В ноябре 1204 года — герцог Генрих Брабантский и Адольф, архиепископ Кёльнский. Измену последнего папа прокомментировал с горечью: «Было бы лучше, если бы этот человек никогда не рождался».

За великими мира сего потянулись и остальные — епископы Падеборна, Страсбурга, Оснабрюка, Мюнстера и Люттиха, аббаты и священники Ксантена, Св. Куниберта в Кёльне и в Корвее.

6 января 1205 года Филипп Швабский повторно короновался, на сей раз настоящей короной, в Аахене, в традиционном месте коронации, архиепископом Адольфом Кёльнским, полномочным представителем папы при совершении таинства миропомазания. На церемонии присутствовали саксонские князья и епископы, отсутствовавшие при первой коронации. Верные южногерманские епископы сплотились вокруг короны Штауфенов.

В конце концов при короле Оттоне IV остался только Кёльн: сказалась заинтересованность его обитателей в торговле с Англией.

27 августа 1206 года на поле боя при Вассенберге окончательно решились как политическая ситуация, так и судьба вельфского королевства. Король Филипп наголову разбил Оттона IV, после чего даже торговые магнаты Кёльна подчинились королю Гогенштауфену.

Архиепископ Зигфрид II Майнцский покинул Германию, осознав неустойчивость своего положения. Он перебрался в Италию, где впоследствии жил как кардинал Сабина.

Казалось, Оттон IV покинул историческую арену. Папа сразу же начал переговоры с новым королем. В начале июня 1206 года он отправил благородного патриарха Вольфгера Аквилейского (1204—1218 гг.) к Филиппу, готовому пойти на перемирие и намеревавшемуся составить коллегию из кардиналов и имперских князей для предъявления претензий Римской церкви. Сам же Филипп отказывался от упреков папе, уповая лишь на Божий суд. По поручению Филиппа Вольфгер Аквилейский с тремя светскими мужами отправился в Рим для переговоров о мире.

Уже весной 1207 года папа послал трех высокопоставленных легатов (среди них находился и его двоюродный брат Уголино Остийский, будущий папа Григорий IX) для заключения мира или по меньшей мере перемирия на год между двумя воюющими германскими князьями — Оттона уже не называли королем. В сентябре 1207 года перемирие было достигнуто. Вероятно, добились и отказа Оттона IV от трона, освободив путь для признания папой Филиппа, с которого сняли отлучение от церкви.

Благосклонность папы к Филиппу Швабскому объясняется не только результатом военной победы Штауфенов, но и личным обаянием Филиппа. Любезный, даже очаровательный, «милый юноша», по выражению Вальтера фон дер Фогельвейде, не унаследовал того болезненного самолюбия, как все Штауфены до и после него. На папу, по-видимому, произвело большое впечатление сообщение легатов о готовности Филиппа отписать имперские налоги за пять лет в пользу Святой земли.

Точные сведения о договоре в Риме нам неизвестны.

Швабский летописец Бурхард фон Уршперг узнал от людей, достойных доверия, о предполагаемой свадьбе дочери Филиппа с племянником папы, которому затем в виде имперского лена должны были отойти Тусция, Сполето и марка Анкона. Задумал ли Иннокентий III таким образом отказаться от рекуперации, дабы передать их в руки племяннику, утверждать нельзя. Матримониальный план вынашивался задолго до этого, чему есть свидетели.

Но во все земные намерения князей и священников вмешалась судьба, спутав карты духовной и светской властей.

21 июня 1208 года баварский пфальцграф Оттон Виттельсбахский убил в епископском дворце в Бамберге короля Филиппа. Причина убийства осталась невыясненной. Предположительно пфальцграф, помолвленный с дочерью Филиппа, разгневался из-за планируемого брака принцессы с племянником папы ради упрочения мира между папой и империей Гогенштауфенов.

Но сам папа увидел во впервые произошедшем в немецкой истории убийстве короля освобождение от необходимости короновать неугодного Гогенштауфена на императорство. «Божий суд, уничтоживший двоемыслие в империи».

Вельфа-короля Оттона IV, как ему самому казалось, возвела на трон судьба.

Осиротевший король под опекой папы

На фоне происходивших в мире событий со смертью императрицы Констанции 27 ноября 1198 года для Фридриха началось десятилетие одиночества, сформировавшее его характер.

Романтическую легенду об одиноком королевском сыне, бродящем по улицам и переулкам Сполето, вникающем в сарацинскую, греческую и норманнскую культуру островного государства и находившем пропитание и приют у добросердечных горожан, после некоторых размышлений и при оценке немногочисленных фактов нельзя признать достоверной.

Во-первых, дед Фридриха, король Рожер II (1130-1154 гг.) получил великолепное княжеское воспитание у греческих ученых.

А кроме того, при всех неурядицах сицилийско-норманнская придворная капелла не переставала существовать, так же как и круг юристов, нотариусов и ученых. Помимо прочего, король-дитя для многих представлял желанный объект влияния. Только через него и от его имени могли править канцлер Вальтер фон Пальяра, Маркварда фон Анвейлер, со временем поднявшийся до должности регента королевства, его преемник Вильгельм Каппароне и кондотьер Дипольд фон Швайнспойнт, или, иначе говоря, Дипольд, граф Ачерра.

После смерти императрицы Констанции в Королевстве обеих Сицилии возникла противоречивая расстановка власти. Во-первых, папа — сюзерен наследного королевства и одновременно опекун юного короля, старавшийся сохранить для него наследное государство, но без короны римского императора. По этой решающей причине Иннокентий III поддерживал претензии на власть Вельфа Оттона IV.

Германских рыцарей, Маркварда фон Анвейлера и Вильгельма Каппароне, считали не столько регентами, сколько союзниками короля Филиппа в Германии. На материковой части Сицилии Дипольд фон Швайнспойнт боролся против полководца папы, графа Вальтера де Бриенна, вдохновляемого не столько интересами папы, сколько собственными притязаниями на власть и господство. В конце концов, существовал еще и канцлер

королевства, Вальтер фон Пальяра, доверенное лицо императора Генриха VI, сохранявший его традиции и время от времени оказывавший сопротивление политике папы. Положение канцлера в семейном совете, учрежденном императрицей Констанцией, стало доминирующим после того, как в 1199 году умерли другие члены совета, архиепископы Палермо, Капуи и Калабрии.

Отъявленным противником папы, без сомнения, являлся Марквард фон Анвейлер, названный папой в своем письме к совету от 18 декабря 1198 года «врагом Бога и церкви». «В действительности — таково кредо папы — Марквард лишь делает вид, будто старается управлять государством, стремится к большему — к полной королевской власти, оспаривая даже законность рождения Фридриха».

Насколько сторонники Штауфенов ценили Маркварда фон Анвейлера как представителя имперских интересов, видно из письма группы германских князей папе Иннокентию III: «Мы напоминаем и просим Вас, чтобы Вы нашему возлюбленному другу, преданному соратнику нашего господина, короля Филиппа, маркграфу Анконы, герцогу Равенны, управляющему Королевством обеих Сицилии и стольнику императорского двора, оказали Вашу апостольскую милость в делах нашего господина».

Если данное письмо к папе не является чистой провокацией со стороны некоторой части князей по отношению к Святому престолу, то оно показывает полное и наивное непонимание ими напряженности, существовавшей между папой и императором.

Вопрос жизненной важности для папского государства — быть раздавленным между штауфеновско-сицилийским королевством или штауфеновско-римской империей, также никем не был понят. Необходимо еще раз подчеркнуть: вся политика папы против императора и империи может быть правильно истолкована лишь с учетом этой проблемы.

Марквард начал борьбу за власть на континентальной части Сицилии. В январе 1199 года он изгнал войска папы из города Сан-Германо. Но завоевать монастырскую крепость Монтекассино ему не удалось.

Некоторое сближение Маркварда с папой, позволившее временно отменить его отлучение от церкви, быстро закончилось. Марквард поменял поле битвы, перебрался на Сицилию и закрылся в городе Палермо. В июле семейный совет во главе с Вальтером фон Пальярой с войском папы поплыл в Палермо и 21 июля 1200 года разбил Маркварда и его сторонников близ Монреаля. Следующую битву при Таормине Марквард также проиграл. Но поражения никак не отразились на положении Маркварда на острове. Войска папы, ослабевшие от болезней и

эпидемий, возвратились в Южную Италию.

Однако кое-что все же произошло. Незаметная, но глубокая трещина пролегла между канцлером Вальтером фон Пальярой и папой.

Появление графа Вальтера де Бриенна, женатого на одной из дочерей короля Танкреда, обеспокоило канцлера. Он, должно быть, увидел в графе, уже получившем в лен от папы графство Лечче и княжество Тарент, серьезного претендента на сицилийский трон.

Если Вальтер фон Пальяра мог надеяться на долгий период своего влияния и правления на посту канцлера при ребенке, а затем юноше Фридрихе, то при Вальтере де Бриенне это было исключено. На особое сопротивление папы кандидатуре Вальтера на трон не приходилось рассчитывать. Основной принцип политики папы — разделение королевства и империи — имел больше шансов осуществиться при.французе, чем при подопечном папы, Фридрихе, в котором не только текла кровь Штауфенов, но могли и возродиться их мечты.

Размышляя таким образом, Вальтер фон Пальяра отказался от церковных должностей и ввел своего брата, графа Джентиле Манупелло (ум. после 1212 г.), в семейную коллегию. Затем он принял туда, несмотря на протест папы, Маркварда фон Анвейлера и разделил с ним власть и сферы влияния в королевстве. Теперь он отправился на материковую часть Сицилии для решающего боя с Вальтером де Бриенном. Столичный город Палермо он передал брату, графу Джентиле, вместе с драгоценным залогом власти, юным королем Фридрихом.

В мае 1201 года Вальтер де Бриенн вступил с войском, состоящим как из его солдат, так и из солдат папы, на материковую часть Королевства обеих Сицилии. Он одержал блестящую победу в окрестностях Капуи над Дипольдом фон Швайнспойнтом, занимавшим здесь главенствующее положение, и перед ним открылась дорога к его южно-итальянскому лену.

Теперь канцлер Пальяра открыто присоединился к Дипольду, получив за это отлучение от церкви и официальную конфискацию владений.

Поражение Дипольда, победа войск папы и отлучение от церкви Маркварда не прошли без последствий для островной части Королевства обеих Сицилии. Императорский стольник Марквард фон Анвейлер поступил так же, как поступил бы любой генерал или герой на его месте, — бросился в наступление.

Он осадил Палермо в октябре 1201 года. Брат канцлера, граф Джентиле, укрылся вместе с доверенным ему юным королем в

крепости Кастелло-а-Маре, возвышающейся над портом Палермо. Когда 1 ноября 1201 года крепость все-таки пала, юный король попал в руки Маркварда фон Анвейлера. Блестящий граф Джентиле поспешил (или бежал) в Мессину за недостающим провиантом. Явно совсем неподходящая задача для высокопоставленного человека, облеченного доверием охранять наследника Сицилии.

В письме архиепископа Рейнальда Капуанского в ноябре 1201 года папе Иннокентию III впервые дано описание личности Фридриха. Архиепископ, надо заметить, являлся ближайшим родственником канцлера и его брата Джентиле. Итак, письмо архиепископа: «Горе мне! В понедельник 5 ноября сего года посол от Вильгельма Францизиуса из города Палермо прибыл в ту местность, где я живу, с чрезвычайно печальной и достоверной вестью — придворный кастелян фон Аккариио и его соратники выдали Марквард короля, дворец и упомянутого Вильгельма Францизиуса, учителя короля, в третьем часу дня.

Когда мальчика предали неверные охранники, заслуживающие всяческих проклятий, он, нежный юный король, был доставлен тем, кто посягал на его жизнь, во внутренние покои дворца. Увидев свое неизбежное заключение, он вместо оружия защитил сам себя слезами. Мальчик не мог не выказать рыцарям свое королевское достоинство …так, когда его собирались схватить, он прыгнул навстречу обидчику и попытался, как только смог, схватить за руку того, кто посягнул на помазанника Божия. Затем он расстегнул королевскую мантию и, преисполненный боли, разодрал одежды, расцарапав свою нежную плоть».

Архиепископ объясняет побег своего родственника и то, что царственного ребенка покинули, следующей тирадой:

«Затем граф Джентиле оставил замок на верных охранников и поехал в Мессину… дабы позаботиться о необходимой доставке в тот замок провианта; а как и зачем он туда поехал, я не мог разузнать у упомянутого посла».

Письмо архиепископа сообщает нам ценные факты. Во-первых, становится известным учитель Фридриха II. Отпрыск знатной семьи, имеющей владения при Авеллино, восточнее Неаполя. Теперь мы точно знаем: Фридрих не был лишен научных занятий. Мы видим семилетнего короля-ребенка, который при появлении Маркварда, совершенно естественно, начинает плакать, но затем храбро и со страстью пытается защитить себя.

Очевидна ненадежность островного государства, если даже охрана предала маленького короля, выдав его Марквард. Брат канцлера, граф Джентиле, доведенный трусливыми слухами до

отчаяния, покинул юного короля. Отговорка, будто он хотел добыть в Мессине провиант для осады города, кажется слишком прозрачной. Это подходящая задача для интенданта, а не для графа, исполнявшего в бою при Палермо блистательную роль предводителя войска папы против Маркварда фон Анвейлера.

Бедственное положение Фридриха II задокументировано в стихотворном послании, и хотя оно не могло быть написано им самим, основная его мысль, а именно солидарность королей и князей Фридриха, часто повторяется в более поздних государственных письмах:

«Всем королям земного шара, украшенным каким-либо саном святой веры, невинный король Сицилии по имени Фридрих желает благополучия в бозе…

Поскольку я, произведенный на свет великим отцом и вскормленный грудью его великой супруги, праведной императрицы Констанции, жестоким роком — о горе! — так быстро лишенный обоих родителей… не мог, страдая при изнурительных угнетениях от трудностей несовершеннолетнего положения, видеть лица моих родителей…

С того времени меня то мучают немцы (Марквард фон Анвейлер и Дипольд фон Швайнспойнт), то вредит тосканец (Пиза), то мешает сицилиец (сарацины), то беспокоят галл (Вальтер де Бриенн) и варвары, то кто-нибудь еще.

Дневной хлеб отмерялся мне по весу, напитки — бокалами. При долгом злоупотреблении королевского имени мною управляли в большей степени, чем я управлял, мне приказывали больше, чем я приказывал, я должен просить больше, чем получаю…

Но пока жив мой высший избавитель… прошу вас, князья, властвующие над земным шаром, молю изо всех сил — в предлагаемых обстоятельствах вы можете состязаться не столько со мной, сколько между собой — выставить войско, освободить сына императора, вновь поднять королевскую корону и собрать разрозненный народ…»

Письмо, конечно же, продиктовано не римской курией. Слишком часто указывается на императорское происхождение мальчида и упоминается отец — император Генрих VI. Папство же всеми силами старалось не допустить воссоединения с империей Штауфенов, стремившихся владеть и королевством, и империей.

Круг Маркварда фон Анвейлера тоже можно исключить: в письме немцы получили весьма нехорошую оценку. Речь может идти только об ограниченном в своей власти канцлере Вальтере фон Пальяре. От него, соратника императора Генриха VI, логично

ожидать упоминания императорского происхождения мальчика. От канцлера с его сомнительным отношением к папе могли исходить слова о трудностях несовершеннолетия, заставляющих страдать подопечного папы.

Правление Маркварда фон Анвейлера на Сицилии продолжалось восемь месяцев. Императорский стольник, чьи политические цели разгадать трудно, умер по прошествии сего времени в середине сентября от осложнений после операции по удалению камней. Был ли он верен Штауфенам или стремился стать королем? На его место пришел Вильгельм Каппароне и тоже подчинил короля своей воле.

О личности Каппароне исследователям известно недостаточно. Немного ясности дает письмо папы Иннокентия III монреальским монахам. В нем речь идет о жестокой натуре наемника, способного повлиять на ребенка только в отрицательном смысле. Фактически же Каппароне обладал значительно меньшей реальной властью, чем императорский стольник Марквард фон Анвейлер, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди немцев.

В ситуации распада власти канцлер Вальтер фон Пальяра опять начал искать сближения с папой. Если бы он находился у власти в Палермо, планы Вальтера де Бриенна завоевать остров потеряли бы всякую возможность осуществиться.

Канцлер неожиданно легко получил прощение от папы. Да, тот даже отказался от предложенных ему поручительств, ибо, как выразился папа, добровольную преданность он ценит больше, чем вынужденную.

Только смерть Вальтера де Бриенна 15 июля 1205 года установила единство между папой Иннокентием III и канцлером, к тому времени уже получившим прощение и вернувшимся в лоно церкви. Но Вальтеру пришлось одолеть второго противника в борьбе за власть в королевстве — Дипольда фон Швайнспойнта, графа Ачерру, тоже сумевшего сблизиться с папой. Дипольд появился осенью 1206 года в Риме и оттуда отправился в Палермо, чтобы по приказу папы освободить Фридриха. Там он встретился с папским легатом Герхардом и канцлером Вальтером фон Пальярой.

Таким образом, собралась весьма своеобразная компания. Неуверенный Каппароне, имеющий недостаточную поддержку среди немцев, но обладавший властью, являлся, без сомнения, наименьшим интеллектуалом из четверых, и Дипольд фон Швайнспойнт, в чьих застенках умер граф де Бриенн, ярый противник канцлера. Дипольд, тоже человек власти, в то время уже освобожденный папой от анафемы, заставил Каппароне

отказаться от Палермо и от юного короля, важного как залог власти для всех них.

В действительности именно Дипольд привел юного короля из дворца к обоим прелатам — событие, сообща отпразднованное торжественным обедом. На нем канцлер арестовал Дипольда якобы из-за планируемого им предательства. В атмосфере недоверия и коварства никак нельзя выяснить, кто кого хотел обмануть или обманул. Факт остается фактом: два прелата перехитрили вояку Дипольда. Вальтер фон Пальяра достиг цели. Он опять стал канцлером и самым близким к королю человеком и должен был им оставаться вплоть до совершеннолетия мальчика в 1210 году.

29 января 1207 года папа Иннокентий III писал своему подопечному:

«…Какое радостное чувство охватило апостольское сердце, когда я понял из письма Твоего высочества — рука Господа освободила Тебя из недостойного плена… Неудивительно, что Твое заключение вызывало у нас глубокую печаль, а освобождение — великую радость, ведь из-за регентства, исполняемого нами не столько по распоряжению Твоей матери, сколько в соответствии с нашим правом на королевство, Мы не можем не заботиться о Твоей защите».

Папа совершенно ясно дает понять юному королю — права папы-сюзерена над Сицилией должны цениться выше, чем завещание матери Фридриха, назначившей папу опекуном сына. Папа продолжает:

«…Для защиты твоих прав Мы часто проводили бессонные ночи, а все время от завтрака до ужина Мы использовали, в одиноких раздумьях или в совещаниях с другими стараясь придумать, как вернуть Тебе Твое наследство…»

Портретные зарисовки

Февралем 1207 года, то есть временем после освобождения Фридриха, датировано письмо из близкого окружения юного короля. Возможно, его автором является Вильгельм Францизиус, «magister regis»,[7] рассказавший о Фридрихе следующее:

«Я должен правдиво сообщить вам, господа: юный король по знаниям и силе опередил свой возраст и обладает качествами, способными украсить зрелого, сформировавшегося мужчину. К нему должно уже сейчас без колебаний прислушиваться: он умеет различать верность и неверность, хорошее и плохое».

Эти строки написаны о двенадцатилетнем Фридрихе. В длинном письме неизвестного автора имеется еще более

подробное описание молодого человека, рано лишившегося родителей и воспитывавшегося среди грубой солдатни:

«Телосложение короля нельзя назвать тщедушным, но оно не больше, чем соответствует его возрасту. Природа наградила его достоинством, поскольку к крепкому телу дала ему сильные конечности с присущей им естественной выносливостью для любого действия. Никогда не бывая в покое, он весь день проводит в постоянной деятельности, и при этом его сила увеличивается от упражнений. Свое подвижное тело король тренирует различным образом. Когда он упражняется в искусстве владения оружием, то выхватывает меч и приходит в дикую ярость, как будто хочет вонзить его в противника. Он научился славно стрелять из лука и прилежно в этом упражняется. Он ценит благородных и быстрых лошадей. Можете мне поверить, никто лучше короля не умеет управлять поводьями или пришпоривать коней, чтобы они быстрее скакали.

…Кроме того, ему присуще королевское достоинство, он способен повелевать. Его лик исполнен изящной красоты с ясным лбом и с еще более лучезарной веселостью в глазах — смотреть на него доставляет удовольствие. Король полон проницательности и учености, а если он выказывает неподобающее и неуместное поведение, сие является не свойством его натуры, а лишь привычкой к грубому обхождению (наследие времени Каппароне).

Но природный дар короля — стремиться к совершенству — постепенно сменит те неприличия на достойное поведение. Однако он недоступен для увещеваний, а следует только устремлениям собственной свободной воли и считает, судя по всему, позорным положение несовершеннолетнего, когда окружающие воспринимают его как ребенка, а не как короля; скорее всего он сбросит любую опеку и, получив свободу, часто будет преступать меру дозволенного королю; и всеобщая молва об этом сможет уменьшить благоговение перед величеством.

Еще не успев стать мужчиной, он щедро наделен знаниями, опережающими его возраст, и обнаруживает дар мудрости. Поэтому, говоря о том, сколько ему лет, нельзя просто считать года и ожидать времени зрелости, ибо по знаниям он уже мужчина, а по величию — властелин».

Примечательная и тонкая характеристика, которую нельзя игнорировать, как похвалу придворного льстеца: на протяжении жизни Фридрих удивительным образом проявил упомянутые здесь таланты и склонности характера, как положительные, так и отрицательные.

После катастрофы в Парме в 1208 году пятнадцатилетний

юноша проскакал огромное расстояние от пылающего лагеря Виктория до Борго-Сан-Домино и далее до Кремоны, куда он прибыл поздней ночью, с рассвета находясь в седле и «совершенно не упав духом», как уверяет летописец.

Его неистовый гнев при известии о событиях в Витербо описывает кардинал Райнер Витербоский: «Подобно львице, у которой отобрали детеныша, и медведице, у которой похитили медвежат, он вспылил. Словно ураган, бушующий в ночи, он поспешил, охваченный пламенем гнева, на уничтожение города, как простой гонец, без всякой королевской пышности. Король прискакал на красном коне, дабы лишить эту землю мира…» «Однажды в воскресенье, — пишет Э. Канторович, — войска императора приступили к штурму… Император лично возглавил одно из подразделений… Несмотря на ожесточенную атаку, император в гневе спрыгнул с коня и, схватив острый меч, устремился вперед».

Пятидесятилетний мужчина реагирует именно так, как наш автор письма описывает двенадцатилетнего подростка: «Затем он выхватывает меч и приходит в дикую ярость, как будто хочет вонзить его в противника».

Когда автор письма вспоминает о жестоком обхождении с королем и размышляет о том, что свобода, которую тот получит, часто будет выходить за рамки дозволенного, то мы можем видеть пример, подтверждающий это предположение, в одном из эпизодов войны с сарацинами в 1222 году. Фридрих осадил главную крепость сарацин Ято. Его противник, эмир Ибн-Аббад, вместе с двумя сыновьями поспешил покориться императору и просить у него пощады. Император, разгневанный мятежным эмиром, своим поведением заставляет вспомнить приступы ярости царственного ребенка.

Эмир вошел в шатер императора и бросился ему в ноги. Император, увидев его, так сильно пнул эмира, что разорвал ему весь бок острой шпорой. А спустя две недели приказал повесить эмира и его сыновей как бунтовщиков. Внимательный автор письма справедливо увидел и отметил черты характера императора.

Матримониальные планы

После того как папа совместно с канцлером Вальтером фон Пальярой вернул свободу Фридриху, двенадцатилетнего мальчика решили использовать в планах брачной политики папы: Фридриху предложили брак с арагонским королевским домом — таким же вассалом папы, как Фридрих в Сицилии. Еще в 1202

году велись переговоры о брачном союзе с арагонской принцессой Санчей, но тогда никакого результата не достигли.

Теперь же, в 1208 году, переговоры возобновились. В супруги Фридриху наметили двадцатипятилетнюю арагонскую принцессу Констанцию, вдову умершего в 1204 году короля Эммериха Венгерского. Папа потратил немало усилий, пытаясь уговорить четырнадцатилетнего Фридриха на брак с женщиной намного старше его. Исход дела решило обещание короля Арагона выставить в брачном контракте пятьсот арагонских рыцарей. Тогда Фридрих согласился. Он женился не на женщине, а на боевом потенциале в пятьсот кирасиров, надеясь с их помощью освободить собственное королевство, раздираемое множеством группировок, от сарацин, мятежных баронов и мародерствующих немцев.

Папе пришлось постараться, убеждая и своего арагонского ленника, короля Петра II (1196—1213 гг.), в правильности брака между четырнадцатилетним подростком и двадцатипятилетней вдовой. Он писал королю Арагона: «Твое королевское высочество, конечно, знает, что Мы уже заключили договор с Твоей матерью об обстоятельствах брака Твоей сестры и Нашего во Христе возлюбленного сына Фридриха, величественного короля Сицилии, и часто напоминали Тебе об этом в Наших письмах…

Какое небрежение отговаривает Тебя от свершения обещающего счастье союза? Почему Ты переносишь сегодняшнее счастье на завтра? Нет оснований лишать Твою сестру столь великолепного замужества.

Положение жениха очень высоко: от матери он получил титул короля, с благородством его рода дело обстоит не хуже. Он твердо шагает вперед и умножает наследуемое из рода в род величие крови великолепными дарованиями. Он сын и внук императоров, ведь императором был не только его отец, но и дед…

По происхождению жених значительно превосходит Твою сестру. Как написано равными ему цезарями: их мужество опережает их возраст (преступает) окрыленной поступью порог зрелости и чудесно начинает, восполняя прилежанием недостаток лет, первые попытки правления»…

И в самом деле, первые попытки правления четырнадцатилетнего короля впечатляют. В его королевстве следовало навести порядок. Разумеется, в Палермо существовали учреждения центрального управления, семейный совет, придворная капелла и канцелярия. На материковой части должности исполняли капитаны и судейские, а в городах — королевские камергеры. Но все эти чиновники не ориентировались на короля. Отдельные члены совета, прежде всего канцлер, везде пристроили доверенных людей. Доходные места и привилегии раздавались не в соответствии с интересами государства, а для сохранения собственной власти и личного обогащения. Внутри острова царили так называемые горные сарацины (изгнанные в горы или нашедшие убежище под защитой гор). Еще действовали шайки немцев, внося сумятицу в стране. На материковой части сохранялась власть Дипольда фон Швайнспойнта, графа Ачерры. Крупные бароны материковой части упрямо защищали свои привилегии, приходы и латифундии, урвав их алчными руками в период несовершеннолетия короля. Владения короны, на которых держалась королевская власть и от которых наряду с налогами поступали финансовые средства, были самым скандальным образом растрачены. Даже самому папе только благодаря счастливому стечению обстоятельств удавалось время от времени получать компенсацию за расходы по управлению и на военные действия, проводимые в интересах короны. И теперь мальчику надлежало разобрать, упорядочить и привести в равновесие всю путаницу власти и алчности, права и несправедливости!

Первая же коллизия привела к столкновению с папой в вопросе о разделении церковной и светской властей.

Фридрих повлиял на результаты выборов на свободный с декабря 1208 года пост архиепископа Палермо. Это считалось нарушением, поскольку его покойная мать в 1198 году отказалась от права назначать сицилийских епископов. Основанием Фридриху послужил Беневентский договор, заключенный королем Вильгельмом I с папой и расширявший права короля по отношению к сицилийской церкви.

Понимая направленность политики Фридриха, папа в отеческом тоне разъяснил неправомерность Беневентского договора, принятого папой под давлением. И настойчиво указал на заявленный императрицей Констанцией отказ от претензий. В обходительном тоне, но по существу жестко он предостерег

правителя от посягательств в будущем на права церкви, напомнив Фридриху — светской властью он обязан исключительно ему, папе.

Королю пришлось отступить. Удивительно, что он вообще противопоставил себя папе, которому в самом деле был обязан своим королевским троном. Были ли тому причиной плохие советчики, как предполагал папа, или юношеское легкомыслие, или стремление вновь получить безраздельную королевскую власть предков, стремление, позволившее забыть о таких моральных ценностях, как благодарность и верность?

Величайшей задачей Фридриха стало возвращение владений королевской короны. Уже в феврале 1209 года он приказал перепроверить раздачу привилегий на Сицилии и в Калабрии, намереваясь потребовать возврата королевской собственности из неправедных рук.

Этим он нажил врагов среди всех, кто владел королевским добром. В их число входили канцлер Вальтер Пальяра и его семья. Юный правитель уже в 1209 году лишил канцлера власти (Вальтер занимал пост архиепископа Катании). Протест папы король оставил без внимания.

Фридрих сумел преодолеть трудности, опираясь на дворян и служителей церкви, доказавших свою преданность королю в годы его несовершеннолетия. При этом Фридрих использовал дар, о котором с похвалой отзывался автор письма, — умение «различать верность и неверность». Он приблизил к себе Паганyса Парижийского, графа Бутеры, с юга острова и владельца Патерно из Западной Катании, уже в марте 1209 года приняв его в семейный совет. Епископ Ансельм из Патти и епископ Иоганн ди Чефалу, происходящий из аристократической семьи Чикала, — люди, возвысившиеся во времена правления Генриха VI, тоже приняли сторону короля. На материке Сицилии он утвердил Дипольда фон Швайнспойнта, графа Ачерру, капитаном и верховным судьей Апулии и Терра-ле-Лаворо — «Божьей и королевской милостью», как говаривал этот самоуверенный человек. В Апулии управляли граф Фонди, Ричард фон Аквила. Прежде всего следует отметить Берарда, будущего архиепископа Бари, а затем Палермо, верой и правдой служившего Штауфену вплоть до его смерти в 1250 году. И его император тоже принял в круг ближайших сподвижников.

В мае 1209 года на северо-востоке острова Сицилия вспыхнуло восстание тех, кто страшился требования возврата неправедно захваченного королевского имущества или уже получил такое требование. Пятнадцатилетний подросток помчался на поле боя и одержал победу над мятежниками,

продвигающимися через Никосию в Катанию. Среди них находился и брат верного королю архиепископа Иоганна ди Чефалу, граф Поль Чикала. Бароны покорились. Они сослужили большую службу королю, так как уберегли его от более масштабного восстания бунтующей аристократии. Возможно, на них оказал влияние епископ Иоганн ди Чефалу.

В послании от 18 августа 1209 года король, сообщая подданным о прибытии супруги, арагонской принцессы, пишет:

«Когда мы с большой (военной) силой проскакали через Сицилию, страх перед Нашей мощью сделал сынов мятежа, ненавидящих мир, такими мирными, что они со всей покорностью приняли бремя Нашего владычества и смиренно покорились Нашей власти. Вся страна радуется, и ликует народ в полноте мира…»

Затем король сообщает о прибытии супруги 15 августа в Палермо: «Мы намереваемся, как того желает Бог, счастливо заключить с ней брак и во всем могуществе проследовать в местность Апулию, к ликованию Наших верных сторонников и повергая в панику тех, кто до сих пор колеблется, вынашивая неверность в глубине своего сердца…»

Фридрих наконец ощутил власть. Он, так часто бывший объектом чужой воли, принял плату за брачный союз, в последний раз подчинившись политике высокопоставленного свата, надеясь силой оружия пяти сотен арагонских рыцарей привести Апулию под свое правление.

Чувствовал ли юный король страх перед женитьбой на двадцатипятилетней вдове? Страх неопытного юноши перед опытной женщиной? Опасался ли он, так долго находившийся под опекой, вновь попасть под опеку женщины, старшей годами? Вопреки всему брак оказался лучше ситуации, ему предшествовавшей. Проект с чертежной доски предстоятеля церкви, любой ценой желавшего связать брачными узами все ленные страны, подарил Фридриху нечто, совершенно незнакомое для него: чувство защищенности. Тому есть ясное указание. Констанцию, единственную из его законных жен, Фридрих после ее смерти в 1222 году велел похоронить в усыпальнице норманнских королей в соборе в Палермо, где покоились его мать и отец. И императорскую корону, которую он носил на своей коронации в Риме 22 ноября 1220 года, он положил ей в могилу.

Таких знаков уважения и расположения он никогда не оказывал двум другим женам. Сирийско-французская Иоланта (Изабелла) де Бриенн и англичанка Изабелла Плантагенет не удостоились погребения в соборе Палермо. Им пришлось

довольствоваться скромными могилами в соборе Андрии. И ничего не известно о посмертных дарах такой ценности, как тот, положенный в могилу Констанции Арагонской.

Военный поход в Апулию, предмет настойчивых стремлений юного короля, потерпел неудачу. Большинство из пятисот арагонских рыцарей, полученных Фридрихом в приданое, включая и их предводителя, и брата Констанции, графа Альфонса Прованского, в разгар летнего зноя пали жертвами эпидемии.

Но судьба приготовила для Фридриха более масштабную задачу, чем покорение Апулии. Его вознесли на вершину власти над Западной Европой воля папы, удача, покровительствующая цезарям, и гордыня императора Оттона IV.

Император Оттон IV и его гордыня

Убийство короля Филиппа пфальцграфом Оттоном Виттельсбахским изменило не только обстановку в Германии, но и жизнь сицилийского короля Фридриха. Папа, усмотрев в убийстве короля приговор Господа, освободившего его от коронации победоносного Штауфена Филиппа, мог опять целиком и полностью встать на сторону своей креатуры, Оттона IV, последовательно называвшего себя «королем папской милостью».

Теперь папа Иннокентий III мог провести в жизнь основные идеи своей политики: провозгласить безграничность власти папы во всех духовных делах.

Церковная власть превыше светской — постулат, не подлежащий обсуждению для папы. 22 марта 1208 года Оттон IV обещал полностью удовлетворить все требования папы. Казалось, тот, кто с такой легкостью дает обещания и клянется, не собирается их исполнять. Оттон IV отказался от прав на наследство подданных и умерших священников, в Италии — от прав на герцогство Сполето, марку Анкону, экзархат Равенну, а также на земли графини Матильды.

Он обещал защищать силами империи папский лен — Королевство обеих Сицилии, отстаивая там интересы папы. Но самой тяжелой данью был отказ от прав на германскую церковь. Корона потеряла в капитуле все права на занятие поста епископа в Германии. Оттон IV признал неограниченное право духовенства апеллировать к папе.

Справедливость требует признать: король из Штауфенов, Филипп, за императорскую корону тоже был готов пойти на большие уступки. Но Альберт Гаук очень верно заметил: «Оттон IV предоставил (папе) так много, как только погибающий может

отдать своему спасителю».

Духовное правление, в свое время сознательно противопоставленное светскому императором Оттоном Великим (936—973 гг.), с этого момента было отнято у королей и стало инструментом в руках папы. Можно сказать совершенно однозначно: папа наряду с королем сделался обер-королем Германии.

Среди германских князей после долгих лет гражданской войны между Вельфами и Штауфенами росло стремление к миру и согласию. Когда Оттон IV в воскресенье после Троицы 1209 года праздновал свою помолвку с дочерью Филиппа Беатрисой Швабской, все сторонники Штауфенов могли с облегчением встать на сторону короля из Вельфов.

Уже в конце 1209 года Оттон IV с огромным войском стоял у Рима. Он выслал к папе высокое посольство. Для папы должен был послужить предостерегающим знаком тот факт, что в полномочиях, которыми Оттон снабдил своих послов, отсутствовала формулировка «папской милостью».

В сентябре папа и Оттон IV встретились. Дружба по интересам, до сих пор связывавшая их, распалась. Несогласие императорских и папских интересов стало очевидным. Когда папа напомнил королю о его обещаниях, в особенности о данных в 1201 году, Оттон IV рассмеялся и произнес: «В сундуке у папы — всего лишь бумага». О данном высказывании Иннокентий III сообщил французскому королю.

Оттон IV старался отделаться краткими фразами: церковь-де останется довольной им после его коронации императором. Теперь для Иннокентия III настал момент отказаться от своих обещаний о коронации. Но император с большим войском стоял под Римом, и папа, хотя и был мощным правителем, склонился перед силой оружия.

В блеске празднеств по поводу коронации 4 октября 1209 года потонула дружба между Вельфами и папой. Оттон IV, надев императорскую корону, повел себя так, будто не приносил никаких клятв.

Все это можно было предвидеть. Еще в январе 1209 года Оттон назначил патриарха Вольфгера Аквилеру королевским легатом в Италии. Перед ним стояла задача восстановить права империи в Италии. Те самые права, переданные Оттоном папе в клятвенном договоре. Теперь он попытался вернуть их в марке Анкона и в герцогстве Сполето. Непостижимая ситуация, в которую папа сам загнал себя, словно под жестоким принуждением. Не только сила оружия, но и чувство подавленности, овладевшее папой, вынужденным так внезапно,

на глазах у всего мира разрушить образ императора, им же и созданный, сыграло роковую роль.

Как кровавое предостережение через некоторое время после праздника по случаю коронации, произошел кровопролитный бой между римлянами и войсками императора. В результате чего Оттон отступил через Сиену, Сан-Минеато и Лукку на Пизу. Здесь Оттон внезапно изменил направление движения и, позабыв все клятвы, двинулся на континентальную часть королевства Сицилии. Германские бароны, и прежде всего Дипольд фон Швайнспойнт, назначенный Фридрихом капитаном и верховным судьей Апулии, призвали императора следовать по стопам Штауфенов и завоевать Сицилию, опять восстановив единство между империей и королевством. Теперь стало очевидным вероломство великих господ, решительно всем обязанных Генриху VI. Они считали, их южно-итальянские баронаты или, лучше сказать, колонии будут надежнее защищены в границах империи, тем более правящий императорский род вел себя непорядочно.

Папу проинформировали о поведении баронов и об их переходе на сторону Вельфов, и он сообщил, вероятно, канцлеру Вальтеру фон Пальяре при дворе в Палермо, что 20 ноября 1209 года предатели уговорили императора расширить империю за счет сицилийского королевства.

С ноября 1209 по ноябрь 1211 года Оттон IV продолжал готовиться к организации сильного войска и проведению переговоров с пизанцами о найме их флота с целью завоевания самого острова и изгнания короля Фридриха. В ноябре 1211 года Оттон IV перешел границу Королевства обеих Сицилии, разбил организованное папой сопротивление в районе Аверсы и победно прошел через Неаполь, Салерно, Бари и Тарент на южную оконечность Калабрии. Здесь он ожидал пизанский флот для натиска на островное королевство. В порту объятого страхом Палермо уже стояла галера, снаряженная для побега Гогенштауфена в Африку.

При вторжении Оттона IV в пределы сицилийского королевства папа Иннокентий III объявил об уже наложенном на Вельфа отлучении от церкви. О сильной уязвленности Иннокентия III свидетельствует его готовность пойти на отказ от рекуперации, дабы спасти Сицилию. Но Оттон IV оставил это без внимания: в свое время он наблюдал бессилие папского проклятия против располагающего достаточными военными средствами Филиппа Швабского. На протяжении истории германской империи роль папы часто недооценивалась.

Ведь речь шла не только об анафеме папы, но и о

противостоянии курии, все время обдумывавшей и составлявшей планы, ничего не оставляя без внимания. Папская дипломатия развернула кипучую деятельность. 1 февраля 1210 года папа направил послание королю Филиппу Французскому, противнику английской короны и ее ставленника, короля Оттона IV. Король Филипп, старинный враг Вельфов, постарался организовать в Германии сопротивление императору среди князей. Деньги являлись здесь испытанным средством, и летописец Цезарий Гейстербахский осуждает германских князей: «Они стали непостоянными: за деньги, за любовь, из-за страха они сегодня клялись одному, а завтра — другому».

Негодование папы выразилось в словах, сказанных об Отто IV: «Меч, выкованный нами, наносит нам же тяжкие раны». Он прокричал на весь католический мир: «Мы сожалеем о том, что создали такого человека».

31 марта папа подтвердил отлучение императора от церкви. Одновременно он в качестве назидательного примера предал анафеме и каноника из Капуи, отважившегося читать мессу в присутствии отлученного императора.

В Германии тоже стали заметны результаты папской дипломатии, как среди духовных, так и среди светских князей. Штауфеновское сопротивление сконцентрировалось в Германии в архиепископатах Майнца и Магдебурга. В качестве легата папы архиепископ Майнцский сместил сторонника Вельфов кёльнского архиепископа Дитриха и опять посадил на престол смещенного в 1205 году Адольфа фон Альтену. К коалиции духовных князей в сентябре 1211 года присоединились король Оттокар Богемский, герцог Оттон VI Меранский и епископ Экберт Бамбергский.

Они не выбирали Фридриха королем. Ведь они сделали это еще в 1196 году по желанию императора Генриха VI. Но «по совету короля Филиппа Французского», как пишет его биограф, и по воле папы выбрали Фридриха императором.

Отныне Фридрих носил титул «in imperatorem electus».[8] Чтобы сладить с императором Оттоном IV (дьяволом во плоти), папа призвал на правление империей Фридриха Гогенштауфена (Вельзевула).

Двое мужчин на испытательном полигоне истории

Положение дел являлось таковым: император Оттон IV поздней осенью 1211 года с сильным войском появился на южной оконечности Калабрии. Здесь он ожидал пизанский флот для наступления на остров, главную часть королевства. Крупнейшие бароны Апулии и материковой части Королевства обеих Сицилии

были на его стороне. Правда, папа отлучил его от церкви, но в своем высокомерии, с мышлением, не склонным к анализу, Оттон IV считал себя способным противостоять отлучению, как некогда Филипп Швабский. Однако Филипп Швабский не был, подобно ему, королем папской милостью. Оттона сотворил папа. Папа его вознес, папа мог его и сбросить. Как только сторонники императора из Вельфов появились в Южной Калабрии и сообщили об избрании Фридриха сицилийского императором, у Оттона остались две возможности. Первая — забыть о событиях в Германии, дождаться прибытия пизанского флота, переправиться на Сицилию, взять в плен Фридриха, затем убить его или изгнать. С выводом из игры претендента на трон выборы в Нюрнберге становились фарсом.

Но этого-то и не сделал высокий, крепкий телом и мужественный Вельф: он не обладал качествами полководца, способного с предвидением ориентироваться в пространстве, на местности и в развитии событий.

Охваченный паникой, Оттон IV с войском двинулся на юг. В Лоди, на итальянской земле, он собрал еще один придворный совет. Затем зимой он совершил поход через Альпы. В феврале прибыл в Германию, а в Вербное воскресенье 1212 года с оставшимися верными ему сторонниками — во Франкфурт. По причине его отлучения от церкви никто из германских князей церкви при этом не присутствовал.

После ухода императора и его войска из Южной Калабрии сюда прибыл шваб и верный Штауфенам посол от германских князей Ансельм фон Юстинген. Он принес королю, не достигшему еще и семнадцати лет, сообщение о том, что германские князья выбрали его германским императором.

До сих пор с Фридрихом обходились как с вещью, вероятно, как с дорогой вещью, такой, например, как королевская печать, но все-таки не как с личностью, обладающей собственной волей. Он, долгие годы находившийся под опекой, всеми отталкиваемый, теперь стоял перед императорским наследием своего отца. Какое решение он примет?

Судьба подарила юному королю перед возвращением Вельфов в Италию передышку в два, может быть, в три года. Он мог бы использовать их, чтобы покорить баронов с континентальной части королевства, наверняка с тяжелыми, чреватыми большими потерями боями. Он мог бы ограничиться только Сицилией, все еще остающейся житницей всего Средиземноморья. А мог бы использовать богатство острова для усиления обороноспособности, сделав его недоступным для нападения. Именно так рекомендовали поступить семейный совет

и его супруга, королева, в 1211 году родившая ему сына и наследника.

Юноша сделал другой выбор.

Он стремился в Германию. Если там решение будет принято в его пользу и против Оттона, тогда Сицилия, усиленная мощью империи, будет в безопасности.

Решение Фридриха обусловлено не только разумом, выборы он воспринял как миссию и призвание, заявив впоследствии: «Поскольку никто другой не захотел бы принять вопреки Нам и Нашим правам предложенный Нам империей сан… когда князья призвали Нас, их выбор удостоил Нас короны».

Папе также пришлось преодолеть большие сомнения, оказывая молодому Штауфену покровительство при получении короны германских императоров. У него в ушах звучало его собственное пророчество, когда он давал согласие королевству и империи Штауфенов: «Этот мальчик с годами поймет, что Римская церковь лишила его чести императорского титула, тогда он откажет ей не только в благоговении, но и будет бороться с ней любым возможным образом, разорвет ленные узы сицилийского королевства и откажет ей в привычном послушании».

Поэтому папе тяжело далась поддержка кандидатуры Фридриха. Но он, великий и сильный духом человек, находился в безвыходной ситуации. Лишь одного политика папа мог противопоставить императору Оттону IV — Фридриха Гогенштауфена.

Удивительно следующее: папа еще до того, как царственный юноша приготовился к броску на континент, срочно послал своего легата в Палермо для коронования сына Фридриха, младенца Генриха, королем Сицилии. Королева-мать Констанция приняла на себя регентство, так же как пятнадцать лет назад это сделала норманнка Констанция. Фридрих торжественно и письменно подтвердил ленную зависимость Королевства обеих Сицилии от суверенитета папы.

Путь к вершине казался открытым для Фридриха. В марте 1212 года он перебрался из Мессины на континент. В его свите находились люди, принесшие весть о выборах в Нюрнберге, — шваб Ансельм фон Юстинген, архиепископ Паризий Палермский, верный Берард, архиепископ Барийский, несколько человек из сицилийской знати, связавшие свои судьбы с молодым королем, и кое-кто из служащих придворной канцелярии. Вооруженный их поддержкой, юноша отправился в путь — завоевывать первый трон Европы.

На крыльях счастья

Расстояние в пятьсот километров между Мессиной и Римом можно было бы преодолеть по морю за несколько дней. Но в Тирренском море курсировал пизанский флот с приказом императора Оттона IV схватить молодого Фридриха. Искали убежища и нашли его в Гаете, где пришлось залечь на несколько недель.

Только в Пасху 1212 года Фридрих, встреченный ликованием горожан, въехал в Рим. Ах эти римляне и их ликование, которое так быстро может смениться на свою противоположность! В воспоминаниях Фридрих истолковывает восторг римлян как признание его императорского положения. Он пишет римлянам после триумфа в Кортенуово в январе 1238 года: «…Наше усердие было бы лишено всякой разумности… если бы Мы не получили блеск и славу Нашего правления в царственном городе, своими руками отпустившем Нас, как мать своего сына, в Германию, дабы Мы взошли на вершину императорского трона. Мы приписываем Вашим заслугам все, что Мы совершили под счастливыми предзнаменованиями…»

В первый и единственный раз два человека, чьи жизни тесно сплелись друг с другом, стояли лицом к лицу в пасхальный день среди всеобщего ликования жителей Рима: Фридрих должен был еще раз торжественно принести папе, заботливо относившемуся к молодому Штауфену, ленную клятву на Сицилию. Сразу после коронации императором ему надлежало освободить своего сына Генриха от отеческой опеки, чтобы сицилийское королевство никогда не смогло объединиться с империей.

Кроме того, Фридриху полагалось оплатить долги, скопившиеся за годы опекунства папы. С этой целью Фридрих заложил папе до оплаты долгов два апулийских графства, граничащих с церковным государством. Папа полностью взял на себя довольно значительные расходы по пребыванию Фридриха в Риме. После чего снабдил юношу скромной походной кассой и предоставил ему судно, доставившее его в Геную: путь по суше перекрывали войска Оттона. Папа дал ему рекомендательные письма, и Фридрих мог, особенно в Германии, передвигаться, как по путеводной нити, от одной резиденции епископа к другой.

1 мая 1212 года Фридрих высадился в Генуе. Его встретили с императорскими почестями. Здесь Фридрих улучшил состояние своей скудной кассы. И дал генуэзскому совету обещание: подтвердить и исполнять все данные его предшественниками привилегии с наивной, но исполненной веры в будущее оговоркой — «как только я стану императором».

Генуэзцы столь высоко оценили данное обещание, что взяли на себя все расходы за шестинедельное пребывание Фридриха в городе. А они составили ни много ни мало две тысячи четыреста фунтов.

Время ожидания Фридрих проводил не бездеятельно. Он заключил союз с могущественным маркграфом Вильгельмом Монферратом (ум. в 1225 г.) и с графом Ричардом из Сан-Бонифацио, близ Вероны. Укрепил отношения с городами, верными Штауфенам, — Кремоной, Павией, Пармой и Реджио. В середине июня Фридрих решил продолжить путь. Он надеялся, что усыпил бдительность Милана и Пьяченцы, поклявшихся поймать «крапивника».[9] Итак, Фридрих в сопровождении генуэзских рыцарей, послов Кремоны и Павии отправился вместе с маркграфом Вильгельмом и графом Ричардом на запад, в обход враждебных городов Милана и Пьяченцы, через Асти, расположенное сотней километров севернее, рассчитывая, внезапно повернув на восток, добраться до Павии. «Крапивник» улетел.

Милан и Пьяченца усилили бдительность. Все суда, переправляющиеся через По, тщательно контролировались в Пиййченце. Толпы миланцев охраняли западный берег реки Ламбро, через которую Фридрих неизбежно должен был переправиться, если хотел попасть в Кремону.

В ночь с 28 на 29 июля Фридрих, прибывший в Павию, получил известие: войска Кремоны и маркграфа Аццо фон Эсте стоят наготове возле брода на реке Ламбро для встречи короля и сопровождения его в Кремону. Фридрих и его свита вместе с павезскими рыцарями отправились в путь. До Ламбро оставалось двадцать пять километров. Конный переход, сулящий либо плен и смерть, либо императорскую корону.

На условленном броде завязался бой между миланцами, охраняющими берег, и рыцарями из Павии. Фридрих, умелый и храбрый воин, сорвал с коня тяжелое седло и на неоседланном коне ринулся в потоки Ламбро. Он переплыл реку — там его восторженно встретили кремонцы и с триумфом доставили в Кремону. И какое значение имела насмешка миланцев, твердивших: «Фридрих намочил свои штаны в Ламбро», как повествует Фома Павезский. Он пишет также: «Попытка миланцев схватить Штауфена вызвала его ненависть к городу, длившуюся всю жизнь».

Три недели Фридрих оставался в Кремоне, наградив ее многими привилегиями «на время, пока он будет императором».

Кремонцы, не только сторонники Штауфенов, но также умные и осторожные купцы, попросили короля заверить привилегии у

гражданского нотариуса.

После того как стало известно, что верные Вельфам баварский герцог Людвиг I (ум. в 1231 г) и герцог Оттон Меранский (1204—1234 гг.) контролируют альпийские перевалы, особенно Бреннер, Фридрих продолжил свой путь через Мантую на Верону. Священник Бурхард из Уршперга повествует об этом: «Пути короля затерялись в ужасных непроходимых горных массивах Ортлера и в Энгадине».

Хорошо знающий горы епископ Триента должен был провести короля через горы к епископу Арнольду Курскому (ум. в 1231 г.). Епископ Кура и аббат из Сан-Галлена, Ульрих фон Закс, помогли молодому королю попасть в Констанцу. У ворот этого города предстояло решиться судьбе Фридриха.

В то время как Фридрих переплывал через Ламбро, император Оттон IV созвал во Франкфурте придворный совет, намереваясь еще раз связать обязательствами преданных ему князей. Затем он отправился в Тюрингию, чтобы разгромить отвернувшегося от него ландграфа Германа I. Хотя ему удалось завоевать несколько крепостей, принадлежащих ландграфу, решающей победы он не одержал. Чтобы поддержать рассыпающуюся власть, ведь его не любили еще и за его человеческие качества, 22 июля 1212 года Оттон устроил в Нордхаузене свадьбу с последующей брачной ночью с Беатрисой, дочерью убитого короля Филиппа. При этом он надеялся не только привлечь к себе сторонников Штауфенов, но и получить их богатое наследство.

Но королевская удача, если она вообще когда-то ему сопутствовала, покинула его. Уже через несколько недель, 11 августа 1212 года, умирает его молодая жена — недоброе предзнаменование. К тому же в Германию пришла весть — молодой Фридрих, настоящий наследник Штауфенов, пробился через миланских варваров, преодолел Альпы, несмотря на перекрытые перевалы, и успешно продвигается вперед.

Дальнейшее подтачивание власти Оттона состояло в следующем: его собственный имперский канцлер Конрад фон Шарфенберг, епископ двух епископатов — Шпейера и Метца, отрекся от него, использовав против Оттона имеющиеся у него сведения. Он сообщил удивленному дворянству — Оттон IV хотел ввести регулярный поземельный налог по английско-норманнскому образцу.

Тут уж ряды вокруг Оттона IV поредели настолько, что ему пришлось снять успешную до сего момента осаду с тюрингской крепости Вайсензее. В спешном марше он двинулся на юг, рассчитывая преградить дорогу в Германию, и прежде всего в

Швабию, рыжеволосому юноше из таинственной Сицилии, являющемуся к тому же законным наследником Штауфенов.

Вельф достиг Юберлингена и вел оттуда переговоры с епископом Конрадом Констанцским (1209—1233 гг.), убеждая того открыть ему ворота и впустить в город. Дворцовая челядь императора уже приготовила ему в городе жилье, а императорские повара готовили праздничный обед для своего господина. И тут перед воротами города появилась кавалькада из трех сотен рыцарей и потребовала входа в город! Драматическая сцена, окрылявшая фантазию многих летописцев. Одни рассказывают, как аббат Сан-Галена с горячностью потребовал пропустить Фридриха, другие повествуют о том, будто папский легат, архиепископ Берард, прочел перед воротами Констанцы указ папы об отлучении императора Оттона IV от церкви. Таким образом, анафема Вельфу открыла Фридриху ворота Констанцы и вход в Германию: «Если бы Фридрих прибыл всего тремя часами позже, он никогда бы не достиг Германии».

Осталось неизвестным, с каким по численности войском Оттон IV стоял в Юберлингене. Но так как Фридриха сопровождало всего три сотни рыцарей, император скорее всего мог бы решительным приступом взять город.

И поскольку во все времена не было ничего более притягательного, чем успех, князья с юга и юго-запада, склонные к поддержке Штауфенов, устремились к Фридриху. Епископ Генрих Страсбургский (1202—1223 гг.) привел королю пятьсот рыцарей. Граф Ульрих фон Кибург (ум. в 1223 гг.) и граф Рудольф Габсбургский (1199—1232 гг.) усилили военную силу Штауфена.

Императора из рода Вельфов, который отошел к Брейзаху, гнал народный гнев из-за разнузданности его солдатни. Ему пришлось совершенно не по-императорски бежать из Брейзахской крепости через маленькие боковые ворота. В октябре Фридриху покорился весь Эльзас. Только в Хагенау некоторая часть населения, верная Вельфам, сопротивлялась победоносному юноше. Быстрая победа Фридриха имела три главные составляющие: во-первых, помощь папы, обеспечивавшая ему содействие князей церкви, и анафема, поставившая нелюбимого Вельфа вне общества; во-вторых, победоносный блеск имени Штауфенов и неоспоримая законность его притязании на корону; в-третьих, удивительная житейская мудрость семнадцатилетнего юноши, его великодушие и умение понимать, когда он должен платить, а когда может просто взять.

Требования двоюродного брата, герцога Фридриха Лотарингского (1205—1213 гг.)о трех тысячах марок серебром он выполнил, в то время как майнцскому архиепископу и епископу

Вормса отказал во всех ленах короны в их приходах, получив прибыль в семьсот марок, за которые поручились Ансельм фон Юстинген, княжеский посол при Фридрихе, и Вернер фон Боланден. Ансельм фон Юстинген стал гофмаршалом, а Вернер фон Боланден — стольником.

Гарантии предоставили также граф Габсбург и правители Лауфена и Кёнигсбаха. Оставшуюся тысячу марок обеспечила передача прав собственности на одно из эльзасских графств. Король давал так же легко, как и брал. Когда герцог Фридрих II Лотарингский скончался в следующем году, Фридрих опять забрал княжество. Таким образом, наследников обманули на тысячу марок.

От финансовых трудностей король вскоре освободился. В середине ноября он возобновил союз Штауфенов и Капетингов, заключив с французским королем Филиппом II Августейшим (1179—1223 гг.), представленным наследником трона Людовиком VIII (1223—1226 гг.), союз против императора Оттона IV и его защитника короля Иоанна Безземельного Английского.

Фридрих обязался не заключать мира ни с Оттоном, ни с королем Иоанном Английским без участия французского короля. Сей договор принес Фридриху солидную сумму в двадцать тысяч марок серебром. Акцию состряпал бывший вельфский, а ныне штауфеновский канцлер, архиепископ Шпейера и Метца, Конрад. На его вопрос, где серебро должно храниться, Фридрих дал поразительный ответ: «У князей».

Ответ, исполненный почти пугающего ясновидения человеческой натуры, данный молодым человеком, не достигшим и восемнадцати лет. Естественно, такая щедрость прославила юного князя, в противоположность холодной скупости Вельфа.

Штауфены с давних пор знали ценность общественного мнения. Уже дед Фридриха, Фридрих Барбаросса, полный откровенной наивности, писал в 1157 году дяде-епископу Оттону Фрейзингскому (1111/14— 1158 гг.): «То, что совершено Нами с начала Нашего правления, Мы, согласно твоей просьбе, охотно изложили бы полностью, хотя в сравнении со свершениями выдающихся мужей прошлого их можно назвать скорее «тенями», а не «деяниями». Но твой блестящий дар умеет возвышать низменное и много говорить о незначительных вещах, посему Мы пожелали кратко записать то немногое, совершенное Нами за пять лет в Римской империи, больше доверяя твоему умению восхвалять, нежели Нашим заслугам».

Если мы исключим императорскую формулу скромности, то Фридрих заказал у своего дяди-епископа историю о самом себе.

Так же как Фридрих Барбаросса позволял своему главному

поэту прославлять себя, Фридрих II заполучил Вальтера фон дер Фогельвейде, подарив ему имение, и поэт в самом деле мог ликовать:

> У меня есть лен — весь мир — у меня есть лен.
> Мне больше не грозят мозоли на ногах.
> Мне не придется нищенствовать у злых господ за малую награду.
> Благородный король, милосердный король позаботился обо мне.

На улицах и площадях Вальтер прославлял «innata liberalitas» — прирожденную щедрость Фридриха, повсеместно проявляемую им в Германии.

Провансальский трубадур Эмерик де Пегулан так восхваляет Фридриха:

«Я думал, выносливость и щедрость давно умерли, и был готов не петь больше никогда. Но теперь я вижу эти добродетели возродившимися».

Щедрость молодого короля происходила никак не от юношеской заносчивости или расточительности. Она берет начало в хорошо продуманном расчете. Фридрих считал так: «Разум — лучший советчик. Размышления о Нашем противнике, навлекшем на себя враждебность людей и немилость Господа, побуждают Нас поступать иначе, нежели он».

И конечно же, большинство князей поспешили во Франкфурт на назначенный на 5 декабря совет выбирать щедрого короля.

Германская корона и ее цена

В воскресенье 9 декабря 1212 года архиепископ Зигфрид Майнцский возложил корону на голову Фридриха.

Церемония коронации имела серьезные недостатки. Во-первых, наиболее подходящим местом для трона Карла Великого явился бы город Аахен. Во-вторых, коронующим епископом должен был стать не Майнцский, а Кёльнский архиепископ. Но тот находился в Риме у папы, надеясь получить прощение за поддержку Вельфов. В-третьих, символы власти все еще находились в руках императора Оттона IV — Фридриха короновали запасной короной. В-четвертых, на выборах и при коронации отсутствовали саксонские правители.

То, что церемонию необходимо повторить при лучших обстоятельствах, все ответственные за нее прекрасно понимали.

Первую половину 1213 года Фридрих использовал для укрепления своего положения на юге и юго-западе. Он провел ряд советов. Для Баварии и Богемии — в Регенсбурге. Сюда явился принести клятву верности и богемский король Оттокар. Для швабского герцогства Фридрих устроил совет в Констанце. И здесь тоже было преклонение и обещания князей в военной помощи. Но теперь настал момент выразить должную благодарность папе, и на совете в Эгере 12 июля 1213 года Фридрих сказал папе, своему «защитнику и благодетелю», слова благодарности, дословно перечислив весь список обещаний, данных Оттоном IV папе в 1209 году: свобода выбора епископов соборным капитулом, беспрепятственное право апелляции к Святому престолу по всем духовным вопросам, полное исключение светской власти в духовной сфере и, разумеется, отказ от права на наследство умерших священников.

Папа торжествовал победу. Все права короля над германской церковью со дня обращения в христианство короля франков Хлодвига I (481/82—511 гг.) потеряли силу. Достигалась свобода церкви от государства. Процесс, завершившийся в XIX столетии с противоположным результатом, опять привел к разделению между троном и алтарем.

Обещание помощи в борьбе против ереси — постоянная задача королей и императоров. Более болезненным делом стала рекуперация Римской церковью герцогства Сполето, марки Анкона, а также Пентаполиса, экзархата Равенны и земель Матильды.

Фридрих, как прежде император Оттон IV, поклялся защищать территорию духовного государства и признал верховное господство папы над Королевством обеих Сицилии. Разделение королевства и империи также содержалось в тексте грамоты, как и права папы на территории на Корсике и Сардинии.

В отличие от единоличной клятвы императора Оттона IV Золотую буллу Эгера заверяли имена и клятвы германских имперских князей, а также имперский закон.

Фридрих, готовясь уничтожить противника, старался привлечь всеобщее внимание к своему королевству и собственной принадлежности к роду Штауфенов.

3 декабря 1213 года он писал из Шпейера: «Мы желаем в тот же день довести до сведения всех ныне живущих, а также последующих поколений — дорогое тело Нашего возлюбленного дяди, достославного и великого короля римлян Филиппа из города Бамберга, где он был безвинно и столь жестоко, сколь

коварно умерщвлен, мы приказали перенести и похоронить в соборе Шпейера рядом с усыпальницами императоров и королей, Наших предков и предшественников, к вящей славе Господа и Святой Девы Марии, в чью честь построен собор, и к благополучию души Нашего возлюбленного отца, достославного Германского императора и короля Сицилии, а также упомянутого дорогого дяди, короля Филиппа, великого Римского императора…»

Поразительно, но Фридрих при перезахоронении и восхвалении дяди Филиппа крепко связывает Штауфенов с салическими королевскими и императорскими традициями. Из салических франков в соборе был похоронен император Генрих IV (1056—1106 гг.) и его дочь Агнесса (1079—1105 гг.), а ведь именно брак Агнессы с герцогом Фридрихом I Швабским (1138—1152 гг.) сделал Штауфенов членами салической королевской и императорской семьи. От этого брака произошел король Конрад III (1138—1152 гг.), первый Штауфен на германском королевском троне. Его преемником стал император Фридрих I, дед короля Фридриха II. Перенесением праха царственного дяди Фридрих задокументировал глубокие корни, славу и неопровержимые права собственного рода.

Такая тонкость в настойчивой демонстрации власти и выставлении напоказ собственных достоинств не отличала Оттона IV. «Бремя для итальянцев, еще более тяжкое бремя для швабов, неприятный даже для сторонников», — выносит ему уничтожающий приговор летописец с юга.

И Вальтер фон дер Фогельвейде язвительно шутит по поводу Вельфа: «Если бы его доброта соответствовала его огромному росту, он обладал бы многими добродетелями».

До весны 1213 года всеми нелюбимый Оттон IV укрепился на Нижнем Рейне, поддерживаемый городами Аахеном и Кёльном. Но военные действия против Штауфенов ему не удавались. Поэтому он вернулся в свои родовые владения в Саксонии. В районе Брауншвейга он собрал войско, собираясь пойти войной на упрямого саксонского противника, архиепископа Альбрехта Магдебургского (1205—1232 гг.). Вельф сжег всю магдебургскую землю, однажды ему даже удалось разбить войско архиепископа, но решающей победы над противником он не одержал и здесь, лишь опустошил ландграфство Тюрингию и взял там несколько крепостей. Когда в октябре Оттон IV возвратился в Брауншвейг, он еще больше, чем прежде, был далек от решительной победы.

Тогда Фридрих, поддерживаемый богемскими и тюрингскими войсками, решил прорваться в центр власти Вельфов и завоевать Брауншвейг. Но Оттон IV основательно укрепил Кведлинбург:

изгнал оттуда проживавших там монахинь, обвинив их в симпатии к Штауфенам, и превратил старый оттонский женский монастырь в неприступную крепость. Здесь Фридриху с его войском пришлось задержаться, и теперь уже штауфеновские солдаты грабили страну и население. Страдания и нищета должников оставались неизменными.

Победа при Бувине

Упорный затянувшийся бой между Штауфенами и Вельфами разрешился вне пределов Германии. Стародавний спор между французскими королями и англо-норманнской сверхдержавой, разросшейся через Нормандию, Пуату и Аквитанию на французском пространстве, послужил тому толчком.

Уже в 1206 году король Филипп II Августейший одержал победу над английским королем Иоанном и вынудил того вернуть Франции французский лен к северу от Луары. Кроме этого, английский король сам усложнил свое положение, вступив в спор с папой Иннокентием III по поводу занятия поста архиепископа Кентерберийского. Иоанн отклонил кандидата папы, кардинала Стефана Лаутона (ум. в 1228 г.), и не пустил его в страну. Папа ответил интердиктом на Англию в 1208 году и отлучением английского короля от церкви в 1209 году.

Король Филипп усмотрел в этом свой шанс. На совете в Суассоне в апреле он призвал баронов к нападению на Англию, выступая одновременно исполнителем воли папы на введение интердикта на островном государстве. Интердикт означал запрет на все духовные и церковные действа — никаких месс, никаких исповедей, никаких причастий, то есть отмену всех священных средств милости Божией. Для людей Средневековья — ужасное наказание, чью жестокость современные люди даже не способны осознать.

Под впечатлением отлучения от церкви, интердикта и угрозы нападения король Иоанн покорился папе и принял от него английское королевство в виде лена. Отныне французский король не сможет отважиться захватить остров, чьим верховным сувереном стал сам папа.

Французский король решил, раз уж он собрал войско и основательно вооружился, произвести карающий суд над могущественным графом Фердинандом Фландрским (1211—1233 гг.), противящимся захватническим планам короля Филиппа и тем самым нарушающим вассальную верность. Королю Филиппу не удалось покорить восставшего, более того, граф открыто перешел на сторону Англии и принес ленную клятву королю

Иоанну. Графы Булонский и Голландский присоединились к нему. Они решили — пришел час освобождения от ленной зависимости от Франции.

При столь счастливых предзнаменованиях король Иоанн в феврале 1214 года прибыл в Южную Францию, намереваясь вторгнуться оттуда во владения французской короны и вновь отвоевать себе потерянный французский лен.

Императору Оттону IV предстояло осуществить нападение с юга и атаку с севера для смертельного захвата в тиски Французского королевства. Но он медлил с исполнением военного плана. В районе Маастрихта Вельф встретился с союзниками, графами Фландрским и Булонским, а также с герцогом Брабантским. В июле 1214 года войско собралось в районе Валенсьена, усиленное английскими частями под командованием графа Вильгельма Солсбери, сводного брата короля Иоанна. Войско во главе с королевским братом не могло быть незначительным.

А на юге жребий был уже брошен. Король Иоанн завоевал и укрепил город Анжер, столицу графства Анжу. Когда наследник французского трона, будущий король Людовик VIII, пошел на штурм во главе осаждающих войск, Иоанн Английский впал в панику и сбежал из надежно укрепленного города. Таким образом, англо-вельфский план нападения рухнул.

Король Филипп мог теперь не бояться удара с тыла. Он взял в монастыре Сен-Дени священное боевое знамя французских королей (орифламму) и поспешил во Фландрию. Там он захватил Турне и 27 июля 1214 года встретился при Бувине с превосходящим по численности войском императора и его союзников.

Результат битвы балансировал на грани. Оба, и император, и король, сражались храбро. Король Филипп, в ходе битвы сброшенный с коня, едва избежал смерти. Лошадь императора под ним получила тяжелую рану. Исход решили французская кавалерия, рыцарство, а также французские города, впервые участвовавшие в бою как самостоятельные отдельные подразделения. Император Оттон, так же как ранее его английский союзник Иоанн, в полной панике пустился в бега. Золотой имперский орел попал в руки французов. Французский король по-рыцарски приказал исправить сломанные крылья орла и послал символ империи Фридриху в знак победы.

Оба полководца, Иоанн Английский и Вельф Оттон IV, производили впечатление неудачников: несмотря на превосходящие по численности войска и выдающуюся стратегическую концепцию, они потеряли веру в победу и самих

себя.

Последствия сражения при Бувине

Победа при Бувине изменила соотношение сил в Европе. Победоносная Франция в несколько раз увеличила свою территорию. В Англии король Иоанн под впечатлением поражения предоставил своим баронам большие свободы в знаменитой «Magna Charta Libertatum».[10] Столь чрезвычайно важный для европейской истории документ подписали на Лугу Раннимеда между 15 и 19 июня 1215 года. Хотя, разумеется, он не являлся указом о вновь подаренной миру демократии, а лишь перекладывал бремя власти с плеч одного на плечи многих.

Для Германии победа при Бувине означала закат звезды Вельфа. Правда, он еще удерживался в Аахене и Кёльне, пребывая в полном бездействии до Пасхи 1215 года. При приближении войска Фридриха, к тому же раздраженный безудержной страстью к игре своей новой жены, дочери герцога Брабантского Генриха I (1186—1235 гг.), сильно задолжавшей состоятельным кёльнским купцам, император тайно покинул город, то есть попросту сбежал. Он отступил к Брауншвейгу.

Но Фридрих продолжал великодушную примирительную политику. Герцоги Брабантский и Лимбургский, недавние сторонники императора Оттона IV, покорились ему. Фридрих принял их с честью. Брабантский герцог оставил ему сына в заложники.

Но Фридрих ясно продемонстрировал свое желание строить правление не только на власти, и отдал брабантскому герцогу в лен город Маастрихт. В начале октября рейнский пфальцграф, Вельф и племянник императора Оттона IV, умер бездетным. Фридрих отдал Пфальц герцогу Баварскому, Людвигу, рассчитывая покрепче привязать к себе влиятельного князя, враждебно настроенного к нему во время альпийского похода. С тех пор дом Виттельсбахов властвовал в Баварии и в Пфальце до структурных изменений в 1918 году, которые мы не хотели бы называть не вполне подходящим словом «революция».

На севере Фридрих показывал ту же обходительность. Для прекращения влияния Вельфов Фридрих был готов поступиться государственными правами и государственными землями. Он по всей форме уступил королю Вальдемару II Датскому (1202—1241 гг.) уже оккупированные им области по другую сторону границы между Эльбой и Эльдой. Как и после Эгерской Золотой буллы, ему удалось добиться санкционирования данного отказа германскими имперскими князьями. Правда, позднее, при

изменившейся расстановке сил, он попытался расторгнуть договор с королем Вальдемаром. Необдуманность действий Фридриха, отдающего права германской короны и клянущегося на договорах, дает основание считать их лишь политическими средствами, которые можно отменить при изменившейся ситуации.

Целью Фридриха являлось не Германское королевство, а блеск короны императора Священной Римской империи. Поэтому он легко отказывался от прав германской короны и даже от территориальных претензий. Он делал это не из легкомыслия, ведь уменьшение власти недопустимо для любого короля. Но диадема римских цезарей для него весила много больше германской короны.

Конечно, коронация в Аахене смогла состояться только тогда, когда Фридриху удалось завоевать расположение германских князей. Но и коронация в Аахене — для него всего лишь шаг, важный и неизбежный шаг на пути к величайшему титулу Священной Римской империи.

Коронация в Аахене и первый обет крестового похода

Весной 1215 года большинство саксонских правителей перешло на сторону Фридриха, поэтому в мае собрание князей в Андернахе решило выступить против последних вельфских городов, Аахена и Кёльна.

Но применения оружия уже не потребовалось. В обоих городах победили сторонники Штауфенов, и 24 июля 1215 года Фридрих торжественным кортежем въехал в древний город, где короновались императоры, в Аахен.

Уже 25 июля майнцский архиепископ короновал его в домовой церкви Карла Великого и провел к освященному традициями Каролингов трону первого франко-германского императора. Литературного документирования происходящего — от епископа Оттона Фрейзингского до Вальтера фон дер Фогельвейде — показалось для Штауфена недостаточно — ему требовалась драматическая инсценировка государственного события.

Почти ровно пятьдесят лет назад дед Фридриха II, Фридрих Барбаросса, приказал причислить к лику святых свой идеал — Карла Великого. На столь важном для него событии должны были присутствовать его жена, императрица Беатриса, и оба сына — Генрих и Фридрих. Тем самым он пытался утвердить, что в отличие от Капетингов — королей Франции германская императорская власть является прямой преемницей Карла. Но

дело не только в этом. На примере святого отныне императора проявились притязания Штауфенов на власть, уже реализованные Оттоном III, в противоречие Риму и папской власти. «Империя Карла Великого всегда оставалась целью для Штауфенов, стремящихся к ней по каменистому и головокружительному судьбоносному пути».

И теперь уже Фридрих, восемнадцатилетним юношей покинувший Сицилию, в возрасте двадцати одного года находился на первом этапе поставленной цели: на коронации в доме и на троне Карла Великого.

Трезвый разум молодого короля, часто оказывавший ему бесценные услуги, «commodum et utilitas» — если это оказывалось выгодным, — не мог не испытывать волнения от величия места и праздничной церемонии коронации.

Летописец Райнер из Люттиха повествует: «На следующий день его (Фридриха) провозгласили королем в церкви Святой Марии и короновали. На королевский трон его возвел архиепископ Майнцский, так как кёльнская церковь не имела (на тот момент) главы.

Сразу после мессы король совершенно неожиданно взял знак животворящего креста и потребовал от всех князей и высокопоставленных лиц империи как сам, так и через уста священников, проповедующих слово Божье, сделать то же самое. Многих он привел к согласию».

Поступок, имеющий неслыханное по своим последствиям значение: папа Иннокентий III уже давно готовил крестовый поход для освобождения Святой земли. Но это должен быть крестовый поход не под руководством князя, а папы, через представляющего его легата. Принятием креста Фридрих свел на нет замыслы папы. Он, император, должен и желает быть полководцем в «miles Christi»,[11] так же как его дед Фридрих Барбаросса, поставленный в 1189 году во главе христианского рыцарства Западной Европы. Но это еще не все. Наш информант Райнер из Люттиха сообщает далее: «На второй праздничный день, 27 июля, после праздничной мессы король приказал уложить тело святого Карла, которого его дед, император Фридрих, поднял из усыпальницы, в необыкновенно великолепный, отделанный серебром и золотом саркофаг, выполненный аахенцами. Король снял мантию, взял молоток, поднял с мастеровыми людьми леса и на глазах всех присутствующих крепко вбил вместе с мастерами гвозди в ящик».

Принятием креста Фридрих поставил себя во главе рыцарей-крестоносцев, ударами молотка по золотому гробу Карла Великого явил миру имперскую, независимую от папского Рима

традицию дома Штауфенов.

День папы

Наряду с королями Филиппом Французским и Фридрихом победителем битвы при Бувине стал папа Иннокентий III: тот, кого он с полным правом ненавидел, кто был его творением, а затем гнусно предал его, император Оттон IV, жил, лишенный власти, в Брауншвейге в мрачной повседневности и ждал смерти. Будущий император, тоже создание рук папы, обращался к нему так:

«Святого отца во Христе, владыку Иннокентия, первосвященника святейшей Римской церкви, приветствует Фридрих, милостью Господа и его милостью великий король римлян и король обеих Сицилии, с сыновним послушанием во всем и благоговением перед апостольским престолом».

Англия и ее король находились под суверенитетом папы, так же как Сицилия и Арагон. Четвертый собор, созванный Иннокентием III в Риме 30 ноября 1215 года, являл собой исполненное великолепия собрание католического мира, свидетельствовавшее об авторитете папы. Более четырехсот кардиналов и архиепископов, епископов, восьмисот аббатов, посольства королевств Германии, Англии, Франции и Венгрии и, разумеется, находящегося под папским верховным правлением Арагона съехались на него.

Но собор ставил своей задачей нечто большее, чем просто демонстрацию могущества папы: было издано семьдесят духовных и реформационных декретов. Впервые в документе, изданном духовным ведомством, письменно зафиксировали понятие превращения. Собор изложил краткое содержание веры в реальное присутствие Христа при праздновании евхаристии и торжественно признал: «Плоть и кровь есть таинства… в виде (хлеба и вина)… действительно существующие, после того как хлеб превращается в плоть, а вино — в кровь (Христову)».

Затем учреждались ежегодная исповедь и пасхальное причастие. Внутренний распорядок церкви закреплялся табелью о рангах патриархатов. По рангу один — Константинополь, два — Александрия, три — Антиохия и четыре — Иерусалим. Собор постановил — приход не может оставаться без главы более трех месяцев. Наконец, утвердил декрет папы о новом крестовом походе, чье начало назначили на 1 июня 1217 года.

Все священнослужители обязывались в течение трех лет двадцатую часть доходов отдавать в пользу Святой земли. Крестоносцы и их владения получили особую защиту папы. Кроме того, всем крестоносцам гарантировалось полное отпущение

грехов. Были приняты и политические решения — отказ в снятии отлучения от церкви императора Оттона IV, переданный через его посольство, и признание Фридриха будущим императором. «Magna Charta» подверглась осуждению. Все поняли: Англия неспроста стала ленным государством папы.

О принятии креста Фридрихом в Аахене на соборе не было сказано ни слова. Наверняка поведение Фридриха расценили как дерзость. Поэтому папа за несколько дней до смерти, заставил своего подопечного подтвердить переданное ему через легатов заявление, датированное 1 июля 1216 года:

«В стремлении принести благо как Римской церкви, так и королевству Мы твердо обещаем сразу после принятия императорской короны Нашим сыном Генрихом, которого Мы, согласно Вашему поручению, велели короновать королем, освободить его от отеческой власти и передать ему Королевство обеих Сицилии как лен Римской церкви, так же как Мы им владеем от нее. Таким образом, с той поры Мы не будем им владеть и Нас не будут более называть королем обеих Сицилии, а по Вашему желанию государство будет управляться подходящим человеком от имени Нашего сына до его совершеннолетия, во всех правах и обязанностях будучи ответственным перед Римской церковью, как известно, единственной правительницей сего государства. Так как Мы Божьей милостью призваны на императорство, не должно возникнуть мнение, что когда-нибудь каким-либо образом произойдет воссоединение сицилийского королевства и империи, если Мы будем одновременно королем и императором. Ведь иначе может быть нанесен ущерб как апостольскому престолу, так и нашему преемнику. Для должной убедительности Нашего обещания, Нашей уступки и Нашего решения Мы прикладываем к грамоте золотую печать».

За время правления Фридрих семь раз давал такое обещание, и даже клялся при этом. И всякий раз нарушал его.

Когда папа Иннокентий III умирал 16 июля 1216 года в возрасте пятидесяти шести лет, он мог надеяться, что на все времена уберег папское государство от захвата в тиски с севера и юга, если клятва, печать и договор имеют хоть какое-нибудь значение среди людей и государств.

Дипломатия вероломства

Пять лет после коронации в Аахене Фридрих провел в Германии. Пять значимых и не всегда безмятежных лет, о чем в Магдебурге позаботился Вельф, умерший в душевном самоистязании 19 мая 1218 года в Гарцбурге.

Стремясь достичь соглашения о перемирии с датским королем, Фридрих, как уже кратко упоминалось, подписал в 1215 году указ, устанавливавший границу государства вниз по течению Эльбы от Магдебурга и передававший Дании расположенные восточнее земли с Любеком, Мекленбургом и Шверином. Десять лет спустя король Дании с сыном попали в плен к графу Шверина, датскому вассалу по договору 1215 года. Фридрих среагировал на это немедленно. Из Италии он объявил договор от 1215 года недействительным, так как отданные земли ранее принадлежали империи.

Некий датский летописец пишет об этом в своих анналах: «Немцы обязаны своими успехами единственно вероломству, заложенному в самой их натуре».

Фридриху, в полной мере наделенному вероломством, не составляло труда вырваться и из других тяжелых договорных условий.

В то время как Фридрих добивался возврата фамильных владений в Эльзасе и Швабии, заботясь о порядке в наследственных землях, и мог лишь в очень незначительной степени влиять на политику имперских князей, его посетила идея, каким образом он может освободиться от связывающих его договоров со Святым престолом и добиться императорской короны. Почти квадратура круга.

Рискованная игра, в которую Фридрих сейчас пустился, должно быть, началась еще при жизни папы Иннокентия. Следовательно, он чувствовал в себе силы осуществить далеко идущие планы даже при великом папе.

Теперь папский трон занял Гонорий III (1216— 1227 гг.). В сравнении с покойным любой преемник казался бы слабее и бледнее. Правда, будучи уже стариком, Гонорий горел священным пламенем: его воодушевляла идея крестового похода, провозглашенного папой Иннокентием. Всегда, когда человек слишком сильно, слишком безоговорочно чего-то желает, он теряет свободу и становится жертвой навязчивой идеи, к которой сам себя приговорил.

Папа Иннокентий назначил архиепископа Берарда Барийского, доверенного человека Фридриха, архиепископом

Палермо — самый высокий пост в королевстве. В этом качестве Берард принял участие в соборе в Риме в ноябре 1215 года и после его окончания отправился в Палермо. Вероятно, он уже получил указание от Фридриха подготовить королеву Констанцию и сына Генриха к поездке в Германию. Другой посол Фридриха, граф Альберт фон Эберштейн, уже покинул Германию в начале 1216 года. Он передал пожелание Фридриха о переезде Констанции и Генриха в Германию.

В последнюю треть 1216 года, когда королева Констанция с Генрихом прибыла ко двору Фридриха, тот немедленно сделал сына герцогом Швабским. В 1218 году умер герцог Бертольд, последний Церингер. Его титул и должность правителя Бургундии Фридрих также передал сыну. Что же произошло?

Генрих, юный правитель Королевства обеих Сицилии, не имевший права связывать себя и свое королевство с империей, как это звучало в клятве, стал германским князем, «герцогом Швабским и правителем Бургундии», князем части империи, с которой обязывался не иметь ничего общего. Буква принесенной Фридрихом клятвы еще не была нарушена, но ситуация находилась на грани законности.

Папа Иннокентий III никогда бы не смирился с подобными манипуляциями. Но папа Гонорий слишком сильно желал крестового похода, для чего ему требовалась помощь германского короля. К тому же произошло ужасное событие!

Фиаско при Дамиетте

В августе этого года, а не в июне 1217 года, как постановили на четвертом соборе, венгерско-австрийское войско во главе с королем Андрашем II (1205—1235 гг.) и его двоюродным братом Леопольдом VI (1198—1230 гг.), герцогом Австрии и Штирии, отправилось в Сплит для отплытия в Акру. Призыву папы последовали также голландцы и фризы под командованием графа Вильгельма I Голландского (1203—1223 гг.). Они отплыли из устья Мааса уже в мае, но в Лиссабоне остановились. Тамошний епископ попросил их принять участие в боях с сарацинами. Лишь весной присоединились они к собравшимся в Акре сильно разрозненным войскам.

С большим трудом удалось объединить всех под верховным командованием Иоанна де Бриенна, короля Иерусалимского. Он смог уговорить крестоносцев, стремящихся к святым местам, напасть на Египет, как планировалось на соборе. Вторжение в Египет преследовало цель отрезать мусульман от дельты Нила. Таким образом они теряли не только богатейшую провинцию, но

и возможность использования флота в Восточном Средиземноморье. Иерусалим не смог бы долго противостоять наступлению с двух сторон — из Суэца и Акры.

Но для венгерского короля Андраша, отца святой Елизаветы, данная задача являлась непосильной. Он возвратился в Венгрию с удачно захваченными реликвиями. Среди них находились чаша, использованная Иисусом на свадьбе в Ханаане для превращения воды в вино, и голова почитаемого в Венгрии мученика, святого Стефана.

Герцог Леопольд Австрийский отправился в Египет. На судах фризов крестоносцы достигли дельты Нила. В апреле 1218 года разношерстная толпа воинов стояла в дельте. Мусульмане построили на острове в рукаве Нила, ведущем к Дамиетте, крепость, надежно запирающую все подходы к Дамиетте.

Настроение улучшилось, когда в середине августа прибыли новые крестоносцы под предводительством папского легата Пелагия, испанца и религиозного фанатика. Как папский легат он потребовал верховного командования, и его ему предоставили. После молебна 17 августа войско крестоносцев пошло на приступ островной крепости в рукаве Нила. Крепость сдалась, когда число ее защитников уменьшилось до сотни.

Так называемая добыча была неисчислимой. В то время в войске крестоносцев находился и Франциск Ассизский. Он намеревался обратить в веру Христову султана Малика эль-Камиля.

Хроника Иоганна из Элемозины повествует: «Рассказывают, будто он (святой Франциск) предстал перед султаном и тот предложил ему много подарков и драгоценностей и, когда слуга Господа не захотел их принять, сказал: «Возьмите их и раздайте церквам и нуждающимся христианам!» Но слуга Христов отклонил их, уверив, что о нуждах бедняков заботится провидение Господне. Когда праведный Франциск проповедовал, он предложил пойти в огонь с сарацинским священником и таким образом ясно доказать истинность заветов Христа. Но султан сказал ему: «Брат, ни один из сарацинских священников не согласится пойти в огонь за свою веру».

Мир, предложенный крестоносцам просвещенным султаном вместе с готовностью уступить христианам Иерусалим, легат Пелагий отклонил.

Осада Дамиетты продолжалась. Султан Малик эль-Камиль вновь предложил мир. В конце октября он прислал двух пленных франкских рыцарей к крестоносцам сделать последнее предложение. Ради спокойствия Египта он был готов отдать «Истинный крест Господень», а кроме того, Иерусалим,

Центральную Палестину и Галилею.

Король Иоанн де Бриенн, французские, английские и немецкие бароны соглашались на мир. Итальянцы — нет, желая укрепиться на важном торговом месте — Дамиетте. С их помощью фанатичному Пелагию, стремящемуся не только к освобождению святых мест, но и к уничтожению всех неверных, удалось отклонить мир. Серьезность мирных намерений султан доказал позже, в 1229 году сделав подобное предложение императору Фридриху II.

Осада крепости продолжалась. Когда 5 ноября 1219 года крестоносцы взяли город, в нем осталось в живых лишь три тысячи жителей, остальные стали жертвами эпидемии. Но завоевание города породило новые споры. Иоанн де Бриенн требовал передачи города в его Иерусалимское королевство. Пелагий утверждал, что город должен принадлежать всему христианству, читай — церкви. Иоанн де Бриенн, рассерженный, отступил со своими рыцарями, опасаясь нападения на Акру, Тир и Яффу.

Весной 1220 года войско крестоносцев усилилось тысячей воинов, посланных Фридрихом II под командованием Людвига Баварского в Дамиетту. Пелагий уже мечтал о крупном вторжении во Внутренний Египет. Новое предложение султана Малика эль-Камиля о выдаче Иерусалима, Галилеи и Палестины Пелагий в фанатичном безумии отклонил.

4 июля 1221 года он отправился вверх по Нилу. Его войско, судя по всему, состояло из пяти тысяч рыцарей, четырех тысяч копейщиков и сорока тысяч пехотинцев. Все готовились к большому сражению с султаном, но не приняли в расчет ежегодный разлив Нила. Крестоносцы, хорошо знавшие страну, предостерегали легата Пелагия.

Поднявшаяся вода Нила сделала сухой канал судоходным для сарацинского флота, и утром 29 августа крах стал неизбежным. Пелагий с огромным войском оказался запертым на острове водами Нила, и ему угрожал египетский флот.

Разгорелась паника. Султан открыл шлюзы Нила и затопил путь к отступлению беспорядочно бегущим толпам. Злополучный Пелагий живым достиг Дамиетты и там униженно просил султана о мире. Город и крепость Дамиетта были освобождены 8 сентября 1221 года, а легату пришлось поклясться о мире (по крайней мере о перемирии) на восемь лет.

Весь крестовый поход потерпел поражение из-за высокомерия и ревностного религиозного безумия. Но папа объявил виноватым не фанатичного легата, а императора Фридриха, не выполнившего обещания об участии в крестовом походе, данного

в 1215 году, хотя папа короновал его императором 22 ноября 1220 года. Как Фридриху это удалось?

Приключение с коронацией

Мы видели, как Фридрих сделал сына Генриха, правителя Королевства обеих Сицилии, германским имперским князем, причем возвеличил его до герцога Швабии и правителя Бургундии. Титул «король сицилийского королевства» больше не всплывает при упоминании имени Генриха. Тон Фридриха по отношению к папе тоже изменился. Он разговаривал с ним так, как никогда не отважился бы при папе Иннокентии III. Вежливое объявление о коронации, присланное папой, согласно обычаю, к германскому двору, девять месяцев оставалось без ответа.

Папа Гонорий III, зная о рискованных усилиях Штауфена в Германии, решил закрыть на них глаза. Крестовый поход являлся для него и, как он верил, для всего христианского мира самым святым делом.

Настойчивым просьбам папы об исполнении крестового похода и о помощи крестовому воинству у Дамиетты Фридрих отвечал потоком извинений, обвиняя во всем всех окружающих: они не следуют его приказам, а сам папа не карает анафемой тех, кто противится крестовому походу. Уже из обращений в письмах видно, что он не считает себя королем папской милостью, а ставит себя равным рядом с папой:

«Святейшему отцу и господину Гонорию, Божьей милостью первосвященнику священнейшего Римского престола, Фридрих, той же милостью великий король римлян и король Королевства обеих Сицилии, шлет почтительный и преданный поклон и уважение…»

Король продолжает: «Мы приказали оповестить своим эдиктом всех крестоносцев, дабы они со всем усердием снаряжались и дожидались бы определенного дня, назначенного нами для отправки без возражений… Чтобы исполнить столь похвальное и необходимое для христианского народа намерение… Я смиренно и преданно прошу, нельзя ли однозначно сообщить Нам, а также всем духовным и мирским князьям, графам, баронам и другим крестоносцам апостольским посланием, что тот из нас, кто к следующему лету до праздника святого Иоанна не уедет, должен быть предан анафеме…»

И далее следует самый показательный момент, когда Фридрих, сумевший в течение четырех лет избегать участия в крестовом походе, полностью конкретизирует упомянутые ранее упреки по отношению к папе:

«Следует добавить, что будет всяческим образом приписано на Ваш (счет), если по причине Вашей небрежности будут упущены возможности послужить на пользу общего дела».

Действительную причину того, почему он не находит времени для крестового похода, Фридрих не называет. А причина состоит в следующем: он хочет провести избрание сына германским королем. Его усилия в этом направлении не могли оставаться незамеченными для папы. Фридрих всеми силами старался отменить священную клятву, данную им папам, — никогда не воссоединять империю и королевство. Степень его решимости сделать сына королем демонстрирует та цена, которую он был готов за это заплатить.

Фридрих, еще ребенком познавший продажность людей, полными горстями раздавал французское золото имперским князьям. Купил он и согласие духовных князей Германии на избрание своего сына. Ценой сделки стало так называемое «Confoederatio cum principibus ecclesiasticis».[12] Оно предоставляло князьям церкви свободу располагать своим наследством; Фридрих передал им также таможенные права, право чеканить монеты и свободное владение ленами в их землях. Он поступился особым королевским правом объявления вне закона: отныне к церковному проклятию добавлялось еще и объявление вне закона, и епископ становился единственным, кто располагал правом отлучения.

Церковные сановники не смогли устоять. Фридрих, превозносимый особенно в XIX веке как великий император, пожертвовал правами короля Германии. Именно он создал германские удельные государства, и путь к единству Германии закрылся на столетия вперед. Он заплатил ею за Сицилию и имперскую мечту. 20 апреля 1220 года церковные сановники исполнили свой долг благодарности: вместе со светскими князьями они избрали сына Фридриха германским королем Генрихом (VII). Выборы, купленные на королевские права и порушенные клятвы.

Каким образом это истолковывалось историками XIX столетия как мастерский дипломатический ход, остается загадкой. В конце концов Фридрих потерпел неудачу не от церковной власти, а из-за нарушенных клятв, завоевав репутацию человека, не заслуживающего доверия как перед церковью, так и перед всем миром.

Но самыми пикантными являются извинения, приносимые Фридрихом на упреки папы. Двадцатишестилетний король пишет следующее:

«Нам стало известно, правда, не из Ваших писем, а из

распространившихся сообщений, что наша мать, церковь, немало обеспокоена возвышением Нашего возлюбленного сына… Учитывая Вашу снисходительность и доброту, Мы не можем и не дерзаем отрицать, что Мы для возвышения Нашего единственного сына, а не из-за любви к Нам, отцу, так усердно, как только возможно, почти изо всех сил работали над этим, пока не оказалось возможным достичь поставленной цели».

Фридрих, таким образом, признается — уже в течение нескольких лет он готовился к клятвопреступлению. Основание для расторжения договора: сверхвеликая отеческая любовь!

Еще никогда нарушение договора и верности не объяснялось более просто. Но послушаем короля далее:

«В то время как Мы находились на пути к Франкфурту, где созвали всеобщий придворный совет для разъяснения князьям государственной необходимости, дабы затем по Вашему желанию поспешить к Вашим стопам и с помощью Господней вступить в крестовый поход, между Нашими возлюбленными князьями, досточтимым архиепископом Майнцским и ландграфом Людвигом Тюрингским (1217—1227 гг.; супруг святой Елизаветы), прибывшими на упомянутый совет, возобновился спор, уже с давних времен существовавший между ними, и из-за присутствия рыцарей и войск обоих так увеличился, что стал грозить опасностью и вредом всему государству… И долгое время велись переговоры… и распря приняла такие формы, что, учитывая Наш предстоящий отъезд, из-за них могло возникнуть еще больше неприятностей и большее беспокойство в государстве, поэтому присутствующие князья и даже те, которые ранее были против избрания Нашего сына, в Наше отсутствие и без Нашего ведома совершенно неожиданно, выбрали его королем.

Когда Нам сообщили об избрании, Мы отказались признать его, поскольку оно прошло без Вашего ведома и без Вашего приказа, без коих Мы не желаем ничего планировать и предпринимать. Мы же в противоположность этому добивались, чтобы они, если хотят иметь Наше согласие, изложили свое решение на заверенной печатью грамоте, а Ваше святейшество утвердит на ней состоявшиеся выборы…»

Ну что ж, теперь мы знаем, как все произошло. Виноватыми оказались князья. Майнцский архиепископ и ландграф Тюрингский, рассорившись во время придворного совета во Франкфурте, поставили под угрозу мир в государстве и, что еще хуже, предстоящий отъезд Фридриха в крестовый поход. Фактически прошло целых восемь лет, пока Фридрих все-таки совершил обещанный в 1215 году крестовый поход. И прежде

всего Фридрих вообще не присутствовал при избрании своего сына 13 июля. Все произошло без его ведома. Это случилось под давлением ситуации, стечения обстоятельств: князья решили избрать девятилетнего мальчика королем, намереваясь сохранить мир в государстве.

Каким образом девятилетний ребенок будет способствовать сохранению мира, какими средствами и каким оружием, об этом ничего не говорилось.

При помощи столь слабых аргументов Фридрих покончил с доктриной папской политики, сохранившейся как наследие Иннокентия III и направленной на разделение Королевства обеих Сицилии и империи.

Вновь возникла угроза окружения папского государства одновременно с севера и с юга.

Папа Гонорий находился во власти навязчивой идеи крестового похода. Мог ли он свергнуть Фридриха, как это сделал Иннокентий III с Оттоном IV? Должен ли папа второй раз за одно десятилетие признать: «человек, им созданный», опять превратился в его врага? И самое главное, Штауфена в отличие от Оттона IV некем было заменить.

Осознавая развитие тенденции, папа Гонорий в сентябре 1219 года настоял на обновлении документа от 1 июля 1216 года, в котором Фридрих поклялся сразу после получения императорской короны отказаться от короны Сицилии. Фридрих противился вновь подтверждать свои обещания. Но упорство папы, должно быть, все же заставило Фридриха в феврале 1220 года их повторить, а пять месяцев спустя нарушить при избрании Генриха германским королем.

На самом деле он никогда не собирался сдерживать обещание и отказываться от Сицилии.

В августе 1220 года Фридрих собрал небольшое войско на Лехфельде при Аугсбурге. Он стоял в окружении князей, готовых, как и он, к крестовому походу. Медленно прошествовал он по Бреннерштрассе, через Инсбрук, Боцен, Триент — той же дорогой, как и восемь лет назад при таких опасных обстоятельствах. У озера Гардазее Фридрих разбил палаточный лагерь.

Оттуда он послал к папе делегацию для выяснения насущных вопросов, в особенности избрания Генриха германским королем и своего избрания императором. Здесь впервые в королевской грамоте всплывает имя магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца, сумевшего не только заслужить доверие короля и папы, но и сохранить его. Лояльный посредник между короной и папским престолом. После его смерти в 1239 году между двумя столпами средневекового мира пролегла пропасть.

Но сейчас Герману фон Зальца удалось найти «modus vivendi», при котором папа согласился принять избрание Генриха. Слов «утвердить» или «одобрить» не удалось добиться от старого папы. Сыну Фридриха присвоили титул «король», но без определения «избранный», необходимого для получения императорской короны.

Папе пришлось утешиться предоставленными ему Фридрихом владениями Матильды и практически всей Центральной Италией, и теперь разросшееся церковное государство образовало преграду между Северной и Южной Италией, отделявшую Королевство обеих Сицилии от империи.

К этому добавилось следующее заявление Фридриха, еще раз письменно подтвердившего, что «со стороны империи не существует никаких прав на Королевство обеих Сицилии, поскольку Мы владеем им не от Нашего отца, а как данным Нам церковью в лен материнским наследием». Уступка, которой всегда противился отец Фридриха, император Генрих VI. Видимость благополучия, казалось, удалось сохранить.

В придворном лагере в Монте-Марио неподалеку от Рима Фридриха повторно через папских легатов уведомили об обязанности в августе 1221 года отправиться в Египет с войском германских крестоносцев. В качестве срочной меры Фридрих послал герцога Людвига I Баварского (1183—1231 гг.) как своего личного представителя к находившемуся в затруднительном положении христианскому воинству в Дамиетте.

Теперь Фридрих и Констанция могли отправиться по древней дороге, ведущей к коронации, — Via Triumphalis[13] цезарей в Рим. Неподалеку от города он согласно обычаю подтвердил права римских граждан и у ворот Порта Коллина встретил почетную делегацию священников Рима, праздничной процессией препроводившую его в собор Святого Петра. Здесь процессию возглавили римские сенаторы. В окружении толпы кардиналов его ждал папа, восседающий на престоле на самой верхней ступени лестницы. Фридрих смиренно поцеловал ему ноги и передал золото как наместнику Христа. Последовали лобзание и объятия, и все направились в капеллу Санта-Мария-ин-Туррибус. Здесь Фридрих принес клятву стать хранителем и защитником папы и церкви. Затем его приняли в братство каноников Святого Петра.

Прежде императоры действительно переводились в духовное сословие и облачались как священнослужители. Но по мере увеличения имперских притязаний папства священные обязанности императора, даже в церемонии коронации, сильно походившей на посвящение в епископы, сократили. Облаченный в

императорскую мантию, Фридрих вошел в серебряную дверь собора Святого Петра. Тут он получил примирительный поцелуй от папы. Затем папа вновь помолился, короновал Фридриха митрой и короной и передал ему меч. Хор тут же запел псалом: «Фридриху, непобедимому императору римлян, вечно великому, слава и победа».

Похожем образом происходила коронация императрицы. Потом императорская чета причастилась из рук папы. Перед собором император несколько шагов провел лошадь папы. Вместе они проехали до церкви Сайта-Мария-Транспадина, а затем расстались.

Еще раз Фридрих демонстративно взял крест из рук кардинала Уголино Остийского, будущего папы Григория IX.

В день коронации Фридрих утвердил ряд законов, принятых явно по договоренности с курией: освобождение священников от налогов и их неприкосновенность перед светской юрисдикцией, отмена всех направленных против священнослужителей и церковных привилегий городских уставов, объединение объявления вне закона и отлучения от церкви и повторный эдикт против еретиков.

Когда-то Фридрих Барбаросса предоставил привилегии юристам Высшей школы Болоньи, чтобы они включили его текст в «Corpus iuris civilis» Юстиниана, так же поступил и внук. В императорской грамоте от ноября 1220 года сказано: «Фридрих, великий император римлян, шлет всем докторам и ученикам священных законов в Болонье свой привет и милость. К славе всемогущего Господа и его святой церкви Мы издали в день, в который получили из рук Нашего святейшего отца, первосвященника Гонория, корону империи, несколько законов, велев записать их на данном листе. Императорской грамотой Мы обращаемся к вам с просьбой вписать их в ваши кодексы и оставить их действовать как в будущем, так и на вечные времена как торжественный завет».

В середине декабря император перешел границу собственного сицилийского королевства, покинутого им восемь лет назад, дабы получить самую гордую корону Европы. Фантастический бросок через враждебную страну, через труднодоступные альпийские перевалы он, победивший вопреки всем законам разума, произвел с непоколебимым осознанием своей миссии, ставшем лейтмотивом его жизни.

Германию он оставил на попечение имперского регента архиепископа Энгельберта Кёльнского (1216—1225 гг.). Тот нес главную ответственность перед восьмилетним королем Генрихом. Непосредственным воспитанием мальчика занимались Конрад

фон Винтерштеттен и его дядя Эберхард фон Вальбург. К тесному кругу советников, окружившему архиепископа Энгельберта, принадлежали канцлер, епископ Метца и Шпейера, епископ Оттон Вюрцбургский, граф Эберхард фон Диц и Генрих фон Нойффен. Круг доверенных лиц, собранный Фридрихом вокруг себя в Германии.

Теперь он стал свободен и мог, как надеялся папа и как того требовали клятва и взятые обязательства, вскоре принять крест. Но сам Фридрих знал только одну цель — Сицилия, Сицилия!

Сицилия — земля обетованная

Монах-францисканец Салимбене из Пармы, сначала друг, а затем враг императора, сообщает, как Фридрих сказал однажды: «Бог иудеев сам не видел своей земли, в особенности Терра ди Лаворо, Калабрию, Сицилию и Апулию, иначе он не стал бы так часто расхваливать землю (где течет молоко и мед), обещанную и данную им евреям».

Сицилию, благословенную страну, император не забыл и за время восьмилетнего пребывания в Германии. Уже в дни коронации в Риме Фридрих II занимался политикой своего королевства.

Он заключил в Риме договор с аббатом из Монте-кассино, где заявил о готовности вернуть именитому и традиционно богатому аббатству расположенные в Королевстве обеих Сицилии тучные земельные владения, которые оно хотело бы иметь. За это аббат намеревался передать находящиеся во владении монастырей крепости императорскому уполномоченному, графу Аквино. Направленность действий Фридриха совершенно ясна: возврат стратегически сильных позиций в королевстве.

Договор императора с аббатом был пробным. Граф Аквила последовал примеру дружественного ему аббата и передал императору свою горную крепость в обмен на согласие возвратить утраченные земли. Графы Рожер ди Аквила, Якоб ди Сан-Северино, Ричард ди Аелло и Ричард ди Челано преклонили колена пред императором и королем и отдали свои замки. Покорность самого могущественного сторонника императора Оттона IV, Томаса ди Челано, графа Молизо, человека, в одиночку способного выставить на поле четырнадцать сотен богатырей, Фридрих не принял. Он собирался уничтожить самого сильного барона материковой части Сицилии.

Он проделал это без помощи германских войск, опираясь лишь на баронов средней руки, настроив их против крупных магнатов, в особенности против графа Молизе. Уже весной 1221

года они захватили крепости графа Молизе в Абруццо, Боджано и Роккамандольфи. В третьей крепости, Овиндоли, граф было укрылся, но сдался, когда курия добилась для него договора, предусматривавшего трехлетнюю ссылку в Ломбардию, выдачу всех замков и оставление в его владении скромного имущества.

После того как граф, по мнению Фридриха, слишком долго пробыл в Риме, следуя в Ломбардию, императорский двор расторг договор, и остатки имущества некогда могущественного графа тоже подверглись изъятию. Город Челано в результате нападения императорских войск превратился в руины; жителей его разогнали, а потом изгнали на остров Сицилию.

Второй удар император направил на баронов средней руки, помогавших ему побороть власть графа Молизе. Графа Рожера ди Аквила, завоевавшего крепости графа Молизе, а также Якоба ди Сан-Северино и других, призванных на войну с сарацинами, но явившихся с недостаточным войском или не явившихся вовсе, посадили в темницу, а их имущество разграбили. Их освободили только после вмешательства папы, и они стали жить в Риме, на содержании у курии, увеличивая там круг тех, кто позднее способствовал свержению императора.

Курии тоже пришлось пережить разочарование. Сразу после коронации Фридрих II выплатил сумму, которую он был должен за понесенные в период несовершеннолетия расходы, и потребовал возвращения заложенного под нее графства Сора. Против этого не существовало никакого приемлемого возражения. Болезненным оказалось то, что папа Иннокентий III, урожденный граф Сеньи, отдал Сору собственной семье. Примечательно, что кардинал Уголино Остийский, будущий папа Григорий IX, тоже являлся урожденным графом Сеньи. 30 октября 1220 года в Кремоне кардинал Уголино назвал Фридриха «первым саженцем церкви». Вероятно, возврат Соры стал причиной крушения дружбы между кардиналом и императором. Если это соответствует действительности (а такое предположение не противоречит ходу событий), то оно стоило Фридриху враждебности будущего папы — чересчур высокая цена.

Важнейшим оружием Фридриха было не то, что он умело натравливал мелких баронов на крупных, а затем мелкое дворянство противопоставлял всем некогда могущественным. Он обладал более мощным оружием — государственным правом, а точнее сказать — искусством применять законы!

Орудие закона

В свите Фридриха находился знаменитый болонский правовед Роффред фон Беневент. Именно его следует считать помощником Фридриха в разработке «Капуанских Ассиз», с помощью которых Фридрих расчистил джунгли власти и права, разросшиеся после смерти Генриха VI (ум. в 1196 г.) в Королевстве обеих Сицилии.

В основном законе «Капуанских Ассиз», «De resignanadis privilegis»[14], Фридрих отменил все дарения, привилегии и грамоты на владение. Все владельцы обязывались представить в имперскую канцелярию все документы на проверку. Здесь их проверяли и в основном отклоняли. Проверка привилегий порой рассматривается как гениальный ход Фридриха II. Карл Хампе утверждает: «Подобного рода действия, направленные на возвращение отчужденных владений короны, в англонорманнском и сицилийско-норманнском государстве, а также в связанном с ними родственными узами Арагоне с давнего времени являлись обычным делом».

Генрих IV (1054—1106 гг.) тоже пытался вернуть во владение короны растраченное за годы его несовершеннолетия имущество. Для установления королевской собственности применялся так называемый инквизиционный процесс, вызвавший, правда, кровавые войны с саксами, прекратившиеся лишь в 1075 году, после заключения Шпейерского мира и возврата владений короны.

Еще Карл Великий действовал подобным образом в 80-х годах VIII века, завоевывая королевство Лангобардию. Он тоже объявил все предоставленные до определенного дня привилегии Лангобардского королевства недействительными и устроил их пересмотр. Таким образом, меры Штауфена являются инструментом правления средневековой королевской власти.

Король Рожер II Сицилийский, дед Фридриха по материнской линии, законно обосновал подобный пересмотр имущественных отношений. Но тогда это было равнозначно осторожной прополке сорняка. Фридриху же пришлось иметь дело с многолетней анархией, укоренившейся с течением времени. Тем непреклоннее требовал король возврата, если имелась хотя бы видимость основания.

Законом, опирающимся на старое норманнское королевское право, признающее все крепости и оборонительные сооружения подлежащими передаче короне, сицилийское дворянство полностью лишили власти. Ослабленному таким образом

дворянству приказали заключать браки только с согласия короля. Данный закон, такой же строгий, как и запрет на право наследования, позволял наследникам ленника вступать в свои права не автоматически, как прежде, а только с разрешения короля.

Фридрих II принудил всех в течение двух лет к новому общественному устройству.

Отныне никто не имел права вносить какие-либо изменения в правовой статус лена, для которого действительным сроком был определен день смерти последнего норманнского короля, а также жениться, наследовать или передавать лен кому-либо. Жизнь общества, пусть не вполне совершенная, но все-таки более свободная, остановилась, подчинившись воле одного человека. Не ленные владения давали теперь власть и почести дворянству, а личная служба королю — воинская либо чиновная.

Удивления достойны не изданные Фридрихом законы, ссылающиеся на прецеденты, а та энергия и скорость, с которой он реализовывал свои мероприятия. Вторым феноменом является то, как быстро разбилось под твердой рукой Фридриха сопротивление столь непокорной когда-то сицилийской знати. И летописец мог с полным правом констатировать: «В королевстве все склонили головы перед императором». 3 марта Фридрих пишет из Трани Гонорию, обеспокоенному происходящими событиями не только как папа, но и как суверен Сицилии:

«Помнится, Мы уже сообщали Вашей милости в других посланиях, как Мы по причине того, что император, Наш отец, очень многое отдал из государства в надежде на возврат, из того, что ему следовало удержать, и поскольку после смерти императора привилегии с его печатью, из-за которых большая часть наших владений перешла в чужие руки, должны считаться ненастоящими, приказали: все привилегии сосредоточить в Наших руках, в том числе и оформленные различными правителями, от коих Мы были зависимы, под различными печатями для пагубы королевской власти…»

Без всякого сомнения, Фридрих имел право перепроверить розданные различными правителями — Марквардом фон Анвейлером, Вильгельмом Каппароне, а также епископом и канцлером Вальтером ди Пальярой — привилегии и их правомерность. Ведь розданные ими привилегии служили в своем большинстве их собственному, а не государственному благополучию.

Следующие слова в письме Фридриха являются знаковыми и позволяют нам частично понять образ его мыслей и то понимание закона, проявившееся в его политических действиях: «…

император, Наш отец, многое отдал из государства в надежде на возврат, из того, что ему следовало удержать…»

Это инсинуация Фридриха. Император Генрих VI был твердым и жестоким правителем, но оставался человеком интеллигентной честности. Он много раз устоял против давления со стороны папы Целестина III и не принес ленную клятву на Сицилию, считая свое королевское право на Сицилию основанным на правах императорского положения; Генрих VI никогда не приносил клятвы, намереваясь ее преступить. Инсинуация о раздаче им государственного имущества в надежде на возврат соответствует поведению его сына Фридриха II, охотно приносящего клятвы и либо нарушающего, либо не выполняющего их. Если речь идет об обещании разделения королевства и империи, то семь раз он поклялся в этом и столько же раз нарушил клятву. Можно также вспомнить постоянно назначаемые и вновь невыполняемые сроки крестового похода.

Подобное поведение — идти на вынужденные уступки, а когда необходимость отпадает, «брать себе то, что хотелось бы сохранить», является характеристикой политических действий Фридриха вплоть до самой смерти.

После того как Фридрих решил проблемы на материковой части Королевства обеих Сицилии, его заботой стал остров.

Конец морских держав

Сицилия была не только житницей средиземноморских стран, но и производителем фиников, сырья для производства сахара и других южных растений. Возделывались конопля и лен, существовали значительные производства шелка и шерсти.

Кроме того, благодаря безопасным портам остров использовался в качестве перевалочной базы левантийскими мореплавателями, торговавшими здесь товарами своей родины, а на обратном пути продававшими или менявшими на сицилийское зерно или шелк товары с Востока. Как правило, две крупные морские торговые державы — Генуя и Пиза — противостояли в этом друг другу.

В больших портовых городах — Палермо, Мессине, Катании, Сиракузах и Агридженте — они пользовались привилегиями. Главной среди них являлась фондако, от арабского слова «фундук» — «происхождение». Но тогда оно чаще обозначало использование складов и факторий, чем происхождение. Самым важным представляется то, что они пользовались свободой торговли, то есть были освобождены от уплаты таможенных пошлин, налогов и сборов. Политически генуэзцы держались

вместе с ломбардцами и поэтому относились к императору скорее враждебно. Пизанцы, напротив, были его сторонниками.

Когда Фридрих совершал полное приключений путешествие в Германию, императорская Пиза приняла сторону императора Вельфа Оттона IV, а враждебная последнему Генуя поддержала молодого сицилийского короля, дав ему приют, пропитание и кредиты. Благодаря услуге, предоставленный юному Фридриху, генуэзцы вскоре получили преимущественное положение наострове. Они также поддерживали короля против недружелюбной Пизы. После падения Оттона IV на Сицилии воцарилось генуэзское господство в торговле.

С какой разбойничьей жестокостью велась на Сицилии борьба морских держав за доминирующее положение в торговле, Фридрих узнал еще в годы своего несовершеннолетия. Пизанские моряки — купцы, по возможности действующие и как корсары, — завоевали Сиракузы, изгнали епископа и жителей, устроили пиратскую крепость под защитой Пизы. Пизанцы охотно поддерживали их опорный пункт, хотя, используя дипломатическую хитрость, официально дистанцировались от разбойничьего порта.

Летом 1204 года — Фридриху к тому времени уже исполнилось десять лет, и он осознанно переживал происходящее — случай привел большой генуэзский флот на Крит. Они задумали отобрать у пизанцев Сиракузы. Предводителем стал знаменитый генуэзский корсар Аламан да Коста. На Мальту прибыли для подкрепления генуэзские галеры. Совместными усилиями они захватили Сиракузы, и морской разбойник Аламан да Коста отныне стал именоваться «Божьей, королевской и города Генуи милостью графом Сиракузским и другом короля».

Гнездо морских разбойников находилось под защитой Генуи, на деле сумевшей реализовать определенные права на Сиракузы согласно привилегии, полученной от императора Фридриха Барбароссы. Обладая Сиракузами, Мальтой и Критом, Генуя держала в своих руках важнейшие бастионы торговли с Востоком.

Однако тирании морских разбойников не было места в королевстве Фридриха. Генуэзцы бросились к папе, и граф Сиракузский нашел у него — как и все противники Фридриха — приют и понимание. Затем Фридрих нанес решающий удар. Для этого ему не потребовались ни войска, ни флот, а лишь уже упомянутые «Капуанские Ассизы». Некоторым препятствием явилось то, что при проверке предоставленных городу привилегий установили: их выдача производилась до 1189 года, известного как год вступления их в силу.

Но Фридрих легко решил данную проблему: на придворном

совете в Мессине в мае 1221 года он перенес отправной год с 1189 на 1154-й, год смерти короля Рожера II. Одновременно он привел в действие статью закона «Капуанских Ассиз», отменяющую всякое преимущество иностранцев перед коренным населением в освобождении от таможенных пошлин и сборов.

Протест морских городов-государств, в особенности Генуи, не без оснований упрекавшей его в неблагодарности, Фридрих отмел. Он выкрикивал такие угрозы, что адмирал сицилийского флота, генуэзец по имени Гиллельм Поркус, предусмотрительно сбежал. Но Фридрих добился своей цели. Благодаря отмене привилегий морских городов значительно возросли доходы государства. Городской летописец Генуи сетовал: «Десять процентов и даже более составляют теперь налоги, отягощающие товары в королевстве».

Политика в сфере судоходства и торговли

Фридрих сознательно бросил вызов владеющему всем Средиземноморьем капиталу, обновив старый норманнский закон о судостроении, содержащийся в «Капуанских Ассизах».

Деяния короля продемонстрировали всевластие государства. Частные верфи, невзирая на время их основания, до 1189 или 1154 года, конфисковывались короной. Находившиеся в портах частные суда или принудительно выкупили, или конфисковали. Затем император выстроил новые государственные верфи, поскольку для защиты реквизированных или выкупленных по принуждению торговых судов ему требовался военный флот.

Драконовские меры он оправдывал перед Римской курией следующим аргументом: еще в 1221 году двум эскадрам надлежало отплыть к войску крестоносцев в Египет, а Фридриху следовало подготовить до 1225 года сотню галер и пятьдесят грузовых судов. Во главе нового флота он поставил знаменитого корсара, графа Генриха Мальтийского, генуэзца, как и его предшественник. Одновременно с проводимыми мероприятиями все крепости острова передали в собственность короля. Они приняли на себя береговую охрану и служили отправными пунктами для войны с сарацинами.

В экономической политике все также подчинилось королевской воле. Теперь, когда имелись собственные суда, король занялся торговлей зерном. Из летописей 1224 года нам стало известно: фиск (под этим словом всегда подразумевается государственное всевластие) путем радикального ограничения экспорта настолько понизил цены на зерно и скот, что они уже не покрывали расходов. Теперь при разорительных низких ценах

фиск мог все дешево закупить, наполнить амбары и продавать по самой высокой цене — экономика, направленная против собственного населения.

Но Фридрих, однако, стоял лишь у самых истоков абсолютистского государства. В сороковых годах его экономическая и государственная политика достигла ужасающей завершенности. В 1222 году Фридрих повелел чеканить серебряный империал, курс которого удерживался принудительно. Позднее, в 1223 году, произошло первое повышение прямого налога, затем повторявшееся каждые два-три года. В последние годы императора налог стал ежегодным. Из «сбора пожертвований», задуманного поначалу как единовременная помощь, император вывел сумму, обязательную для взноса. Необходимость налогов обосновывалась перед подданными так: «Правитель, украшенный блеском императорского титула, не считает зазорным называться «выходцем из Апулии». Он славит доброту и плодоносность наследной страны, выбранную им местом своего пребывания. Его желания соответствуют желаниям его подданных — они у него всегда такие же, как у них. Поэтому он, не щадя собственных усилий, не щадит и наследственное государство — Сицилию. Жители королевства должны принимать участие в чести правителя на зависть всем другим народам».

По крайней финансовой необходимости здесь пришлось прибегнуть к пафосу, высокому стилю канцелярского языка и к той стороне правящей идеологии, которая была обращена к сицилийскому наследному государству.

Сбор средств впервые учредили в 1223 году, когда возникла необходимость военного давления на горных сарацин.

Сарацины

Нет, необходимости покорять замкнутое пространство, которым владели сарацины, вовсе не существовало. Это уже сделали норманны задолго до Фридриха. Сарацины удалились в горы, где жили под защитой своих крепостей. И сарацины из Палермо, сумевшие уцелеть после кровавой резни христиан (1209 г.), тоже ушли к ним. Вероятно, их ряды умножили сарацины с Африканского континента.

Внезапным нападением Фридрих захватил сарацинскую горную крепость Ято, сегодняшнюю Энну. В порту Катании курсировал сицилийский флот под командованием графа Мальтийского, планирующий перехватить приток сарацин из Африки. После первого успеха Фридрих опять покинул остров,

похоронив в Палермо Констанцию Арагонскую, умершую в 1222 году в Катании. Адмирал граф Генрих Мальтийский стал главнокомандующим в битве с сарацинами. В изматывающих малых войнах, продолжавшихся еще два года, он брал крепость за крепостью. Тем не менее сарацинам удалось отвоевать горную крепость Ято, хотя позднее они все же были побеждены военной мощью императора.

Лагеря военнопленных на берегу наполнялись сарацинами, готовыми принять смерть с восточной покорностью судьбе. И тут Фридриху удалось совершить шахматный ход, поразивший современников и глубоко осужденный папской курией.

Минареты в Италии

В годы юности Фридрих уже сталкивался с исламом, его людьми и их мышлением. У него был учитель из сарацин, благодаря чему он понимал менталитет восточных людей и знал, как ненависть побежденного при великодушном обращении победителя может обернуться не только благодарностью, но даже любовью и безграничным почтением.

Он не стал мстить плененным горным сарацинам и переправил их на континент. В Лючере, находившейся в двадцати километрах юго-западнее Фоджии и запланированной им в качестве будущей столицы, он поселил их на красивой горной вершине. Рядом с замком посреди итальянской земли возник мусульманский город. Уцелевшие до сегодняшнего дня стены относятся также ко времени Карла Анжуйского (1265— 1282 гг.). Фридрих предоставил сарацинам свободу вероисповедания, тем самым еще крепче привязав их к себе. Ведь он был для этих оторванных от своей земли, живущих на чужбине людей единственной защитой. Под прилежными руками сарацин, обладающих глубокими аграрными познаниями, Лючера стала центром цветущей местности.

Самым важным было, что почитающие его как кумира сарацины представляли собой внушительную военную силу. Пехотинцы и легкая кавалерия, быстрые и подвижные, были преданы ему до смерти и невосприимчивы ни к какой папской анафеме.

В городе действовали серебряные и золотые мастерские, а в императорских палатах Лючеры прилежные девушки-сарацинки работали над шелковыми и другими тканями для «султана», как они называли императора. В императорских покоях неугомонная фантазия некоторых современников видела исполненный наслаждений и грехов гарем императора. Фридрих II окружил

себя сарацинскими прислужниками, приученными к восточной деспотии и выполнявшими волю императора с поспешным раболепием. Фридрих настолько доверял сарацинам из Лючеры, что перевел туда государственную сокровищницу Штауфенов.

Разумеется, мусульманский микрокосмос в сотне километров от стен Рима, посреди христианской Италии, стал для папства неприятностью из неприятностей. Как только завершилось строительство мечетей и их стройные, украшенные полумесяцем минареты устремились подобно пикам в голубое небо Италии, разразился гнев папы. 3 декабря 1232 года папа Григорий IX пишет императору:

«С удивлением и сокрушением мы узнали, как сыны погибели, то есть сарацины, поселенные Тобою в Апулии, по разрешению Твоей милости, во что не верится, превратили церковь Святого Петра в Баньо-Фоетана, по полному праву принадлежащую монастырю Святого Лоренцо в Аверсе, в дьявольское место. Поскольку обилие свобод, предоставленных Тобою сарацинам, находится в опасном для христиан соседстве и вызывает ужасу многих, кто слышал об этом, Твоему высочеству следовало бы подавить их дерзость, дабы они не отваживались более сбивать с толку сердца Твоих подданных, в особенности Нашему избавителю должно казаться несправедливым, что сыны Велиала, которые должны быть связаны узами рабства, притесняют сынов света в Нашей стране или грешным образом уравниваются с ними в правах».

Возражая папе, Фридрих утверждает — переселение сарацин послужит их христианизации.

«Не угодно ли будет Вашему святейшеству послать несколько братьев из духовного ордена для обращения сарацин, проживающих в Лючере в Капатинате и владеющих итальянским языком, так как Мы желали бы, дабы священники прибыли и начали проповедовать слово Божье. Мы намереваемся вскоре быть в той местности, где хотели бы с Божьей помощью оказать братьям содействие словом и делом, тем более многие из Наших сарацин с Нашего согласия и по зову Господа уже обращены к знанию веры. Поэтому для Нас явилось бы особой радостью видеть их в полной мере обращенными, раз уже предыдущие священники привели их к почитанию Бога единого».

На самом деле Фридриха совершенно не интересовала христианизация мусульман: храня верность исламу, они оставались невосприимчивыми к папской анафеме.

И прежде всего, как иноверцы, они платили подушную подать. Если осознать, что в момент смерти Фридриха его сарацинское войско составляло около тридцати пяти тысяч

человек, прибавить сюда женщин, детей и стариков, то можно заключить, что сарацинская колония Лючеры по численности достигала огромных размеров. При христианизации такого количества мусульман император понес бы большие финансовые потери. Эрнст Канторович, прославляющий Фридриха биограф, пишет не без критики: «Фридрих II сумел менее чем за три года преобразовать сицилийский хаос в монолитное (до известной степени) государство. Его средства и орудия для достижения цели менялись в зависимости от противника: (он был) более беззастенчив, чем ненадежные бароны-предатели, и более расчетлив, чем приморские города, или по меньшей мере не уступал им».

Однако обещание папе совершить крестовый поход в конце лета 1221 года, добровольно данное им в 1215 году в Аахене и подтвержденное на его коронации императором 22 ноября 1220 года, он еще не выполнил. В Дамиетту послали лишь две императорские эскадры под командованием адмирала Генриха Мальтийского и бывшего канцлера Вальтера фон Пальяры. Они прибыли слишком поздно и не смогли спасти войско крестоносцев.

Основание Неаполитанского университета

Одним из величайших свершений императора Фридриха II явилась ликвидация церковной монополии на образование с основанием университета в Неаполе. В данном случае дело было не в учености, не в гуманистических идеалах образования — как почти во всех его поступках, речь шла о власти.

В его университете — первом государственном университете — должна была сформироваться и получить образование правящая элита королевства.

Свободный от схоластики, находившейся всецело в епархии папства и церкви, от влияния Высшей школы в Болонье, самой знаменитой в то время и слишком сроднившейся духом с ломбардскими городами, университет в Неаполе призван был стать духовной кузницей кадров для Королевства обеих Сицилии. Здесь предстояло воспитываться государственным служащим, юристам, которые считали бы своего короля и королевство солью земли. Указ об основании, изданный, вероятно, в июле 12$4 года в Сиракузах, начинается впечатляюще и открыто провозглашает цели императора:

«Божьей милостью, позволяющей Нам жить и править, Мы пожелали, чтобы в Нашем королевстве из источника науки и питомника учености появились многие умные и дальновидные

мужи, способные благодаря изучению природы и исследованию права служить Господу, которому служит всё, и угодные Нам (своим) блюдением справедливости. Их предписаниям по Нашей воле все должны будут повиноваться. Мы распорядились, чтобы в любимом Нами городе Неаполе изучались науки разных видов и расцвела ученость, а все, кто испытывает жажду знаний, смогли бы утолить ее в самом королевстве… Но Мы стремимся направить добро на пользу Нашей государственности, поскольку Мы по Нашей особой милости заботимся только о всеобщем благе подданных. Разумеется, учащиеся будут иметь самые лучшие перспективы и могут ожидать всяческих благ, в то время как ленивцев не ожидает никакое продвижение, сулящее дворянство. Того, кто готовит себя к судейскому поприщу, ожидают богатства в изобилии и шанс на благосклонность и милость».

Затем императорским указом устанавливались назначения на должность профессоров, определялись стипендии, размеры платы на пропитание учеников (две золотые унции), короче говоря, весь жизненный уклад студентов был заложен, записан до мелочей, вплоть до порядка выдачи книг из библиотеки.

В отличие от своего деда, императора Фридриха I Барбароссы, в ноябре 1158 года издавшего на Ронкальских полях «Privilegium scholasticum»[15] — закон, учредивший академическую свободу в Европе и по сегодняшний день являющийся основой свободного обучения и исследования, — Фридрих учредил в деспотическом государстве деспотичный университет.

Фридрих определил в указе: «…Мы желаем, а также приказываем всем, управляющим провинциями и стоящим во главе учреждений власти, повсеместно и широко известить и приказать всем учащимся под угрозой телесного и денежного наказания не сметь для своей учебы уезжать за границу или учиться и учить где-либо в другом месте за пределами государства. Если кто-нибудь из королевства посещает школу за пределами королевства, вы должны приказать его родителям под страхом вышеназванного наказания тотчас же вернуть его до праздника Святого Михаила…»

В послании от 1239 года император еще раз очень ясно излагает цель основания университета и собственных просветительских устремлений:

«Хотя Наши рыцари хорошо знают ратное дело, все же подобает не только украсить императорское величие оружием, но и вооружить его законом; ибо и в военное и в мирное время налог должен использоваться разумно и соответственно назначению…»

Все подчинено государственным целям, а цель и смысл

государства есть императорское величие. Неудивительно, что из этого университета не вышло ученых уровня Петра из Виней или Таддеуса из Суессы: оба окончили Высшую школу в Болонье. Выпущенные из Неаполитанского университета чиновники изо всех сил служили выполнению государственных задач.

Своеобразие политики Фридриха заключается в том, что он все, даже самое незначительное, ставил на службу государству. Это возможно лишь для человека, самого себя видящего целью государства и весь мир концентрирующего на собственном «Я».

Фридрих умел поставить на пользу самому себе все вокруг себя. Утилитаризм, полезность, вознесенная до уровня жизненного принципа, является философией, впервые разработанной лишь в XIX веке. Ее ведущим теоретиком стал Джон Стюарт Милл (1806— 1873 гг.), а одним из первых практиков, без сомнения, — Фридрих II Гогенштауфен. Рассмотрим характерный пример.

Издание закона о евреях

В норманнской Сицилии сравнительно мирно сосуществовали иудеи, магометане, католики и православные христиане. Именно Фридрих II вопреки своей хваленой терпимости разделил сложившееся смешение религий и народов. Он удалил магометан с острова Сицилия и поселил их отдельно на материке, создав в Лючере сарацинскую колонию. Там они находились под лучшим контролем, нежели в диком, необозримом горном мире острова. Уже из соображений полезности он сформировал из них тайное войско.

С иудеями он поступил по основополагающей тенденции решений собора. По декрету иудеям следовало внешне отличаться от христиан: носить желтую заплатку и отращивать бороду, дабы их можно было опознать и «не путать с исповедующими христианство». Нарушителей приказа лишали имущества, а бедным клеймили лоб.

Это не было направлено против иудейской религии. Невозможно теперь выяснить, возникла ли религиозная терпимость Фридриха из признания религиозного равноправия или из осознания религиозной равноценности трех религий, основанных на Писании. Изоляция магометан и знаки, позволяющие различать евреев, демонстрируют лишь его представления о порядке. Вплоть до XX столетия Фридриха превозносили как фанатика права. Скорее его можно назвать фанатиком закона, прежде всего своих собственных законов. И в данном случае ясно отражено его представление о порядке. Ведь

неупорядоченность запутывает государство и вредит его целям.

Таким образом, иудеи могли, если они не наносили вреда государству, беспрепятственно жить по собственным религиозным законам. Благодаря некоторым религиозным положениям они могли даже приносить пользу государству. Император постановил в декрете: «…Из обязательств Нашего закона о ростовщичестве Мы исключаем только иудеев, взимающих проценты, запрещенные законом Божьим, поскольку они, как известно, не подчиняются закону блаженных отцов церкви».

Постановление помогло всем. Евреи имели доходное ремесло, а государство — налоговые сборы с их деятельности. Фридрих пишет евреям Трани в 1221 году:

«…Мы, учтя покорность и добровольную службу, берем евреев города Трани и их имущество под свою защиту. Мы навсегда гарантируем всем евреям, приехавшим жить в город Трани и пробывшим там один год, налог с доходов, составляющий не более чем третью часть от тридцати восьми золотых унций, которые они должны ежегодно платить церкви Трани, каждый соответственно своему состоянию…»

В скором времени все должно было измениться. Существовал стародавний спор, подчиняются ли евреи, как иностранцы, государственной власти или, как неверные, власти церкви. Фридрих провозгласил евреев «государственными» и поместил их в созданные им монополии.

Поскольку они подчинялись королевской палате, их называли «палатными евреями». Мы можем встретить их в монополиях государственных красилен, в переработке шелка, в торговле шелком, где они на благо государства, а также на собственное благо занимали даже руководящие посты. Несмотря на религиозную терпимость, ни иудеи, ни сарацины не получили равноправия. Нерасследованное убийство стоило общине, где оно произошло, сотни аугусталенов, если убитый был христианином, и лишь пятьдесят платили за убитого еврея или сарацина.

Фридрих писал папе: «Мы стараемся, вдохновляемые небесами, вернуть к вере не только сарацинов Лючеры, но и всю общность народов…»

В высказывании Фридриха можно увидеть риторический фейерверк или, вероятно, чистую иронию, поскольку христианизация сарацин и евреев противоречила бы государственным выгоде и доктрине. В случае с евреями он потерял бы палатных работников и отягчающие их налоги — подушный налог, налог на рождение, на свадьбу и другие выплаты. Пока Фридрих использовал евреев во благо государству,

он чувствовал себя по-особому связанным с ними в духовной и научной сфере.

Так же как и Карл Великий, Фридрих II имел при дворе маленькую «республику ученых», где собирались люди всех народов и религий «под сводом свободного человеческого духа».

Мы встречаем здесь еврейских ученых: Иуду бен Соломона Коена, Якоба бен Аббамари, Моисея бен Соломона. Император почитал их как больших ученых, комментаторов и переводчиков. С трудами великого еврейского философа Маймунида (ум. в 1204 г.) Фридрих познакомился благодаря Моисею бен Соломону из Салерно.

«Во враждебности к евреям Фридрих имел много братьев по духу среди современников, но в отношении свободного от предрассудков уважения к еврейским ученым — ни одного».

Фридрих не испытывал любви к евреям, но восхищался рационализмом их духа. При этом Фридрих не относился к терпимым князьям, каким его часто считают. Один из его самых крупных современных почитателей, Эрнст Канторович, пишет: «По своим личным качествам и по отношению к культам государства, на которое в равной степени покушались бунтовщики и еретики, Фридрих в действительности являлся самым нетерпимым императором, какие вообще рождались в Западной Европе».

Фридрих и еретики

Исследователи жизни Фридриха II всегда удивляются, как кажущийся таким просвещенным, терпимым и равнодушным к религии император издал настолько радикальные, даже варварские законы против еретиков.

Разумеется, он сделал это не из желания заслужить благосклонность папы или церкви.

Вопрос легко выясняется, если мы примем в расчет фанатичное стремление Фридриха к порядку, свойственные ему соображения полезности, требование обязательного выполнения изданных им законов и усиливающееся с годами мнение о божественности императорского положения. Целью его устремлений стало теперь не высокое положение первого германского императора Карла Великого или Веттинов и Франконской династии, а божественность римских цезарей.

Соотнесем эти размышления с законом о еретиках.

Первое: еретик нарушает порядок.

Второе: нарушение порядка не соответствует государственным целям, так как уменьшает государственную

выгоду.

Третье: еретик оскорбляет не только Бога, но и обожествленное величие императора.

Поэтому Фридрих называет ломбардских бунтовщиков еретиками. Таким образом, законы против еретиков во всей своей жестокости изданы не только для второстепенной задачи по защите церкви и веры, но и способствуют осуществлению главной цели — построению абсолютного вездесущего тиранического государства.

Упрек папы Григория IX не является безосновательным, когда он пишет Фридриху: «В королевстве никто не решается без Твоего приказа поднять руку или ногу». Правда, мы можем услышать также и слова похвалы из уст Якоба Буркхардта, называвшего Фридриха «первым современным человеком на троне», но далее в тексте, обычно нецитируемом, стоит следующее: «Распоряжения Фридриха (особенно после 1231 года) ведут к полному уничтожению (sic!) института ленного государства, к превращению народа в безвольную, невооруженную людскую массу с максимальной способностью платить налоги. Он централизовал всю судебную власть и правление неслыханным доселе в Западной Европе образом; никакой пост больше не мог быть занят народным избранником под угрозой наказания разорения данной местности и деградации горожан до положения зависимых крестьян… Здесь больше нет народа, есть лишь контролируемые толпы подданных, которые, к примеру, не могли заключать браки с иностранцами и учиться за границей».

Для человека, производящего подобные общественные сдвиги и рассматривающего самого себя как цель государства, все, кто бунтует против насаждаемого в государстве порядка и его собственного божественного величества, являются еретиками. И в самом деле, еретики и бунтовщики часто были связаны друг с другом. Во многих городах Ломбардии, особенно в Милане, свободолюбивое городское население перемежалось с сектой патаренов, ранее созданной папством для борьбы с Фридрихом Барбароссой народной партией, среди которой скрывались с 1179 года и италийские катары.

Послушаем самого императора: «Забота о данной Нам небом королевской власти и высокое положение дарованной Нам Богом императорской власти вынуждает Нас обнажить светский меч, имеющийся у Нас наряду с духовным саном, против врагов веры и для истребления еретической подлости, для преследования змеиного потомства неверных, оскорбляющих Бога и церковь, как осквернителей материнского тела, преследовать их справедливым судом и не позволить злодеям жить…

…Поскольку разгорелся гнев Нашего величества против оскорбителей Нашего имени и поскольку Мы приговариваем виновных в оскорблении величества и их детей к лишению наследства, то будет еще справедливее и правильнее поступить так же против хулителей имени Божьего и оскорбителей веры Божьей, если Мы на основании Нашего императорского всемогущества лишим наследников и потомков укрывателей, пособников и защитников еретиков до второго поколения всего мирского имущества, общественных постов и почестей, дабы пребывали они в непреходящей печали из-за преступлений родителей».

Здесь наблюдается полное смешение понятий оскорбления величества и ереси. Император подвергает судебной ответственности всех членов семьи за преступление, совершенное одним человеком, и призывает сыновей доносить на своих отцов:

«…Так как Бог есть Бог-ревнитель и воздает отмщение за грехи отцов, Мы не должны исключить из пределов Нашего милосердия следующее обстоятельство: если сыновья, не следуя отцовской ереси, откроют скрытое неверие отцов, коим образом их вина может быть наказана, то вышеназванное лишение по причине их невиновности не должно последовать».

В другом эдикте, направленном против еретиков, сказано: «Итак, Мы приказываем Нашим законом, чтобы проклятые патарены испытывали страдания от той смерти, к которой они стремятся; чтобы они живьем у всех на виду были сожжены, подвергнуты наказанию пламенем, и Нам не должно препятствовать, что Мы при этом исполняем их собственное желание».

К неумолимой жестокости император добавляет издевательство и насмешку над несчастными, которые должны сгореть в пламени.

В Италии, а также в Германии пылали костры с еретиками. Из Австрии герцога Леопольда VI (1198—1230 гг.) до нас дошла весть:

Ломбардия была бы подобна Эдему,
Если бы имела правителя Австрии,
Который всех еретиков приказывает варить,
Считает, что так они будут вкуснее.
Он не хочет, чтобы Сатана
Сломал зубы,
Когда будет их есть; поэтому воистину
Он их жарит и парит.

Правитель Австрии действовал исходя из поведения императора, сообщавшего своему капитану: «Мы решили подсудимых, пойманных за преступление оскорбления Нашего величества, после многих и различных пыток подвергать смертному приговору, дабы через наказание одного многим другим внушался страх; ибо жестокость при наказании преступлений такого рода есть знак милосердия».

Договор, заключенный в Сан-Германо

Если мы рассмотрим дела Фридриха в первые годы правления — «Капуанские Ассизы» и их исполнение, подавление сицилийских баронов, возврат отчужденной королевской собственности, создание флота и создание государственной монополии, победу над сицилийскими горными сарацинами, — то неизбежно придем к выводу: Фридрих никогда не собирался отправиться в крестовый поход в срок, обещанный папе Гонорию.

Разумеется, можно понять желание правителя прежде всего привести в управляемое состояние свое хаотичное королевство, чтобы позволить себе покинуть свою страну и пуститься в рискованный крестовый поход.

Однако ему нужно было объяснить папе ситуацию, а не вести политику обещаний и обмана. Правда, Фридрих достиг своей цели, вновь и вновь отодвигая дату крестового похода, но кредит доверия к нему со стороны папы постепенно уменьшался.

Папа полностью возложил на него вину за гибель войска крестоносцев при Дамиетте в паводковых водах Нила. Было забыто, что Фридрих послал на помощь герцога Баварского с воинским контингентом и графа Мальтийского с флотом. Папа и курия были уверены: император мог бы спасти войско крестоносцев. Остается под вопросом, был ли Фридрих в состоянии бороться со слепым фанатиком, кардиналом-легатом Пелагием, желавшим не только освободить Иерусалим и Святую землю, но и уничтожить неверных.

К тому же Фридрих непрестанно посягал на свободу выборов епископов в королевстве, хотя и поклялся не делать этого, и папа даже написал ему: «Берегись, сын мой, оказаться обманутым, когда кажется, что обманываешь Ты. Мы, в чьем распоряжении находятся глаза и уши многих, способны сделать как в империи, так и в Сицилии все необходимые Нам изменения».

Доверие между папой и императором катастрофически

уменьшалось. Напрасно Фридрих 11 февраля 1221 года издал знаменитый призыв к крестовому походу и сообщил папе 25 октября того же года о катастрофе в Дамиетте, трагически закончившейся 30 августа: «Печальную весть, досточтимый отец, Нам принес слух и пронзил Наше сердце мечом боли… Кто в христианском мире останется непотрясенным подобным крушением, когда узрит, что тот, кто притесняет Крест, празднует сие как победу?.. О, какой стыд! Сыны церкви бегут от собак синагоги, и над церковью Господней возвышается победа Мухаммеда!»

В то время как Фридрих красноречиво оплакивал победу Мухаммеда, его горные сарацины строили мечети в Апулии.

Тем не менее благодаря императорской дипломатии и долготерпению старого папы удалось договориться о совместной встрече в Вероли — городке в Абруццо, находящемся на территории церковного государства у самой границы с Королевством обеих Сицилии.

Достигнув соглашения о месте встречи, папа отправился в середине зимы, в феврале 1222 года, в Аньяни, свою летнюю резиденцию. Два месяца ему пришлось ждать, пока не появился Фридрих в сопровождении большой свиты из германских и сицилийских дворян.

Фридрих изложил собственную позицию: после катастрофы при Дамиетте грядущий крестовый поход непременно должен стать победоносным, для чего потребуется мощный флот, предоставляемый его королевством. Поражение при Дамиетте произошло не по вине императора, а из-за стратегического просчета кардинала-легата. Крестовый поход потребует от империи все силы. Впрочем, заявил Фридрих, он единственный, кто может расторгнуть заключенное кардиналом-легатом перемирие. Но сделает он это только в том случае, если будет снаряжено гарантирующее успех войско крестоносцев.

И вновь Фридриху удалось отодвинуть дату крестового похода.

В 1225 году курия в договоре, заключенном в Сан-Германо, установила императору последний срок на 1227 год при следующих условиях: Фридрих поклялся бессмертием души отправиться в августе 1227 года в Святую землю с тысячей рыцарей и в течение двух лет заботиться об их содержании. Кроме того, он будет держать наготове суда для перевозки следующих двух тысяч рыцарей вместе с их оруженосцами и слугами и по три лошади на каждого, то есть кавалерию из шести тысяч лошадей, и обеспечит их переезд. Ему надлежит ко дню переезда внести сто тысяч золотых унций, правда, разделенных

на пять взносов. Эта огромная сумма предназначалась для конфискации в пользу Святой земли, если император опять по какой-либо причине не выступит в крестовый поход или передвинет его. Кроме финансовых потерь, ему грозило отлучение от церкви. Гарантом договора стал магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца, честный человек, пользовавшийся заслуженным уважением у обеих сторон.

Как некогда Рейнальд фон Дассель являлся злым духом Фридриха Барбароссы и император Рыжая Борода смог примириться с папой и Ломбардской лигой только после его смерти, так Герман фон Зальца был противоположным примером. При жизни он поддерживал баланс в противоречиях между императором и папством, и только после его смерти разверзлась уже никогда не закрывающаяся пропасть между двумя всеобъемлющими структурами власти Средневековья.

Но сейчас все казалось улаженным. Острые разногласия остались в прошлом.

Именно в 1222 году, встречаясь с папой, Фридрих попытался вернуть ранее принадлежавшие империи земли Центральной Италии, от которых он уже многократно торжественно отказывался. Желание закономерное, ведь Центральная Италия пролегала, подобно блокирующей полосе, между Королевством обеих Сицилии и ломбардскими землями, принадлежавшими империи. Но именно это составляло цель и смысл политики курии. Такую цену Фридрих должен был заплатить за императорскую корону: церковное государство должно оставаться защищенным перед скрытой угрозой со стороны Штауфенов с севера и с юга. Если папе скрепя сердце пришлось смириться с фактически существующим союзом между королевством и империей, то от последней гарантии защиты церковного государства он не хотел и не мог отказаться.

Желание Фридриха, таким образом, отвергли «как неуместную просьбу». Тогда Фридрих попытался в качестве минимального компромисса получить обратно прибрежную полосу между маркой Анкона и герцогством Сполето, намереваясь соединить Южную и Северную Италию. Но и это противоречило интересам церковного государства. Центральная Италия все же оставалась платой за императорскую корону Фридриха. Кажется, великий и рациональный император страдал потерей способности воспринимать реальность, что заставляло его видеть только собственные расчеты, не принимая во внимание интересы противников.

Ему выпала судьба избалованного ребенка, получающего все, что пожелает. И судьбой он был обласкан. Вознестись из

положения незаметного бедного сицилийского короля, получить в восемь лет корону империи — уже от этого можно впасть в безумие: собственные желания и стремления становятся единственной реальной действительностью.

Вероятно, способность видеть «мир как волю и представления» и есть отличительная черта гения. Без сомнения, именно так и достигается успех. Мир удивленно и завороженно взирает на легендарных людей, твердым шагом ступающих по колеблющемуся канату своей мечты. Они представляют величественное зрелище, почти всегда заканчивающееся падением.

Так, Фридрих всегда пытался стать во главе церкви Сицилии. Его мать отказалась от данного королевского права в пользу папы Иннокентия III, как и сам Фридрих. Тем не менее со все возрастающим усердием он вновь и вновь вмешивался в свободные выборы епископов, старался провести их с пользой для себя. Как это назвать — нежеланием признать поражение или упрямством?

Невеста с короной Иерусалима

Папа полагал собственные интересы Штауфена лучшей мотивировкой для выполнения закрепленного клятвой срока крестового похода, чем верность императора Фридриха в исполнении договора.

Магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца, присутствующий на заседании курии в Риме в 1222 году, предложил женить Фридриха на Изабелле (Иоланте), королеве Иерусалимской и дочери титулованного короля Иоанна де Бриенна. Папа с восторгом принял это предложение. Он сразу понял: от символической короны существующего почти исключительно на бумаге королевства Иерусалимского исходит блеск, способный заставить даже Штауфена отважиться на поход в Святую землю.

Папа сам убрал все препятствия с пути — возможности заключения брака мешало близкое родство Фридриха с будущей супругой — они имели общую прапрабабку. 5 августа 1223 года папа издал следующее разрешение на брак:

«Поскольку Ты, охваченный христианским рвением отомстить за несправедливость по отношению к Иисусу Христу и освободить его страну из рук неверных, благоговейно склоняешь высоту императорского величия перед Нашим и Наших братьев советом и выбрал в супруги благородную госпожу Изабеллу, дочь Нашего возлюбленного во Христе сына Иоанна, короля Иерусалимского, распоряжаемся… отменить препятствие кровного родства и разрешаем ныне вам, независимо от того что названная Изабелла состоит в четвертой степени родства с Тобой, с полным правом соединиться по полномочию данной грамоты».

Письмо папы является значительным документом: оно ясно показывает, насколько желателен для папы благословленный им брак.

Иоанн де Бриенн охотно дал согласие после обещаний Германа фон Зальца оставить его регентом королевства Иерусалимского до самой смерти. Но Герман не взял в расчет намерений императора.

В августе того же года адмирал граф Генрих Мальтийский отплыл в Акру с четырнадцатью галерами, чтобы привезти четырнадцатилетнюю королеву в Италию к ее мужу. На борту находился архиепископ Иоанн Капуанский, избранный императором своим представителем, заключивший с ней брак в церкви Святого Креста сразу после прибытия в Акру. Затем ее доставили в Тир, где патриарх Ральф перед

коленопреклоненными рыцарями короновал ее королевой Иерусалимской. Герман фон Зальца надел кольцо императора на палец детской руки. Заморская страна, так у французов назывались княжества, две недели праздновала свадьбу, показав смешанную латинско-восточную культуру во всем блеске.

Затем они поднялись на борт. И сначала отплыли на Кипр, где Изабелла посетила свою тетку, королеву Алису. При прощании с королевой Изабелла воскликнула: «Я поручаю тебе, Господи, мою любимую Сирию, которую больше никогда не увижу».

Ее пророчеству суждено было сбыться.

Император ожидал супругу и тестя, Иоанна де Бриенна, в Бриндизи, где в кафедральном соборе 9 ноября 1225 года состоялось второе свадебное торжество. Наутро после свадьбы император с супругой покинул Бриндизи, не попрощавшись с тестем. Старый король поспешил за ним и встретил очень холодный прием. Надежду Иоанна де Бриенна до конца жизни занимать пост регента королевства Иерусалимского, как обещал Герман фон Зальца, развеял как дым его зять-император. Фридрих заявил, что никогда не давал такого обещания. Письменных соглашений, обычных при таких важных государственных делах, не существовало. После замужества дочери, императрицы и королевы Иерусалимской, у Иоанна не могло быть никаких правовых притязаний. Кроме того, Фридрих приказал старому Иоанну де Бриенну забрать у солдат пятьдесят тысяч марок серебром, полученных от короля Филиппа Французского в пользу Святой земли. Поскольку королем Иерусалимским теперь стал он сам, Фридрих, деньги по праву принадлежат ему.

Эта история звучит настолько невероятно, что летописцу пришлось над ней потрудиться:

«Между тем дочь короля Иоанна Иерусалимского, незадолго до свадьбы по поручению отца коронованная в Тире королевой Иерусалимской, прибыла в Апулию, где в Барлетте (Бриндизи) император Фридрих взял ее в жены. Вскоре император приказал заточить ее в замке (Террачина), а ее двоюродную сестру, дочь графа Вальтера де Бриенна (ум. в 1205 г.), силой поместил под арест и похитил ее невинность; от отца супруги, короля Иоанна Иерусалимского, Фридрих, поскольку королевство Иерусалимское через его супругу перешло под его правление, потребовал пятьдесят тысяч марок серебром, выданные Филиппом, в то время королем Франции (ум. в 1223 г.), на поддержку Святой земли и истраченные королем на другие цели. Но король Иоанн не захотел отдавать названную сумму императору, пока тот не

переедет через море и не войдет в королевство и не станет им править».

Король Иоанн бежал от венценосного зятя в Рим. Папа Гонорий пришел в ужас. Он сделал для Иоанна все, что мог: передал под его правление принадлежащие церковному государству тосканские земли. Он даже был предложен на английский трон, но в 1228 году он стал регентом малолетнего короля Балдуина II. Восьмидесятилетний старец бодро принял этот титул, прежде всего потому, что Балдуин женился на его четырехлетней дочери Марии. Иоанн еще успел получить императорский титул и носил его до 1237 года. Типичная судьба из эпохи крестовых походов.

Заточение Изабеллы (Иоланты) в замке Террачина все же является преувеличением. Скорее всего юная императрица, согласно восточным обычаям, жила замкнуто и тосковала по блеску и магии заморской страны. Она родила дочь, а в 1228 году — сына, будущего короля Конрада (1237—1254 гг.). С рождением сына закончилась ее короткая безрадостная жизнь. Она выполнила династическую задачу, родив наследника. Спустя несколько дней после родов она умерла.

Ломбардия и игра со временем

Договор, заключенный в Сан-Германо в 1225 году, возложил на императора тяжелое бремя, но зато подарил ему отсрочку — целых два года. Собирался ли он использовать ее для подготовки к крестовому походу или вынашивал другие далеко идущие планы? Фридриху требовалось время, чтобы победить Ломбардскую лигу.

Эрнесто Сестаи констатирует: «Фридриху II никогда не удавалось постичь значение города как политического, социального, промышленного и духовного организма, то есть ему никогда не удавалось осознать и распознать самые живые и могучие исторические силы своего времени».

Фридрих ловко выдал поход против Ломбардии за часть будущего крестового похода. В том же месяце, когда Фридрих заключил договор в Сан-Германо, он созвал германских князей и города Ломбардии и Тосканы на рейхстаг в Кремону на Пасху в 1226 году, сформулировав цель весьма неконкретно — восстановление имперских прав в Италии, истребление еретиков и ускорение крестового похода, причем двум последним пунктам, касавшимся церковных дел, Фридрих придавал особую ценность.

В имперском призыве на рейхстаг, посланном городу Витербо и другим городам, все читается совершенно иначе. О крестовом

походе нет ни слова:

«…Желая привести права империи в наилучшее состояние, из сострадания к угнетению подданных Мы призвали вас в грядущее Воскресение Господа в Кремону, по совету князей Нашего двора, на праздничный рейхстаг… В соответствующей ответной услуге, которой Мы с Божьей помощью воздадим должное Вам и Вашим заслугам, можете быть уверены».

Из письма следует — основной причиной рейхстага являлся не крестовый поход, а осуществление императорских прав, особенно в Ломбардии.

Бдительные ломбардцы внимательно следили за действиями императора. Они уже поняли на опыте Сицилии, что именно Фридрих понимает под восстановлением прав империи. Они решительно возобновили старый союз во главе с Миланом, зафиксированный в документах Констанцского мира 25 июня 1183 года. Их следующей реакцией стало блокирование Веронского монастыря, сделавшее невозможным приезд германских князей и их свиты в Кремону.

Император ожесточенно жаловался папе. Он клеймил города Милан, Пьяченцу, Лоди, Верчелли, Брешию, Мантую, Верону, Тревизо, Падую, Виченцу, Болонью и Фаенцу за создание препятствий рейхстагу по делу освобождения Святой земли.

«Поскольку Мы тоже, святой отец, до сих пор умели мстить за столь великие обиды и можем и сейчас, то Мы все же верим, так как получаем от Вашего святейшества проявление полного доверия, что в случае такого рода между Нами и упомянутой Ломбардией Вы открыто передадите Ваши распоряжения и Вашу волю, а также волю Ваших братьев, досточтимых кардиналов, а Мы подтвердим и будем выполнять то, что решит Ваша мудрость».

Летописи верной императору и враждебной Милану Кремоны расценивают дело так:

«В Кремону приехал император Фридрих. Тогда образовались различные заговоры и запрещенные общества, действовавшие против императора и отвергавшие переговоры с ним. Поэтому император в Борго Сан-Донино объявил их вне закона и обвинил в оскорблении величества, снял с должностей их судей и нотариусов, низложил маркграфов и капитанов, отняв у них всю судебную власть и судопроизводство. Но в том же самом году папа Гонорий III объявил им прощение и убедил императора все отменить, а ломбардские заговорщики обязались выставить четыре сотни рыцарей на два года за свой счет императору в помощь для Святой земли, но они так и не выполнили обещания».

Папа оказался в сложной ситуации. Его интересы находились

между корой и стволом. С одной стороны, он не мог в свои преклонные лета, с нетерпением ожидая всеми силами крестового похода, позволить себе рассердить венценосного крестоносца, с другой стороны, он не мог позволить запугать ломбардские города, единственных союзников против все более разрастающейся императорской власти. Блокирование Веронского монастыря не было просто актом произвола городов. Разве они могли открыть перевалы и позволить войти в страну вызывающим ужас немецким войскам, тем самым еще более усилив направленную против них власть императора в Италии.

Если бы императору Фридриху II удалось создать из Северной Италии и ее свободолюбивых городов тираническое государство по сицилийскому образцу и поднять там производительные силы и структуры власти, то папскому государству скоро пришел бы конец. По меньшей мере средневековые бастионы, прежде всего прибрежные полосы Адриатики возле Сполето и Анконы, не смогли бы противостоять натиску Штауфена. Император уже сейчас — даже не имея надлежащих средств власти — попытался вызволить Сполето и Анкону из-под рекуперации папы. Император демонстрировал полную неготовность, вопреки всем красноречивым декламациям, принять status quo.[16]

Но нет, курия собиралась играть полной колодой и не могла отдать Ломбардию. Так пришли к решению, обязывающему ломбардский союз выставить четыре сотни рыцарей.

Одновременно папа попытался ликвидировать спор между королем Иоанном де Бриенном и императором: по мнению Фридриха, не могло быть двух иерусалимских королей, и взаимные полные ненависти высказывания все более углубляли пропасть между ними. Так, Иоанн де Бриенн — согласно хроникам Салимбене из Пармы — в гневе на зятя-императора, в самом деле дурно с ним обошедшегося, сказал, что «он скорее всего сын мясника».

Папа предостерегает Фридриха: «Разумно ли рвение императора отчуждаться от человека, обладающего такой дальновидностью? …Кому он мог бы передать Иерусалим с большей уверенностью? Кто более желанен для верующих, живущих там? Кто более ужасен для неверных? Кто более полезен для завоевания Святой земли?..

Но если бы он сам выбрал зятем простого рыцаря, он украсил бы его королевским титулом… Мы и Наши братья (кардиналы) подвергаемся насмешкам, ибо действовали как посредники родственного союза и в какой-то степени Нам приписывается унижение короля…»

И тут прорывается самая большая забота почти восьмидесятилетнего папы: «…В конце концов, из-за ссоры между Тобой и королем у многих пропадает готовность участвовать в крестовом походе…»

Страхи старого папы подтвердились. 18 марта 1227 года, через два месяца после написания письма императору, он умер. Ему так и не довелось дожить до горячо желаемого крестового похода, который император в течение двенадцати лет отодвигал от себя.

К духовным свершениям папы относятся основание орденов францисканцев, доминиканцев и кармелитов. Кроме того, он начал внутреннее обновление церкви. И по ходатайству Якоба фон Битри, будущего епископа Акры (1180—1254 гг.), проложил путь движению бегинок как новой форме выражения женской набожности. Для Штауфена он являлся снисходительным, как считали многие, слишком уступчивым папой. Этому суждено было измениться.

Папа Григорий IX и первое отлучение от церкви императора Фридриха II

Папа Гонорий умер 18 марта 1227 года, а уже 19 марта коллегия кардиналов избрала его преемником кардинала Уголино Остийского, урожденного графа Сеньи, племянника великого папы Иннокентия III. Новый папа, человек более жестокий, чем добросердечный Гонорий III, принял понтификат под именем Григория IX. Правда, поначалу он называл Фридриха «любимое дитя церкви» да и раньше дружески относился к молодому Фридриху, но, как внимательный зритель, к тому же находившийся в непосредственной близости к папе, тщательно следил за политикой Штауфена. Он в течение многих лет? наблюдал тактику Фридриха, основанную на хитрости, его наплевательское отношение к только что заключенным договорам, а также полное отсутствие осознания собственной неправоты и ориентированность лишь на собственную выгоду. Е.Ф. Бёмер уже в 1849 году выразил основной принцип Фридриха в кратком определении: «жизнь, заполненная обманом и ложью».

23 марта папа сообщил императору о своем избрании и в послании от 30 марта 1227 года напомнил о выполнении обета об участии в крестовом походе в конце лета 1227 года.

На сей раз Фридрих, казалось, решился на крестовый поход. Во-первых, его манил блеск короны Иерусалима. Кроме того, политическое положение на Востоке, казалось, стало более благоприятным для вторжения христиан.

Преемник великого Саладина, султан Малик эль-Камиль из Египта, находился в ссоре со своим братом Маликом эль-Моаззимом, султаном Дамаска. Султан Малик эль-Камиль обещал императору через посланника, эмира Фахр эд-Дина Юсуфа, большое благорасположение в случае его прибытия на Восток. Он хотел избежать войны на два фронта: с одной стороны, с войском крестоносцев, а с другой — с братом в Дамаске. Арабский летописец Макризи повествует:

«Малик эль-Камиль послал эмира Фахр эд-Дина Юсуфа, сына великого шейха, к императору, королю франков, дабы просить его прибыть в Акру; он обещал отдать ему многие города в Палестине, принадлежавшие мусульманам, если он поможет ему одолеть его брата Малика эль-Моаззима».

Император, хорошо говоривший по-арабски, заключил дружбу с эмиром Фахр эд-Дином Юсуфом, увидев реальный шанс совершить победоносный крестовый поход и освободить Иерусалим.

Портовый город Бриндизи, выбранный в качестве отправного пункта, переполнился крестоносцами. Шестьдесят тысяч рыцарей и их слуг должны были собраться в пылающем зное августа в долинной котловине портового города, причем надо сказать, к средневековым данным о численности войск следует относиться осторожно. Английские и французские крестоносцы уже отправились под предводительством епископов Экстера и Винчестера походом в Святую землю, как и контингент фризов, выбравших морской путь через Испанию.

И случилось так, что от солнечного зноя, «при котором могла бы расплавиться руда», разразилась эпидемическая лихорадка, смертельная для непривычных к такой жаре жителей северных стран. Многие тысячи воинов под предводительством герцога Лимбургского взошли на суда, пытаясь избежать опасной болезни. 8 сентября 1227 года императорская галера подняла якорь и покинула Бриндизи с императором и его родственником, ландграфом Людвигом IV Тюрингским, супругом святой Елизаветы, на борту. Ландграф уже был болен. Так они прибыли в Оранто, где ландграф скончался. В ужасе от его кончины, Фридрих II покинул флот, отправившийся далее под командованием патриарха Иерусалимского, Герольда Лозаннского, в Акру.

Фридрих, тоже охваченный лихорадкой, по совету магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца и врачей отправился на лечение в курортное место Поццуоли.

Папа Григорий IX не колебался. Императорских посланников, прибывших доложить о болезни императора, не допустили к

нему. Двенадцать лет подряд Фридрих обманывал курию, изобретая все новые отговорки. Фридрих исчерпал кредит доверия, и папа больше не верил ему. 29 сентября папа Григорий наложил анафему на вероломного императора-крестоносца, на этот раз, возможно, и не виноватого.

Отлучение от церкви последовало 10 октября в Аньяни на основании большой энциклики:

«…Апостольский престол, дабы уничтожить извергов, которых выращивает на своей груди, думая выкормить сыновей, и разгромить вражескую власть, дабы усмирить ярость бури, вырастил питомца, а именно императора Фридриха… Когда он приехал в Германию, намереваясь взять в свои руки бразды правления империей, ему сопутствовали некоторые, как верилось, обнадеживающие предзнаменования, но в действительности они оказались обманными знаками. По собственному решению, без напутствия и ведома апостольского престола он взвалил крест себе на плечи и торжественно похвалялся отправиться на спасение Святой земли…»

Здесь прорвалась злость, пережитая папой Григорием, племянником великого Иннокентия III, когда Фридрих без повеления и одобрения святого престола принял крест в Аахене и таким образом сделал папский крестовый поход императорским.

«Следует добавить, он и другие крестоносцы должны были быть отлучены от церкви, если они не отправятся в определенный срок. Но император все время испрашивал отсрочку и получал ее…

Когда же после его частых требований многие тысячи крестоносцев под страхом отлучения от церкви в установленный срок поспешили в портовый город Бриндизи, поскольку все другие порты император использовал для собственной выгоды, он не сдержал обещаний, письменно данных апостольскому престолу и крестоносцам относительно переезда, снаряжения и содержания… Христианское воинство так долго удерживалось в жаре летнего зноя в убийственной местности и в отравленном заразой воздухе, что не только большая часть народа, но и немалое количество дворян и предводителей умерло от лихорадки, острой жажды и других ужасных причин. Среди них и благородный ландграф Людвиг Тюрингский, и блаженной памяти епископ Аугсбургский».

Теперь, когда Фридриху понадобилось доверие святого отца, оно оказалось исчерпанным. Папа сделал императора ответственным за все: за адское пекло месяца августа, за выбор города Бриндизи да и за эпидемию тоже! Фридрих обвинялся в смерти паломников, ландграфа и епископа Аугсбургского.

Объяснения императора, что он и сам заболел, не принимались.

В послании христианским королям и князьям всего мира император защищается. Он разбередил в себе старые раны, раз напоминает князьям о том, что его мать, императрица Констанция, оставила его под опекой церкви, дабы сохранить наследное государство. «Но, — восклицает он, — Наше наследное государство было открыто для всех завоевателей, и, подобно кораблю без руля в бурю, наследство опекуемого разбилось без руки рулевого…»

Он жалуется на апостольский престол, помогавший в ущерб его правам получить империю Оттону IV, в конце концов противопоставившему себя церкви и готовому вторгнуться в наследное государство Фридриха. И тут он высказывает мысль, которую постоянно будет повторять, о том, что стал императором по Божьему произволу: «Поскольку не нашли никого другого, захотевшего бы принять императорский сан вопреки Нам и Нашим правам… князья призвали Нас, по их выбору Нам и была передана корона империи… Ибо всемогущий Бог знает, когда Мы вопреки человеческому разумению и без чьей-либо помощи прибыли в Германию, это навлекло на Нашу особу много опасностей».

Здесь Фридрих, кажется, потерял память. Верно, папа не смог защитить его наследное государство, и королевство стало игрушкой многих сил. Действительно, церковь пренебрегла правами Штауфенов и благоволила Вельфу Оттону Брауншвейгскому.

Но когда он пишет, что прибыл в Германию без чьей-либо помощи, то он, должно быть, забыл, как папа предоставил ему первую финансовую поддержку; как отлучение от церкви сильно навредило Оттону IV; как епископ Триента по поручению папы перевел его через зимние Альпы; как епископ Кура принял его, так же как и могущественный аббат Сан-Галлена. А отлучение от церкви императора Оттона, зачитанное архиепископом Берардом или аббатом Сан-Галлена констанцскому епископу Конраду фон Тегернфельду, заставило его отворить ворота. Он, вероятно, запамятовал о предоставленных ему епископами Базеля и Страсбурга войсках, только благодаря которым он смог действовать.

Разве его не называли «поповским императором»? Разве он поначалу не говорил о себе, правильно оценивая реальность, как о «короле Божьей и папской милостью»?

Разве он не получал в ноябре 1212 года в Вокулере от французского наследника престола двадцать тысяч марок серебром, собираясь купить на них расположение и согласие

германских князей? Разве вся победоносная поездка, предпринятая им «вопреки человеческому разумению и без чьей-либо помощи», не являлась результатом тонко рассчитанной дипломатической игры между папой и французским королевством, не желавшим соглашаться на соседство с вельфским, ориентированным на Англию германским государством? И не французский ли король 27 июля 1214 года одержал при Бувине победу над императором Вельфом Оттоном IV?

Нет, очень многие люди объединились ради Фридриха II, давали ему деньги, разрабатывали для него планы, размахивали мечами и бились в сражениях, дабы Фридрих стал королем и императором.

В пространном оправдательном письме Фридрих рассказывает, как он отправил герцога Баварского на поддержку папского крестового похода в Дамиетте, и жалуется, что его настойчивый совет не отдаляться от Дамиетты и ждать его скорого прибытия не удостоили внимания. А ведь он выслал на помощь маршала, Ансельма фон Юстингена, с провиантом и, кроме того, клялся Фридрих миру, в Дамиетту он отослал адмирала, графа Мальтийского, с сорока галерами. Но флот уже не настиг войско, поэтому войско крестоносцев и город Дамиетта были потеряны. Все это правда, но только Фридрих сам так и не прибыл, хотя мог придать предприятию блеск собственного имени и авторитет императорской власти.

Он пишет: «Далее Мы заключили с Нашим благородным двоюродным братом и князем, ландграфом Тюрингским, соглашение относительно марки Мейсен, чтобы он тоже взял крест и прибыл. Мы могли бы по имперскому праву присвоить эту марку, приносящую более двадцати тысяч марок серебром ежегодно, но прибавили из Нашей казны еще пять тысяч марок…»

Данная цитата демонстрирует мастерское обхождение Фридриха с правдой.

Да, он заплатил ландграфу Людвигу IV пять тысяч марок за участие в крестовом походе. Но за Мейсенскую марку он дал ландграфу лишь возможное наделение леном на случай, если его племянник, Генрих I Сиятельный (1221—1288 гг.), к тому времени ребенок десяти или одиннадцати лет, умрет раньше его. В действительности же Генрих I, с 1247 года тоже ландграф Тюрингский, пережил дядю на полстолетия, что вполне закономерно.

Даже если бы Генрих Сиятельный умер ранее дяди, ландграфа Людвига IV, то и тогда у императора Фридриха II почти не было возможности отказать ему в лене. Такой

печальный опыт уже пережил отец Фридриха, император Генрих VI, когда в 1190 году отказал брату умершего ландграфа Людвига III (1172—1190 гг.), ландграфу Герману I (1190—1217 гг.), в наследовании лена на Тюрингию, намереваясь прибрать лен в пользу короны. Но под давлением имперских князей императору Генриху VI пришлось разрешить ландграфу Герману I наследование лена, и он смирился с этим.

Однако высказывание императора Фридриха II создает впечатление, будто он великодушно отказался от лена, который мог бы забрать и который приносил бы ему двадцать тысяч марок серебром ежегодно. То, что он предполагает сделать с маркграфством Мейсен, было бы возможно юридически, но на практике являлось невыполнимым. Фридрих умел придавать фикциям вид действительности. Вольное обращение с правдой, лавирование между полуправдой и умолчанием стоили Фридриху доверия папы — потеря невосполнимая.

Кроме того, в Риме умели считать.

Императрица Изабелла в последние дни августа 1227 года долгое время пробыла с Фридрихом в Отранто и 25 апреля 1228 года, на месяц раньше срока, родила сына Конрада. Факт, отрицающий утверждение о смертельном заболевании императора в августе 1227 года.

Если письмо Фридриха к князьям всего мира отличала сдержанность, то теперь он сбрасывает ее покров и резко нападает на церковь в целом. 5 декабря 1227 года император пишет королю Генриху III Английскому (1216-1272 гг.):

«…Римская церковь опять воспылала горячей алчностью и охвачена столь очевидной жадностью, что, не довольствуясь церковными владениями, не стесняется отбирать у императоров, королей и князей мира сего их наследную собственность и облагать ее налогами. Король Англии является тому примером, поскольку церковь долго держала отлученным от своего лона короля Иоанна Безземельного, пока он не обязался платить оброк… Я уже не говорю о симонии, о различных и с начала времен неслыханных вымогательствах, беспрерывно осуществляемых курией и папой против духовных особ, о явных и тайных ростовщиках, притесняющих весь мир. Словами слаще меда и глаже масла ненасытные кровопийцы постоянно толкуют, будто римская курия — наша мать и кормилица, хотя она есть корень и начало всех зол…»

Кажется, мы уже перенеслись в эпоху Реформации, когда слышишь голос императора, продолжающий: «…Начало церкви проходило в бедности и простоте, когда она, как плодовитая мать, производила на свет святых… Теперь, когда церковь

погрязла в богатстве, ее стены пошатнулись, а если они упадут, наступит гибель.

И Нас также — и Всевышний знает это! — они не щадят, обвиняя в преднамеренном затягивании назначенного срока, хотя Нас удерживали неизбежные и важные для Господа дела церкви и империи, не считая тягот болезни; самым важным из них было упрямство мятежной Сицилии. И Нам не казался благотворным и полезным для христианства совет отправиться в Святую землю, в то время как за Нашей спиной оставалась гражданская война. Так врач советует перевязать рану, из которой еще торчит железо.

Мир должен объединиться для уничтожения столь неслыханной тирании, представляющей всеобщую опасность».

Однако Фридрих не был человеком, способным довольствоваться лишь манифестами, хотя ему удалось предать гласности свои письма и жалобы против папы в Риме.

В Пасху 1228 он даже поднял против папы город Франджипани и принудил того, обеспечив ему свободное продвижение, покинуть Рим и искать убежища в Риети, а затем в Перуджии. В качестве ответного хода папа еще крепче привязал к себе города Ломбардии, за исключением Кремоны и еще некоторых городов. Они опять перекрыли монастырь, и императору, назначившему на ближайший март придворный совет в Равенне, опять пришлось отказаться от присутствия на нем германских князей.

Некоторые историки придерживаются мнения, что папа предпринял все возможное, пытаясь воспрепятствовать новому крестовому походу, означавшему для Фридриха прорыв вперед. Это поверхностное мнение, когда не принимаются в расчет религиозные чувства того времени. Папа хотел помешать не просто крестовому походу, а именно данному крестовому походу, крестовому походу отлученного от церкви. К тому же каждое место пребывания отлученного подвергалось интердикту. Интердикт означал запрет на богослужение, исключение совершения и принятия таинств.

Чувства набожных людей были бы глубоко оскорблены, если бы некто, преданный анафеме, некто, отвергнутый сообществом верующих, возглавил самое святое предприятие христианства — освобождение Святой земли.

Отлученный же призвал светских чиновников просто игнорировать и отлучение, и интердикт. Имеется письмо императора, которое могло быть написано как во время первого, так и второго отлучения 1239 года. Не столь важна дата, сколь образ мыслей императора:

«Мы приказываем твоей верности всех прелатов и духовных

лиц твоего округа призвать на собор в какое-нибудь подходящее место и в присутствии братьев — доминиканцев и францисканцев с каким-нибудь мудрым, начитанным и убежденным мужем заботливо им растолковать: Мы, как католический князь и приверженец католической веры, имеем горячее желание, чтобы прелаты церкви, священники, монахи и мирские священники отправляли богослужения открыто в церквах в присутствии жителей, к хвале и славе Господа, основавшего на скале незыблемую священную церковь. Текстом данного напоминания мы не принуждаем никого проводить церковную службу. Между тем тех, кто не хочет ее проводить, Мы хотели бы оповестить: если они не будут выполнять своих обязанностей, то временные владения, подаренные церквам Нашими великими божественными предками в набожной щедрости, Мы, хотя бы и против Нашего желания, возьмем обратно в Наше государственное владение».

И пока все это происходило, папа с помощью городов Ломбардии вооружался для вторжения в Королевство обеих Сицилии, а в Германии добивался смещения Фридриха. Это ему, впрочем, не удалось. Вместо того чтобы усилить свое войско и вторгнуться в герцогство Сполето и марку Анкона, то есть на территорию папского государства, отлученный император отправился в конце июня 1228 года в Святую землю, оставив за спиной пылающий очаг.

Крестовый поход под отлучением и проклятием

Если рассматривать обстоятельства, при которых император Фридрих II начал крестовый поход, то он выглядит еще более сенсационно и неопределенно, чем его поход за королевством из Апулии в Германию. Подвергнутый анафеме и интердикту, Фридрих не мог надеяться в Святой земле на какую-либо поддержку со стороны церкви и дворянства, особенно от рыцарских орденов тамплиеров и иоаннитов, за исключением одного только Тевтонского рыцарского ордена.

В Германии из-за подрывной деятельности папских легатов возникла угроза попытки дворянства и народа освободиться от клятвы верности императору. Королевству обеих Сицилии угрожало вторжение папских войск в союзе с ломбардцами. Наверное, никогда никакой князь не отваживался на крестовый поход в столь тяжелых условиях.

Вероятно, уже на борту галеры Фридрих сообщил миру решение отправиться в Святую землю и вновь дал волю своей злобе против папы:

«В очередной раз демонстрируя очевидную бесконечность Нашей кротости, Мы идем даже дальше самых строгих требований, предъявляемых к Нашему императорскому величеству. Недавно Мы предложили через Наших возлюбленных князей, досточтимого архиепископа Альберта Магдебургского (1205—1235 гг.), и двух судей Нашего двора, Наших специальных посланников в данных обстоятельствах самому Римскому священнику выражение Нашего извинения, чтобы он Нам, поскольку Мы уже снарядились к крестовому походу для служения Иисусу Христу, не отказывал в подарке и милости своего благословения. Но он не принял сего ни под каким видом. Когда же архиепископ и Наши посланники просили его назвать вид и способ извинения, устроивший бы его, он отказался ответить».

С удивлением воспринимается оптимизм, с которым Фридрих заканчивает свое письмо:

«Так знайте же со всей достоверностью: Мы с Нашими кораблями и галерами, со славным сопровождением рыцарей и количеством бойцов под предводительством Христа, за чье дело отправляемся сражаться, счастливо отплываем в Сирию из Бриндизи, поспешно и при благоприятном ветре».

Папа ответил: «Непонятно, чьему глупому совету он последовал или, лучше сказать, какая дьявольская хитрость соблазнила его без покаяния и отпущения грехов тайно покинуть порт Бриндизи, не зная с уверенностью, куда он идет».

Впрочем, не существовало никакой тайны в том, куда поплыл Фридрих: он об этом открыто оповестил. Его первой целью являлся Кипр. Императорские галеры бросили якорь перед Лимасолом, портом острова. В свое время император Генрих I был князем киприотов. Император наделил Альмариха де Лусиньяна островом и королевской короной. С тех пор Кипр считался императорским леном. Правда, за годы путаницы с троном Германии все имперские права были утеряны, но Фридрих восстановил их, не вынув и меча из ножен.

По германскому ленному праву опека над юным несовершеннолетним королем Генрихом I Киприотским(1218—1253 гг.) переходила к императору. Королевство Кипр получило имперского наместника, а крепости возглавили сицилийские кастеляны. Филиппа де Ибелина, старшего дядю молодого короля Генриха, до сих пор правившего островом по поручению королевы-матери, Фридрих обязал следовать вместе с киприотскими рыцарями по воинской повинности в Святую землю.

7 декабря императорские галеры достигли Акры. На стороне

императора находились верный архиепископ Берард Палермский, императорский камергер и доверенное лицо Ричард, сицилиец, сопровождавший Фридриха еще в его поездке в Германию. А среди его сарацинской свиты — учитель Фридриха по арабской диалектике, сицилийский сарацин, чье имя нам неизвестно.

8 Сирии уже ранее прибыли императорский маршал Рихард ди Филанджери с пятью сотнями рыцарей, кроме того, его друзья Герман фон Зальца, граф Томас ди Аквино, Конрад фон Гогенлое (он быстро продвинется на службе у императора) и граф Томас ди Ачерра, важный помощник, так как отлично владел арабским языком.

Когда император сошел на землю Акры, его встретило бурное ликование христиан и паломников. Не принесет ли отлученный от церкви обещанное «благо Израилю»? Не сбудется ли древнее, но никогда не забывавшееся предсказание: последний император придет с Запада, дабы соединить в одно целое Восток и Запад, освободить Иерусалим, став исполнителем времени?

Даже тамплиеры и иоанниты преклонили колена. Но ненадолго. Через несколько дней после прибытия в Акру по поручению папы появились два францисканца. Они доставили приказ отказывать отлученному в повиновении, расколов христианский лагерь на Востоке, — поступок, призванный ослабить позиции императора перед арабами.

Император мог теперь рассчитывать только на сицилийцев, пизанцев, генуэзцев и рыцарей Тевтонского ордена, а также на свое знание арабской культуры и внутриполитической арабской ситуации, и на посланника султана, эмира Фахр эд-Дина Юсуфа, с которым он подружился во время переговоров. Авторитет императора был настолько подорван верными папе людьми, прежде всего ревностным патриархом Герольдом Иерусалимским, что ему пришлось уступить верховное командование своему другу Герману фон Зальца, сицилийскому маршалу Рихарду ди Филанджери и сирийскому коннетаблю Одо де Монбельяру. В таких сложных условиях Фридриху предстояло завоевывать Иерусалим.

Теперь посмотрим на Восток.

К самым сильным активам Фридриха относилось его умение ориентироваться в политической ситуации на Востоке: император прекрасно знал ее особенности и слабые места.

Когда великий султан Саладин, на короткое время объединивший исламские народы, умер 4 марта 1193 года, исламская сверхимперия начала раскалываться. Старший сын Саладина, эль-Афдаль, отныне глава семьи Аюбитов, оказался неспособным опять объединить империю. Это удалось брату

Саладина, эль-Адилю, с 1201 года взявшему всю империю под свою власть.

Его перворожденный сын, Малик эль-Камиль, получил в лен Египет, второй сын, эль-Моаззим, — Сирию с Дамаском, а третий сын, эль-Ашраф, владел Гецирой.

После смерти отца, эль-Адиля, три брата Аюбита праздновали победу над пятым папским крестовым походом при Дамиетте в дельте Нила. Но их единство продолжалось недолго. Старший из братьев, эль-Камиль, и младший, эль-Ашраф, объединились против эль-Моаззима с намерением разделить между собой его земли.

Поэтому эль-Моаззим подчинился повелителю могущественного Хорезмского государства Джелаль эд-Дину, признав его своим верховным властителем и поставив себя под его защиту. Теперь султан Малик эль-Камиль искал союзника против возникшей силовой угрозы. Он послал доверенное лицо, эмира Фахр эд-Дина, к императору Фридриху II на Сицилию. Зная о его намерениях крестового похода, он искал союза с императором и обещал ему отдать большие территории из владений брата султана эль-Моаззима, в частности Иерусалим.

Император, в то время еще только замышлявший завоевательский крестовый поход, не принял никакого решения, но послал в Каир графа Томаса ди Ачерра вместе с архиепископом Палермским. Султан эль-Камиль Египетский подтвердил обещания о возврате земель, уже предлагаемые им ранее предводителям пятого крестового похода.

В доказательство султан опять послал эмира Фахр эд-Дина Юсуфа в Сицилию. Он стал другом императора, посвятившего его в рыцари, — высокая, вероятно, никогда доселе не оказываемая мусульманину честь.

Но когда Фридрих 7 сентября 1228 года прибыл в Акру, политическая ситуация на Востоке в корне изменилась. 11 ноября 1227 года умер Моаззим, правитель Дамаска. Его государство унаследовал сын Ан-Насир Давуд, молодой человек в возрасте 21 года. Государство Насира опять поделили между собой два его дяди, эль-Камиль и эль-Ашраф, разумеется, для пользы ислама, как они заверяли. Ан-Насиру Давуду удалось бежать в Дамаск, где его осадил дядя Малик эль-Камиль.

Султан Малик эль-Камиль понимал, насколько слаба позиция императора. Отлученный папой от церкви, проклятый патриархом Герольдом Иерусалимским, не имеющий верховного командования над войском, опирающийся только на сицилийцев и немцев, Фридрих находился в сомнительном положении. Любой другой взошел бы на судно и отправился домой, проклятый и

побежденный папой, ослабившим влияние императора в Святой земле.

Позиции эль-Камиля в результате смерти брата, эль-Моаззима, напротив, усилились. Кроме того, султан теперь сам владел Иерусалимом и святыми местами, являвшимися священными и для арабов. Императору же требовалось во что бы то ни стало достичь успеха: от этого зависел его авторитет на Западе. Но и султан, по мнению исламского мира, не мог отдавать без всякого принуждения святыни веры.

Количество взаимных посольств увеличивалось, происходил обмен аргументами и подарками — уникальный спектакль о том, как двое умных политиков стремятся к согласию. Часть войска Малика эль-Камиля была связана на осаде Дамаска, кроме того, казалось, у правителя Хорезма росла готовность поспешить на помощь сыну своего вассала.

В отчаянии император попытался произвести на султана впечатление демонстрацией военной мощи. Он созвал подчинявшиеся ему войска и прошел с ними вдоль побережья до Яффы, велев снова ее укрепить. Но это не очень подействовало: султан никогда и не сомневался относительно военного положения дел.

Но оба, и император и султан, умели вести дискуссии по философским вопросам.

Как-то император задал посланнику султана, эмиру Фахр эд-Дину Юсуфу, ставшему его другом, вопрос о порядке наследования халифов.

«Халиф, — отвечал эмир, — является потомком дяди нашего пророка Мухаммеда. Он получил халифат от отца и передает его далее, дабы халифат непрерывно оставался в семье пророка».

Император отвечал: «Это прекрасно и намного лучше, чем у этих недалеких франков, когда они провозглашают своим правителем любого человека, не обладающего ни малейшим родством с мессией, а из него они делают подобие халифа, дабы похваляться им. У такого правителя нет никакого права брать на себя подобный ранг, в то время как у Вашего халифа есть на то все основания».

Другой арабский источник пишет о том времени, когда переговоры были остановлены: «Оба князя обменивались множеством вопросов и ответов по философским и подобным темам; ведь император был мужем острого ума, ученым, любителем философии, логики и медицины».

Фридрих, стремящийся всеми правдами и неправдами достичь своей цели, сам пишет султану, отбросив — о чудо! — дипломатию, притворство, интриги и хитрость:

«Я — Твой друг! Тебе хорошо известно, как высоко Я стою над всеми князьями Запада. Именно Ты призвал меня сюда. Короли и папа знают о Моей поездке. Вернувшись из нее, ничего не достигнув, Я потеряю всякое уважение в их глазах. В конце концов, разве Иерусалим не является колыбелью христианской веры? Разве вы не повредили его? Теперь он в упадке и в полной нищете. Поэтому, пожалуйста, передай Мне его, дабы Я мог высоко поднять голову среди королей Запада! Сразу отказываюсь от всех выгод, которые Я мог бы извлечь из этого».

И случилось невозможное. Император и султан заключили договор, по которому султан Египта дарил императору Фридриху Иерусалим и святые места. Когда читаешь сообщение арабского историка Макризи, возникает чувство, будто оба князя подмигивали, обеспечивая друг другу алиби для своих народов по столь непостижимому для всех поступку.

«Наконец пришли к следующей договоренности: король франков получает от магометан Иерусалим; но он должен оставить его неукрепленным… Священный квартал с Харан эш-Шариф и мечеть эль-Акша, окруженная им, должны остаться магометанам… им должно быть дозволено совершать там исламские богослужения, а также взывать к Аллаху и ежедневно молиться».

И тут арабский летописец Макризи сочиняет для султана уважительную причину, пусть и не извиняющую, но хотя бы объясняющую исламскому миру невероятное поведение султана:

«Договор заключили, так как султану Малику эль-Камилю пришлось смягчить короля франков из страха перед его гневом и из-за невозможности противиться ему. Малик эль-Камиль говорил потом: «Мы ничего не отдали франкам, кроме разрушенных церквей и монастырей; мечеть останется тем же, чем она была, обычаи ислама останутся…» Когда князья согласились по всем пунктам, они заключили перемирие на десять лет, пять месяцев и сорок дней, начиная с 24 февраля 1229 года».

Макризи, желавший защитить султана, не мог не написать и следующее:

«…Магометане расценили договор как великое несчастье, и против Малика эль-Камиля поднялось не только тяжелое осуждение, но и глубокая злость во всех населенных магометанами областях».

Султан отказался от Иерусалима и Вифлеема и от коридора, проходившего через Лидду к морю до Яффы, кроме того, от Назарета и Восточной Галилеи, включая Монфорт и Торон и исламские земли вокруг Сидона. Такой умный человек, каким был султан, не хотел ослаблять свое войско под Дамаском

военной победой над императором. Дамаск и богатая Сирия казались ему более ценными, чем превозносимый в мифах, но в экономическом и военном отношениях слабый Иерусалим.

Султану пришлось пережить гнев подданных, а Фридриху — порицания большинства крестоносцев. Ликовали только немцы, «…чьи сердца стремились посетить Святую гробницу. Единственная нация, возносившая хвалебные песни и праздничными огнями украсившая город, в то время как другие видели в происходящем только глупость, а многие распознали открытый обман», — негодовал патриарх Герольд.

В гневе он запретил паломникам входить в Иерусалим. Да, после вступления императора в город он наложил на Святой город интердикт.

Самокоронация

Невзирая на гнев патриарха и неизбежное недовольство папы, 17 марта 1229 года Фридрих в сопровождении германских паломников с триумфом вошел в Иерусалим. «Я направился в тот же день в церковь Гроба Господня, — пишет он, — намереваясь, как подобает католическому императору, с почтением помолиться Гробу Господа».

Император Фридрих II наверняка надеялся на отмену отлучения от церкви, ведь ему удалось совершить то, что было до сих пор недостижимой целью для великих и отважных князей, «освобождение святого Гроба Господня».

Но Фридрих, способный думать только о себе и мыслящий согласно собственным категориям, ошибался в оценке личности папы Григория IX. Императору были чужды христианская система ценностей и христианское мышление.

Ведь церковная служба и церковная коронация явились вдвойне кощунственными деяниями: над императором, отлученным от церкви, не могло быть совершено никакого допустимого церковными законами духовного обряда, в том числе и коронации.

Кроме того, на Иерусалим был наложен интердикт патриарха: на всей территории города запрещалось отправлять какие-либо религиозные действия и таинства.

Именно Герман фон Зальца понял: Фридрих не должен игнорировать свое отлучение и интердикт в такой открытой форме, если не хочет навсегда лишиться возможности отмены карающих санкций. Магистр Тевтонского ордена, постоянно стремящийся ко всеобщему согласию, посоветовал императору провести церемонию коронования в виде исключительно

светского события.

Следуя его совету, 18 марта 1229 года провели самокоронацию Фридриха II в церкви Гроба Господня в Иерусалиме. В этой коронации было слишком много ссылок на исторические прецеденты. Фридрих желал бы поставить данное событие в один ряд с самокоронацией императора Людовика Благочестивого (813/14—840 гг.), по воле отца, Карла Великого (768—814 гг.), возложившего на свою главу корону. Всему миру Фридрих пытался доказать: королевская и императорская власть должна быть независима от папы, и он лишь по Божьей воле надел в Иерусалиме корону.

Неправда — коронацию организовал дальновидный Герман фон Зальца, не хотевший понапрасну разжигать гнев папы проведением церковной церемонии с участием отлученного императора.

Фридрих, облаченный в просторную императорскую мантию, в сопровождении друзей, но все еще исключенный из сообщества верующих, твердым шагом проследовал к алтарю церкви Гроба Господня. Уверенным жестом он надел на голову мистическую корону Давида. Ту самую корону, ради которой он женился на маленькой Изабелле (Иоланте) де Бриенн, умершей год назад. Коронация в церкви Гроба Господня придала Фридриху сил и стала заметным знаком на пути к будущему самовозвеличению. Если говорить о духовном породнении с Востоком, оно захватило его слишком сильно, как некогда македонянина Александра.

Фридрих II, воспитанный на идеях греко-норманно-арабской культур, имел большую склонность к ясной арабской философии, содержание которой в значительной мере имело своим источником греческую духовность. Арабская культура — тот мост, через который в Западную.Европу проникало богатство культуры и мысли греческого мира.

Те часы, когда он носил иерусалимскую корону, глубоко подействовали на Фридриха, отразившись в его манифесте всему христианскому миру:

«Те, кто наделен искренним сердцем, могут радоваться и ликовать ради Господа и славить Его, ибо Ему угодно счастливо возвышать кротких из Его народа. Мы славим того, кого и ангелы славят, ведь Он Наш Господь и Вседержитель, единственный, кто творит чудеса и не забывает об извечном милосердии; напротив, чудеса, совершенные Им и в древние времена, Он вновь сотворил в наши дни…

Кроме выражения ликования и радости, в документе содержится твердый политический смысл и вызов папе: «…что истинные христиане получают спасение от своего властелина и

Господа, дабы весь земной круг узнал и понял: именно Он, и никто другой (читай: не папа), дает спасение своим служителям, когда и как Он сам того пожелает!»

Затем император описывает прибытие в Акру и то, как 15 ноября 1228 года, приехав в Иоппе, восстановил там крепость для защиты воинства Христова на пути в Иерусалим. Он повествует и о том, как не хватало провианта и корма для лошадей, так как из-за неблагоприятной погоды транспортные суда не могли войти в порт.

Затем Господь успокоил море, и суда тут же прибыли с изобилием продовольствия и корма. Император сообщает о переговорах с султаном и о том, как Господь вразумил султана; «султан вавилонский (Малик эль-Камиль) отдал святой город Иерусалим, те места, где ступала нога Христа, а также места, где истинные верующие в духовности и праведности молятся отцу отцов».

Далее он пишет, желая продемонстрировать христианскому миру сей великий и бескровный успех:

«К тому же нам было позволено, согласно договору, вновь возвести стены святого града Иерусалима, Сидонскую крепость, крепость Иоппе, крепость Кесарии и крепость Тевтонского ордена, которую братья начали строить в горах Аккона, что ранее никогда не разрешалось христианам во время перемирия. Султану же не дозволяется до конца перемирия, заключенного между Нами и им на десять лет, ни возводить, ни строить никаких строений или крепостей».

И тут Фридриху удалось преодолеть самого себя. Видимо, причиной тому послужил совет мудрого магистра Тевтонского ордена, ведь Фридрих ни единым словом не упоминает о злостных препятствиях, чинимых ему патриархом Иерусалимским, а также орденами тамплиеров и иоаннитов. Он пишет:

«Все, о чем Мы узнали на службе Господу по совету и с помощью патриарха Иерусалимского и магистров и братьев орденов в этой земле, Мы не преминем Вам описать подробнее, когда это позволят время и обстоятельства. Одно Мы все же должны сказать и не могли бы умолчать, не воздав должное: магистр и братья Тевтонского ордена Святой Марии с самого начала Нашего пребывания на службе у Господа преданно и деятельно помогали Нам».

Письмо патриарха Герольда Иерусалимского святому отцу с описанием крестового похода Фридриха представляет собой документ, полный ревности и злобы. В нем не только игнорируются достижения мирного договора, но и вся успешная

кампания обыгрывается таким образом, что превращается в свою полную противоположность.

Личностные нападки на императора и его сарацинский образ жизни стали уже почти ритуалом для его противников. Итак, письмо патриарха папе Григорию IX от 26 марта 1229 года:

«Далее мы со всей правдивостью и со жгучим стыдом сообщаем: султан, услышав, что император живет по сарацинским обычаям, послал ему певиц, называемых еще танцовщицами, а также фокусников, то есть людей, не только пользующихся дурной репутацией, но о которых вообще не должно говорить среди христиан; с ними князь этого мира развлекается во время вечерних попоек, с сарацинскими напитками, в сарацинском одеянии и вообще всяческим образом, по-сарацински».

Мы не должны смотреть на происходящее глазами людей XX века, предоставляющего отдельному человеку большую свободу действий. Предпочтение Фридрихом арабской культуры, его терпимость к «иноверцам», заимствование их утонченного образа жизни, восхищение арабской философией и искусством да еще и танцовщицы и фокусники вокруг него, и он сам в сарацинской одежде — все это сбивало современников с толку. В глазах же церкви это выглядело настоящими происками дьявола. Самый мягкий упрек, заслуживаемый Фридрихом II, хотя его, несмотря ни на что, считают рационалистом, — он сам вложил в руки противников оружие, используемое ими против него.

Но прежде чем насмехаться над узостью мышления прошедших времен, попробуем представить себе на минуту, как на пике «холодной войны» американский президент держит личную охрану из сотрудников ГПУ, появляется в боярской шубе, разместив вблизи Вашингтона казачий полк, и, окруженный русскими женщинами, учеными, советниками и художниками, объясняет все происходящее тем, что Карл Маркс и Ленин были все-таки «good old fellows».[17]

Но мы можем направить всю силу воображения и на собственную страну и представить, как император Вильгельм II Гогенцоллерн (1888—1918 гг.) после возвращения из поездки на Восток появляется в арабской одежде, создает из своей личной гвардии линейный полк и вместо нее размещает в Потсдаме в качестве гвардейского полка арабскую часть. Кроме того, привозит гарем арабских женщин под присмотром евнухов и заставляет придворное общество переучиваться у арабских философов и художников. Тут уж его придворный священник Адольф Штекер оказался бы в весьма плачевном положении.

Представив себе подобную картину, мы сможем лучше понять ревностного иерусалимского патриарха.

Совсем из другого источника происходит озлобленность тамплиеров и иоаннитов, ведь вся Западная Европа субсидировала их на протяжении десятилетий, и теперь они завидовали успеху императора, которого не смогли достичь сами. Об этом повествует летопись Роджера из Вендовера:

«Они хотели приписать себе все эти великие дела, получив такие большие деньги от всего христианства и истратив их только на защиту Святой земли, словно бросив их на дно пропасти; коварно и предательски они сообщили султану: император решил посетить реку, где крестились Иоанн Креститель и Христос, … пешком в шерстяной одежде с небольшой свитой, дабы тайно поклониться ей со смирением; и они предложили султану, по его усмотрению, взять императора в плен или зарезать его. Когда упомянутый султан увидел письмо, сообщавшее об этом, с известной ему печатью, то почувствовал отвращение к коварству, зависти и предательству христиан, особенно к тем, которые носили одежду ордена со знаком креста, и, призвав к себе двоих тайных,и самых доверенных советников, поведал им обо всем и показал им письмо с печатью, сказав: «Смотрите, какова верность христиан!» Прочтя письмо, они по долгом и тщательном совещании ответили так: «Господин, к обоюдному удовлетворению, заключен мир, и кощунственно нарушать его. Но для посрамления всех христиан пошли письмо с висящей на нем печатью императору, и он станет твоим верным другом, и по праву!..»

С того времени душа императора соединилась с душой султана в неслыханных узах любви и дружбы, и они общались друг с другом и посылали друг другу дорогие подарки, в числе которых султан подарил императору слона».

В султане Малике эль-Камиле мы узнаем «благородного язычника», как его представил Вольфрам фон Эшенбах в «Парцифале». Но крестовые походы, несмотря на все сражения, сблизили ценности ислама и христианства, и связующим звеном стала рыцарственность, сочетающаяся с религиозной терпимостью. То, что это взаимное признание не соответствовало взглядам церкви, провозгласившей в 1215 году на соборе, помимо освобождения святых мест, еще и уничтожение всех неверных, является трагедией и, вероятно, причиной крушения императора Фридриха II. Это доказывает приговор его исторических современников:

«Настолько большую любовь и доверие он питал к неверным и так хорошо знал их, что уважал сей народ и его свершения больше, чем другие. Он сделал магометан камергерами и самыми доверенными слугами, а евнухам поручил охранять своих

женщин… поэтому папа и все другие христиане, узнавшие об этом, были весьма озабочены и подозревали в нем намерение перейти в магометанскую веру. Но люди убедились, что он ни во что не верит и сам не знает, какую бы веру он хотел уничтожить, а какую выбрать и придерживаться ее».

Самое удивительное — мнение арабской стороны о Фридрихе совпадает с мнением его христианских современников. Сарацинский летописец оставил нам такое описание:

«Император имел ярко-рыжие волосы, был безбород и близорук; если бы он был рабом, никто не дал бы за него и двух сотен драхм. Из его речей можно было понять, что он «этернист»[18] и признает себя христианином лишь для забавы».

По сути, оба мира, и арабский и христианский, одновременно и восхищались Фридрихом, и проклинали его, причем по одной и той же причине — он был чужд им обоим.

Он без боя освободил святые места. Он их выторговал, и, вероятно, христианские критики имеют основания усматривать в его концепции мира на Святой земле что-то шаткое, недолговечное.

Недостаточно достичь цели. Надо сделать так, что это примет большинство людей. Иначе не объяснить событий, произошедших на Святой земле при отъезде Фридриха. Филипп Наваррский сообщает в своих хрониках:

«Император втайне подготовил отъезд и 1 мая 1229 года, не ставя никого в известность, отправился на галеру перед скотобойней. И тут мясники начали его преследовать и непристойно нападать на него с еще теплыми потрохами животных. Правители Бейрута и господин Одо де Монбельяр, услышав шум сутолоки, поспешили туда. Они разогнали толпу, схватив людей, нападавших на императора, а затем сопроводили его до галеры, поручив его Богу. Император отвечал им очень тихо. Не знаю, говорил ли он что-то хорошее или что-то плохое… так Фридрих покинул Акру».

Королевство в огне

В то время как Фридрих, преданный анафеме, пытался отвоевать святые места, папа, называвший его пиратом, послал в Германию кардинала-легата настроить германских князей против Фридриха. Его старания оказались безуспешными, в том числе и попытка сделать антиимператором племянника Оттона IV. Вельф, тоже Оттон, поблагодарил и отказался. Фридрих вознаградил его за такое поведение, сделав герцогом Брауншвейгским и Люнебургским (1235—1252 гг.) и имперским князем.

Только в Сицилии папе, казалось, повезло больше. Под предводительством Иоанна де Бриенна, ставшего полководцем папы, папские солдаты, как называли разношерстное войско, усиленное французскими сторонниками Иоанна де Бриенна и частями городов Ломбардии, вошли в Королевство обеих Сицилии. Папа приказал распустить слух, будто император Фридрих II умер. Под впечатлением от неприятного известия, а также из-за воспоминаний о тяжелой длани Фридриха началось повсеместное предательство. Часть императорских войск стояла в Абруццо, другая часть — в Капуе. Папским солдатам приказали охранять порты, дабы схватить объявленного мертвым императора.

Но 10 июня 1229 года Фридрих все же прибыл на быстроходном парусном судне в порт Бриндизи. Удивленное население с восторгом приветствовало короля и императора. Подобно пламени известие о том, что император жив, распространилось по всей континентальной части королевства, и настроения резко изменились. Насколько поспешно все решили быть хорошими подданными папы, настолько же стремительно все пожелали стать верными подданными императора. Очевидно, люди больше верили в императора, чем в успех папских войск под предводительством престарелого Иоанна де Бриенна, незамедлительно сбежавшего во Францию.

Император приобрел ореол сказочного крестоносца, освободителя Гроба Господня, его осенял блеск иерусалимской короны Давида. Прежде всего император направил посольство папе для восстановления мира и снятия анафемы. Но папа остался непреклонным.

Власть Фридриха росла день ото дня. Рейнальд ди Сполето с войском из Абруццо встретился с императором. Главный придворный советник юстиции вместе с сарацинами и сицилийцами, сохранившими верность императору, пробивался к нему. К счастью, в те дни прибыло большое количество рыцарей Тевтонского ордена, сразу после возвращения со Святой земли поступивших на службу императору. Теперь у Фридриха опять образовалось войско из германских рыцарей, вызывавшее в Италии такой страх.

Кардинал-легат Пелагий, как пленник, сидел в монастырской крепости Монтекассино, чью сокровищницу он опустошил, намереваясь выплатить своим солдатам жалованье. На материковой части Сицилии в течение четырех недель двести отказавшихся от императора городов вновь присягнули на верность императору.

Роджер из Вендовера повествует о бурном лете 1229 года:

«Поскольку император прослышал, что Иоанн де Бриенн преследует его, он поостерегся без осторожности входить в порт с этой стороны и пристал к берегу в надежном месте… Между тем, как только весть о его прибытии наконец распространилась повсеместно, вокруг него стали собираться преданные ему мужи королевства.

Окруженный ими и усиленный последующим пополнением, он мужественно бросился на врагов и постепенно отвоевал утраченные области и города… За время поста (1229 г.) император добился такого перевеса над противниками, что отвоевал силой все крепости и принадлежащие империи права. Всех врагов, захваченных в крепостях, он приказывал терзать живьем или вешать».

Весьма примечательным является письмо Фридриха сарацинской группе захвата, находящейся в Апулии. Кроме типичного для того времени приказа опустошить местность неверной ему Гаеты, дано следующее распоряжение:

«После взятия города всех принадлежащих к высокому сословию и дворянству страны в том месте, где они пойманы, вы должны ослепить, лишить носов и нагими с пустыми руками изгнать из города. Женщинам нужно отрезать носы для их позора, но затем разрешить уйти. Мальчикам, оставив их в городе, надлежит отрезать мошонки. Стены города, его дома и башни вы должны полностью разрушить, кроме церквей и домов священников, которым не должно причинять вреда, дабы весть о карающем суде распространилась по всему земному шару, потрясла бы душу каждого предателя и заставила бы его дрожать от страха».

Мнение о данном послании императора как о стилистическом упражнении канцелярии, выполненном в какой-то степени с предательскими намерениями, понять трудно. Это означало бы, что о будущем предательстве Гаеты стало известно еще до того, как оно произошло.

Но император сам продемонстрировал месть осажденному и завоеванному городу Сора, обрекши его на участь Карфагена. Сору сожгли дотла, не оставив и камня на камне, а всю территорию города перепахали плугом. Император, разумеется, приказал изъять все владения тамплиеров и иоаннитов за их враждебную позицию в Святой земле.

Победоносный император к началу октября полностью очистил страну от противников и предателей. Все папское королевство, герцогство Сполето, марка Анкона и даже Вечный город были обречены на завоевание.

Примечательно, что, когда абсолютная победа была так

близка, Фридрих, человек властный, не ведающий никаких сомнений в увеличении своего господства, застыл у самых границ папского государства.

Неужели его удерживало священное благоговение, ведь он десять лет находился под опекой папы и являлся его вассалом в Королевстве обеих Сицилии?

Возможно, детские впечатления не дали ему во всех его войнах с папством ни разу подумать о том, чтобы назначить антипапу? Средство, которым не брезговали ни его дед император Фридрих I, ни Оттон Великий.

Или трем великим папам, могущественному Иннокентию III, доброму Гонорию III и исполненному священным огнем Григорию IX, все же удалось сделать духовную папскую власть недосягаемой для нападок со стороны стремящихся к господству мирских государей? Вряд ли. Ведь римляне в свое время не убоялись изгнать папу из Рима.

Причина заключалась в примирительной политике магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца, посланного к папе для ведения мирных переговоров? Мы никогда этого не узнаем. Следующее объяснение Фридриха: «Хотя Мы тогда могли всю землю папы покорить без усилий, Мы не переступили границу, желая победить зло добром» — нисколько не проясняет вопроса.

Победитель и побежденный

В последние дни осени 1229 года возникла примечательная ситуация.

Император, с победой возвратившийся из Святой земли со славой освободителя Гроба Господня, выметает папских солдат, оккупировавших его королевство — материковую часть Сицилии, за пределы страны, наводя ужас одним своим именем и жестокостью деяний. У самой границы папского государства победитель останавливается в ожидании.

В Риме да и во всей Западной Европе ждали следующего: папа, находясь в затруднительном положении, снимет отлучение от церкви и интердикт, дабы прийти к приемлемому соглашению с победителем.

Но папа стоял на своем подобно скале Святого Петра, о которую разбивался прибой этих времен. Он не снял отлучения, он не хотел мира. Папа требовал подчинения венценосного сына-императора отеческому всевластию церкви. Более всего его бы устроило смещение Фридриха с трона, но имперские князья не желали отстранить императора, позволявшего им свободно хозяйничать на их территориях и одновременно вести полные

приключений войны в Святой земле.

В конце концов, обоим переговорщикам, магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальца со стороны императора и кардиналу Томасу Капуанскому со стороны папы, после длившихся месяцами переговоров удалось составить мирный договор в Сан-Германо. Прорыв обеспечили имперские князья, заявившие о готовности взять на себя мирное поручительство. Поручителями стали: Леопольд VI, герцог Австрии и Штирии (1198—1230 гг.), маркграф Оттон Меранский (1204—1234 гг.), его брат Бертольд V, патриарх Аквилейский (1218—1251 гг.), архиепископ Зальцбургский Эберхард II (1200—1246 гг.) и епископ Зигфрид Регенсбургский (1227—1246 гг.).

Уже, казалось, побежденный папа уверенно выдвигал свои условия и твердо держался перед императором, невзирая на его преимущественное положение и репутацию победителя. Они состояли в следующем: безусловное восстановление Монтекассино, возмещение убытков и полная амнистия всем сторонникам церкви в королевстве. Возвращение конфискованных Фридрихом владений орденов тамплиеров и иоаннитов. Фридрих выполнил все условия. Папа в ответ постановил вычеркнуть имя Фридриха из списка отлученных, зачитываемого каждый предпасхальный четверг во всех церквях католического мира, — еще не отпущение грехов, но основательное обещание.

До 23 июля 1230 года в дворцовом лагере Чеперано шли переговоры, завершившиеся подписанием договора. В церкви Сан-Германо все поклялись в мире, объявив его общественности. Самые жестокие ограничения Фридриху навязала сицилийская церковь. Он был оттеснен еще ниже границы уступок своей матери, императрицы Констанции, чей конкордат, как мы помним, Фридрих все время пытался нарушить. От права абсолютной свободы выбора епископов, даже от согласительного права, которым еще обладала императрица Констанция, Фридриху пришлось отказаться. Он поклялся оставить неприкосновенным имущество сицилийской церкви, не подвергать служителей церкви светскому суду и предоставить им освобождение от всех налогов.

Каким образом историкам удается трактовать мир в Сан-Германо как триумф дипломатии императора, не поддается никакому разумному объяснению.

Затем летописцы сообщают еще о праздничном действе. В одном из своих знаменитых писем к государям всего мира император постарался представить все произошедшее как свой триумф и, если хотите, как торжество любви:

«Знайте же, что Мы по милости того, кто обращает бурю в дуновение ветерка… в 28-й день прошедшего месяца августа публично и празднично, как и подобает католическому князю, поскольку этого требуют законы церкви, досточтимым посланником апостольского трона, кардиналом-епископом Иоганнесом Сабина, и магистром Томасом, кардиналом-священником церкви Святой Сабины, в присутствии князей и бесконечного количества (людей) различных сословий, ко всеобщему ликованию христианства, были торжественно освобождены от отлучения. Затем… 1 сентября Мы отправились к апостольскому трону и почтительно приблизились к святейшему отцу… господину Григорию. Но он встретил Нас с отеческой любовью и, после того как Мы скрепили святым лобзанием мир в сердцах, сообщил Нам о своих планах столь благосклонно и добросердечно, причем не упоминая о произошедшем ранее, и отдельные вещи обсуждал таким понятным образом, что, невзирая на сильное потрясение от произошедших событий, способное вызвать некоторую злобу, благосклонность, которую Мы почувствовали в нем, успокаивала всякое волнение и освобождало Нашу волю от любого расстройства…»

Если рассматривать мир Сан-Германо, можно забыть о величественных словах, о сыновней любви императора и отеческой любви папы, ведь в политическом смысле Фридриха отбросили в 1220 год, год его коронации. Правда, его осенял блеск иерусалимской короны, но за ней не стояло никакой реальной власти.

Церковь Сицилии полностью вывели из-под его контроля.

Обязательство имперских князей — поручителей о ненарушении Фридрихом мира под угрозой повторного отлучения от церкви сделало более существенной зависимость императора от них и, разумеется, не укрепило его позиции в Германии.

Герман Валь пишет: «Впрочем, Фридрих рассматривал свои клятвы в Чеперано и Сан-Германо от 23 июля 1230 года лишь как единственный выход из сложившегося на тот момент бедственного положения».

Ганс Мартин Шаллер дал весьма элегантную формулировку: «Император смог принять условия, глубоко вторгающиеся в его суверенитет, полагая их неспособными сильно повлиять на возрастающее укрепление государства».

Возможно, Фридрих согласился с тяжелыми условиями с внутренней оговоркой, которую он высказал в письме папе, упомянув отца, Генриха VI: «…Потому что названный император, наш отец, с надеждой на возвращение отдал из государства

многое из того, что должен был сохранить». Или, кратко формулируя: император соглашался на уступки, не собираясь их выполнять. Степень серьезности своих клятв он продемонстрировал, когда передал всех бывших сторонников церкви, воевавших против него и в амнистии которым он поклялся, маршалу Филанджери, отправлявшемуся с войсками в Сирию.

Фридрих возвратился в свое королевство с намерением превратить его в могущественное государство и с помощью наводящих страх германских рыцарей подчинить ломбардские города. Спор между папой и императором перешел, таким образом, в скрытую фазу.

Конституция, принятая в Мелфи

После заключения мира в Сан-Германо император приступил к реализации великой цели — усилению и увеличению полноты своей власти в Королевстве обеих Сицилии путем нового, всеобщего и связующего правового порядка.

Уже в августе 1231 года в замке Мелфи Фридрих объявил перед двором и большим сообществом юристов, объединившихся под руководством Петра ди Винеа, законодательный документ, известный под названием «конституции Мелфи».

Прежде всего королевство разделялось на десять провинций. Во главе каждой из них находился советник юстиции. Они подчинялись двум высшим советникам юстиции, одному из которых был подведомствен остров, а другому — материковая часть Сицилии. Главный придворный советник юстиции ставился над обоими высшими советниками. Он одновременно являлся верховным судьей, начальником государственной канцелярии и управленческого аппарата. На вершине иерархической пирамиды находился абсолютный властелин.

Он глубоко вторгался в частную жизнь подданных, в первую очередь — чиновников. Никто из советников юстиции не мог управлять провинцией, в которой он родился. Ему запрещалось брать в жены женщину из провинции, находящейся под его правлением. Он не имел права приобретать там земельные владения для себя или своих детей, а также совершать частные правовые сделки. Любой подданный мог дважды в год обратиться к королю с жалобой на императорского чиновника. Нарушения закона и коррупция подвергались строгому наказанию.

Германцы видели в Боге начало справедливости. И святой Августин учил: источник справедливости есть Бог. Фридрих дал следующую формулировку: император — «отец и сын правосудия,

ее господин и раб». Роффред ди Беневент (ум. около 1243 г.), законник и канонист, записал: «Дарованной небесной милостью император основывает закон».

Разумеется, Фридрих по примеру норманнских предков взял на вооружение тезис римского права: «Обсуждение приговора, решения и распоряжения императора является святотатством». При современном рассмотрении от подобного заключения захватывает дух. Дед Фридриха, Фридрих Барбаросса, отказался от тезиса о непогрешимости императора. Внук же, следуя традиции римских цезарей, провозгласил себя богоравным.

После обожествления императора последовало обожествление государства. Так закладывался фундамент для создания абсолютистского государства. Становится понятным, почему в новом законе против ересей Фридрих причисляет государственных мятежников к еретикам. Ломбардские города борьбой за свободу положили начало новым формам культуры и цивилизации. Но для императора они являлись не борцами за свободу, а еретиками, которых церковь должна предать анафеме, а государство — объявлять вне закона. Разумеется, как светским, так и религиозным еретикам грозил неумолимый меч светского правосудия.

Закономерно высказывание папы Григория, узнавшего о конституции Мелфи и написавшего императору еще до ее обнародования:

«Ты из собственных побуждений или соблазненный дурным советом погубителей замыслил издать новые законы, неизбежным следствием которых (стало то), что Тебя называют преследователем церкви и ниспровергателем государственной свободы, против которой и против Самого себя Ты, таким образом, всеми своими силами свирепствуешь… По правде, если Ты что-либо определил для этого, Мы опасаемся, что Ты будешь лишен милости Божьей, раз ты так открыто лишаешь себя собственной репутации и славы».

Папа Григорий IX не мог не рассердиться, поскольку тот, кто еще именовал себя послушным сыном церкви, пишет о себе в тридцать первом параграфе конституции: «…На основании сделанного вывода Мы объявляем — Мы получили скипетр империи и правление Королевством обеих Сицилии из рук Господа, без других властителей…»

То есть правление Королевством обеих Сицилии он получил из рук Господа, а не как ленник церкви из рук папы. Спустя всего год после заключения мира в Сан-Германо Фридрих уклоняется от исполнения клятвы и договора.

Но еще худшим являлся момент, вызвавший жалобы Иозефа

Фелтена: «По законам Мелфи церковники во всех патримониальных, имущественных и наследных делах, а вскоре и при принятии духовного поста опять подчинялись светскому суду вопреки обещаниям Фридриха в 1220 году и в мирном договоре Сан-Германо «Privilegium fori»[19] предоставить священнослужителям полную свободу от светского правосудия… Фактически королевская курия могла вынести приговор священнику».

И хотя Фридрих в начале законотворческого произведения, названного им по римскому образцу «Liber augustalis»,[20] устанавливает божественный ход бытия, при практическом политическом применении только своими правами и законом устанавливает он порядок вещей. Права церкви он всегда рассматривает из соображений полезности.

Не только папа отрицательно отреагировал на законы Фридриха, но прежде всего народ Сицилии. Уже в августе 1232 года, когда королевский советник юстиции Рихард Монтенеро хотел ввести конституцию Мелфи в Мессине, там разразилось восстание, распространившееся по королевству. Оно охватило города Катания, Ченторби, Сиракузы и Никосия. Императору пришлось самому выступить с войском против мятежников, являвшихся, по его мнению, еще и еретиками. В апреле 1233 года он победил восставшую Мессину. Амнистию, гарантированную им, он не собирался выполнять. Кого-то из мятежников он приказал повесить, кого-то — сжечь. В июне он отвоевал Ченторби и разрушил его. В Апулии, самой любимой из его земель, восстание бушевало вплоть до 1234 года.

Сицилия, а именно ее островная часть, пережила много правовых систем, привнесенных сюда завоевателями — греками, римлянами, сарацинами, норманнами, Штауфенами и, позднее, домами Анжу и Арагона. Теперь здесь устанавливалась новая законность Штауфенов, без сомнения, прекратившая анархию и укрепившая упорядочивающий деспотизм.

Многие из изданных законов улучшали жизнь людей. Фридрих запретил так называемые божьи суды, которые, по словам императора, «разумнее было бы назвать искушением Господа».

Применяемому до сих пор самосуду положили конец. «Никто не должен полновластно мстить за злодеяние и нападение, или осуществлять меры возмездия, или даже начинать междоусобицы в империи; напротив, он должен перед высшим судебным советом… или перед тем, кому надлежит провести расследование предмета спора, преследовать в судебном порядке свое дело».

Этот закон был, безусловно, благословением, так же как и

отделение фармацевтики от искусства врачевания, освободившее врача от конфликта интересов, когда он давал больному приготовленное им самим лекарство. Устанавливались точные предписания об образовании как для врачей, так и для фармацевтов.

Казначеям Апулии император 8 июня 1231 года отдал следующий приказ: «На всем пространстве вашего управления приказать перенести скотобойни за пределы городов в подходящие места по совету жителей, дабы скотина забивалась и продавалась на скамьях двора, которые наместники прикажут соорудить по распоряжению казначея».

Данный приказ служил не только делу увеличения государственной казны, но и соблюдению гигиенических норм. Из тех же побуждений император приказал дубильщикам и красильщикам не заниматься своим ремеслом вблизи городов и населенных пунктов, чтобы не отравлять воздух, — весьма дальновидная мера.

Но угнетает вмешательство государства в частную жизнь подданных, как указано в части двадцать третьей третьего тома конституции:

«Для сохранения подобающей Нашей короне чести настоящим указом Мы постановляем: никто из графов, баронов или рыцарей или кто-либо другой, владеющий баронатом, крепостью или леном от Нас или от кого-либо, …без Нашего разрешения не смеет жениться, сочетать браком своих дочерей, сестер или племянниц, или каких-либо еще родственниц, на которых он сам может или должен жениться, или передавать своим сыновьям движимое или недвижимое имущество…»

Зловещее сравнение приходит на ум, когда читаешь запрет на браки с иностранцами, изданный в декабре 1233 года в Сиракузах:

«Поскольку Наше наследное государство Сицилия заботится о развитии похвальных обычаев жителей… Мы сожалеем о часто происходящем смешении многих племен народов. Чистоте государства наносится вред из-за чужих обычаев. Так как жители Сицилии смешиваются с сыновьями иноземцев, замутняется чистота людей…»

Исходя из этого, император приказывает:

«…никому из сыновей и дочерей государства не позволяется вступать в брак с иностранцами и рожденными в других странах без специального разрешения. Таким образом, никто из принадлежащих государству не смеет взять в жены дочь иноземца. Те, кто воспротивится этому, будут наказаны лишением всего их имущества».

Под давлением общественного мнения в 1231 году ему пришлось несколько изменить свой приказ в отношении иностранцев, и он постановил следующее: «…из побуждений человечности, исходя из благосклонных соображений, Мы постановили: каждый, кто жаждет безопасности и спокойствия, захочет прийти жить в Наше королевство, для чего Мы его с охотой и радостью приглашаем, после переселения всей его семьи наслаждаться безмятежным счастьем и от полноты Нашей милости даруем освобождение от общественных сборов и взиманий на десять лет».

«Конституции Мелфи» являются последовательным продолжением «Капуанских Ассиз».

Государственная монополия на торговлю расширилась. Государство, то есть король, являлось одновременно и производителем, и торговцем. Торговая и производственная монополии стали более совершенными и организованными.

Подобно тонко сплетенной стальной сети, воля императора легла на страны и народы. Даже дворянство и королевских вассалов тесно привязали к короне:

«После смерти барона или рыцаря, владеющего баронатом или леном, полученным от графа или другого барона, зарегистрированным в земельном кадастре Наших владений, Мы желаем, чтобы о смерти покойного графом или бароном, от которого он имеет вышеназванное, было сообщено Нашему Высочеству, как и что именно и в каком количестве покойный от него имел. Мы желаем, кроме того, чтобы движимое имущество покойного было зарегистрировано вещь за вещью, и приказываем, чтобы это было публично изложено и отослано к Нашему двору, где по Нашему разумению это отпишут тому, кому причитается…»

Если к расширению королевской власти прибавить огосударствление земельной собственности, торговую монополию, поступление судебных пошлин, таможенных денег и штрафов, взимаемый теперь ежегодного подоходный налог, называемый сбором пожертвований, — все это должно было сделать Фридриха очень богатым. Тем не менее фраза «поскольку в Нашей кассе нет денег» становится почти ритуальным штампом в письмах императора в более позднее время. Дед Фридриха, король Рожер II, считавшийся одним из богатейших князей того времени, никогда не взваливал на плечи подданных такого бремени, как его внук. Но и имевшегося приумножения дохода оказалось недостаточным для Фридриха.

Несмотря на все попытки императора преобразовать чиновничество в «орден справедливости», сицилийская

администрация стала одной из самых коррумпированных для своего времени.

Символом коррупции являлся самый высокий чиновник, главный придворный советник юстиции и логофет Петр из Виней, чью жизнь мы рассмотрим позднее более подробно.

Степень подавления граждан путем налогов или ленного права невольно показал сам император, когда написал в завещании: налоги и поборы с населения Сицилии должны быть приведены в состояние времен короля Вильгельма II (1153-1189 гг.).

Конфликты в Германии и ломбардское стремление к свободе

В то время как император укреплял паутину власти в Королевстве обеих Сицилии, в Германии и в Ломбардии возникли проблемы.

Уже десять лет император не был в Германии, и в Ломбардии он не имел сильных необходимых ему позиций. Как только император поднимал вопрос о Ломбардии, то сразу касался болевой точки папы, ведь свобода папского государства была напрямую связана со свободой Ломбардии, остававшейся в определенной степени независимой от императора Штауфена.

Итак, император назначил рейхстаг в Равенне на 1 ноября 1231 года, куда пригласили бургомистров ломбардских городов, влиятельных князей Северной и Центральной Италии, Германии и сына императора, германского короля Генриха (VII).

В ратушах ломбардских городов навострили уши, когда читали приглашение на рейхстаг. И было отчего: «…Знайте же, Мы со всей радостью души и тела прибудем на торжество рейхстага как миротворец с намерением укрепить положение в государстве и прекратить ссоры по совету высочайшего священника, при поддержке князей и с помощью преданных (сторонников)».

Что император подразумевал под словами «укрепить положение в государстве», внимательные ломбардцы ясно видели в Королевстве обеих Сицилии.

Они немедленно, как и в 1226 году, перекрыли альпийские перевалы. Города опять объединились в союз. Фридрих вновь принудил их к единству. Принимая во внимание тот факт, что всего несколько германских князей смогли прибыть к императору в Равенну, рейхстаг перенесли на Рождество. За это время, как надеялся император, князья смогут прибыть в назначенное место по морю через Венецию.

За недели ожидания император приказал раскопать капеллу Галла Плачида (390—450 гг.), почти полностью покрытую галечной осыпью. Так он спас, и мы должны быть ему благодарны за это, уникальную мозаику мавзолея римского императора V века.

Тем временем германские князья прибыли. Часть из них выбрала морской путь, часть преодолела заслоны лиги через тайные тропы. Но один, тот, кого император особенно ждал, не приехал — его сын, король Генрих (VII). Пришел момент

разобраться, что же происходило в Германии.

Сын императора

Согласно приговору истории, король Генрих (VII) представляется легкомысленным молодым человеком, из высокомерия взбунтовавшимся против венценосного отца. Но тень великого отца слишком затемняла справедливое суждение о сыне.

Расхождение между отцом и сыном основывалось на соблюдении сыном прав германского короля, которыми император в рамках своей имперской, направленной на Италию и Сицилию политики был готов поступиться. Уже в 1220 году Фридрих отданной духовным князьям коллективной привилегией, так называемой «Confoederatio cum principibus ecclesiasticis»,[21] то есть передачей прав немецкого короля, купил у духовных князей согласие на выборы королем своего сына Генриха. Генрих Миттайс так комментирует эту сделку: «Он (Фридрих II) хотел создать для сына в Германии марионеточное королевство, тем самым освободив себе руки для установления нового порядка в Сицилии и Италии».

Пока император участвовал в крестовом походе, молодой король Генрих (VII) дал весьма впечатляющее доказательство как своего мужества, так и способности управлять государством. В Регенсбурге, в резиденции баварского герцога, тепло приняли папского легата, стремившегося в союзе с герцогом, занимающим пост имперского регента, произвести смену короля в пользу Вельфа Оттона Люнебургского.

Молодой король вместе с министрами, правителями Найфена и Юстингена, Боландена, Тана и Винтерштеттена, обнаружил: ему противостоит антиштауфеновский заговор, и с войском швабских рыцарей помчался в Баварию. Нападение было настолько внезапным и результативным, что баварский герцог не смог оказать сопротивления и ему пришлось отдать сына в заложники. Папский легат спасся бегством в Страсбург. Королевская рать преследовала его и осадила город.

Но столь быстрое нападение юного короля немедленно вызвало объединение имперских князей, особенно духовного звания. Ясно и настойчиво они потребовали от короля снять осаду с епископского города и распустить швабское войско. Король Генрих (VII), одержавший блестящую победу, чувствующий себя спасителем отца, и его швабские министры были вынуждены уступить княжескому давлению.

С этого момента началась эрозия власти в королевстве

Генриха (VII). При выборах епископа Регенсбурга король опять подчинился воле князей. В отношениях с городами он тоже потерпел неудачу, разрешив нескольким епископским городам Фландрии объединиться в союз против их господ-епископов.

На рейхстаге в Вормсе 1 мая 1231 года князья вынудили короля утвердить основополагающий документ «Statuum in favorem principibum»,[22] по своим уступкам превосходивший даже «Confoederatio cum principibus ecclesiasticis», предоставленную Фридрихом князьям церкви в 1220 году. Сила князей основывалась на осознании своей роли поручителей императора, могущих в любое время использовать его в собственных интересах. А если придется, то и против его сына.

Содержание документа имело статьи, направленные на уменьшение и даже устранение королевской власти. Германская корона отказалась от права возведения оборонительных сооружений (строительства крепостей), от строительства новых городов, а также от устройства новых монетных дворов. Князьям было передано королевское право неприкосновенности. Подарок, в будущем получивший большое значение.

Князья обладали на своих территориях неограниченной судебной властью, нанося тем самым ущерб единству империи внутри самого германского королевства. Право чинить суд и приговор осуществлялось теперь не королем, а любым удельным князем. Таким образом, правосудие в Германии на семь столетий оказалось раздробленным на отличные друг от друга законы земель. Документ был направлен также против городов и их свободолюбивых устремлений. Удельные князья приписали себе полную власть над городами. Несмотря на это, недалек уже был 1254 год, когда семьдесят городов во главе с Майнцем и Вормсом объединятся в Союз рейнских городов, намереваясь сохранить мир в стране, оставшейся без императора.

А в конце 1231 года германские князья встретились с императором. Но его сын, король Генрих (VII), не появился на рейхстаге. Князья же лично явились к императору, нуждавшемуся в их поручительстве, чтобы избавиться от отлучения от церкви и добиться мира в Сан-Германо. Император больше не был свободен в своих решениях. Во-первых, он нуждался в военной силе германских князей для покорения Ломбардии. Во-вторых, приняв их поручительство, Фридрих стал их должником. Ему пришлось утвердить злосчастный Вормсский устав. Такова была цена, и император ее уплатил.

На Пасху 1232 года он созвал новый рейхстаг в Аквилее, куда настоятельно пригласил короля Генриха (VII). В этот раз Генрих последовал приказу отца. Уже перед самым отъездом он признал

Вормсские постановления и подтвердил жителям Вормса все полученные ими от государства привилегии, среди них правомочность образовать городской совет и построить ратушу, тем самым однозначно оскорбив епископа Вормса и принятый там устав.

Недалеко от Аквилеи, в Чивидале, его настиг приказ императора оставаться там до особого распоряжения. Он, вероятно рассчитывавший на похвалу отца, ведь ему удалось уничтожить направленный против императора заговор баварского герцога, подвергся жестокому унижению.

Император гневался на сына. Тот хотел развестись с женой, Маргаритой Австрийской, которая была старше его на семь лет, собираясь жениться на своей юношеской любви, Агнессе Богемской. Неизвестно, то ли дипломатия императора, то ли приказ богемского короля вынудили Агнессу разрешить проблему в духе того времени — она ушла в монастырь.

Молодому королю, которому в Чивидале понадобилось все его терпение, пришлось призвать имперских князей — врагов своего королевства, надеясь через их посредничество вернуть себе императорскую милость.

Генрих послушался приказа и ответил императору полной покорностью, после чего рейхстаг перенесли в Чивидале. Здесь король Генрих (VII) поклялся в присутствии противников-князей блюсти устав, утвержденный императором в пользу князей. В составленной грамоте германский король должен был просить князей обращаться с ним как с бунтовщиком, если он вновь проявит непослушание. Кроме того, Генрих должен был просить папу отлучить его от церкви без всякого предупреждения, если он нарушит принесенные в Чивидале клятвы. Унижение Генриха наносило тяжелейший ущерб сану германского короля.

Удельные власти победили. Права германского короля принесли в жертву ожидаемой победе в Ломбардии.

Даже такой поклонник Фридриха II, как Эрнст Канторович, вынужден был констатировать:

«Чем больше укреплялись удельные княжества, тем меньше приходилось думать о едином германском государстве, и раздробленность Германии продолжалась так долго именно из-за его образа действия: процесс объединения немцев в единое германское государство окончательно расстроил Фридрих II».

Вопреки положению дел не умолкают голоса желающих усмотреть в политике Фридриха II деятельность в пользу единства Германии. Пример непоколебимого восхищения Штауфенами дает Пауль Керн: «Несомненно, даже ведение финансов позволило бы нам ясно понять заботу Штауфенов об

империи, если бы мы обладали информацией по данному вопросу».

«Statuum in favorem principibum» ошибочно рассматривается иногда как германская «Magna Charta». «Великая хартия вольностей», силой полученная английскими баронами в июне 1215 года от короля, являлась договором о контроле королевской власти советом из двадцати пяти баронов. Документ Фридриха стал, по сути дела, передачей и уступкой королевских прав германским князьям и моментом рождения германских удельных государств.

Восстание сына

Штауфенам и присущему им блеску наряду с жестокой политикой власти было свойственно и нечто иррациональное: попытка преодолеть реальность путем ее «невосприятия». Король Генрих (VII) тоже носил на себе это родимое пятно Штауфенов. При последующем рассмотрении возникает впечатление, будто он старался вытеснить из памяти клятвы, данные в Чивидале, и хотел убежать от тяжелой тени отца.

Положение правителей Найфена и Юстингена при швабском королевском дворе не ослабло, а, наоборот, усилилось. При занятии вакантной должности епископа княжескую аристократию обошли. Представители мелкого дворянства Швабии заняли епископские кресла Вормса, Шпейера, Вюрцбурга и Аугсбурга. По назначению королевского совета архиепископа Зальцбурга отстранили в пользу аббата из Сан-Галлена — открытая оппозиция имперским князьям.

Теперь следовало ожидать массивного отпора со стороны князей. Но, как ни странно, в княжеском стане царила тишина. Даже епископ Регенсбургский (1183—1247 гг.), в большей степени бывший канцлером императора, чем короля, вел себя сдержанно и уговаривал архиепископа Майнцского, епископов Бамберга, Хильдесхайма и Оснабрюка сохранять спокойствие.

Молчаливой оппозиции князей пришлось принять во внимание убийство могущественного баварского герцога Людвига I (1183—1231 гг.) одним из ассасинов. Ходили слухи, будто сам император замешан в убийстве, ведь все знали — он связан с «горным старцем» и слепо преданной ему сектой наемных убийц — ассасинов. Даже аббат Альберт из Штаде сообщает в анналах, датируемых 1231 годом: «Герцог Людвиг I Баварский по приказу императора был убит (наемным) убийцей, заколотым на месте при попытке к бегству».

Другие летописцы сообщают, что убийцу схватили, но, даже

под жестокими пытками, он не выдал имени того, кто его нанял. Несмотря на утверждение Альберта, считать этим человеком императора безосновательно.

Во время смуты королю Генриху (VII) удалось лично захватить нового баварского герцога Оттона II (1231 — 1253 гг.). К попыткам укрепления королевской власти можно отнести и нападение на верного императору маркграфа Германа V Баденского (1190— 1243 гг.), а также на преданных императору братьев графов фон Гогенлое.

Но самое большое недовольство, прежде всего со стороны папы, вызвал поступок короля Генриха, в Германии снискавший ему всеобщую симпатию.

В Германии запылало пламя религиозного безумия, и папа поручил борьбу с еретиками хорошо ему известному монаху, Конраду из Марбурга, известному также как исповедник святой Елизаветы. Конрад, слепой фанатик, и его помощники — Конрад Доре и Иоганнес, действовали по принципу, изложенному в анналах Вормса:

«Мы готовы сжечь сотню невинных, если среди них есть хотя бы один виновный. Тут страна задрожала перед ними, и сильные стали безвластными».

Обвиненному в ереси графу Генриху фон Сайну удалось перенести процесс в княжеский суд, где председательствовал король. Здесь алчущий крови монах Конрад мог выступать только как обвинитель, а не как судья и обвинитель в одном лице. Архиепископ Трирский объявил в заключение процесса: «Мой господин король желает отложить рассмотрение дела. Граф Сайн уходит отсюда добрым католиком, ни в чем не уличенным».

Немного позднее несколько рыцарей из свиты графов Дёренбаха и Сайна убили ненавистного инквизитора.

После процесса король стал пользоваться большим уважением в Германии. В этом вопросе его поддерживали еще трое архиепископов с Рейна. Император же, радикально ужесточивший именно законы против еретиков, как и папа, был очень недоволен германским королем.

Поражение

Тем временем оба графа Гогенлое и маркграф Баденский направили жалобу императору Фридриху II. Тот обязал сына восстановить за свой счет поврежденные крепости, отдать взятых заложников и полностью возместить ущерб.

Король Генрих приказал епископу Хильдесхайма составить оправдательное письмо, выставляющее его заслуги во время

крестового похода отца, когда он, внезапно напав на Баварию, расстроил планы папы посадить на трон антикороля. Далее следовало: «Господин отец из-за хвастовства некоторых князей угрожает через святой престол отлучением от церкви, что является пагубным примером, а также противоречит всякому праву, поскольку мы не уличены и не признались в каком-либо преступлении и до сих пор никогда не были приглашены для оправдания».

Летом 1234 года император с шестилетним сыном Конрадом посетил папу, укрывшегося в Риети от восставших римлян. Он попытался организовать общий фронт против союза ломбардских городов. Воспользовавшись удобным случаем, папа дал поручение трирскому архиепископу произвести отлучение от церкви короля Генриха (VII).

Как только при швабском дворе Гогенштауфенов появились слухи о личном приезде императора в Германию, король Генрих потерял способность верно оценивать реальность. В конце сентября 1234 года при поддержке швабских союзников и своих сторонников в городах он созвал придворный совет в Боппарде. На его стороне находились также епископы Аугсбурга, Вюрцбурга и Вормса.

Все это привело к открытому восстанию и отречению короля Германии от императора. Намереваясь придать инциденту международные масштабы, король послал верных сторонников, Ансельма фон Юстингена и Генриха фон Найфена, двадцать лет назад сопровождавших молодого Фридриха к королевскому трону Германии, к врагам империи — ломбардцам. Надеясь перекрыть императору альпийские перевалы, Ансельм фон Юстинген, представляющий короля, признал законность союза городов Ломбардии.

Далее было заявлено: король считает всех врагов ломбардцев своими врагами, тем самым причисляя к ним отца и императора, объявившего Ломбардскую лигу вне закона. Он пообещал освободить союз от всех налогов и выплат. Кроме того, германский король признал независимость ломбардского союза от империи и обращался с ним как с суверенным государством. За это Генрих (VII) получил согласие ломбардцев признать его королем. Тем самым он выпал из правовых норм того времени и становился бунтовщиком и предателем.

Даже папа не мог это санкционировать и высказал порицание ломбардцам. С одной стороны, он еще нуждался в помощи императора против взбунтовавшихся римлян и его действия по отношению к Ломбардской лиге должны были быть сдержанными: требовалось сохранить лигу как потенциального

союзника против императора.

Поэтому наряду с порицанием он дал понять ломбардцам: «Ничего не будет сделано вам во вред, поскольку Мы печемся о вашей пользе».

В то время как Ансельм фон Юстинген заключал в Милане договор, Генрих фон Найфен действовал в Париже. Он сообщил королю Людовику IX Святому (1226—1270 гг.) о предстоящей женитьбе императора Фридриха II на английской принцессе Изабелле, рассчитывая настроить Францию против императора, а еще лучше — добиться союза с королем Генрихом (VII).

Но как императорская, так и папская дипломатия оказалась более искусной. Они уже поставили французского короля в известность о планируемой женитьбе, так что реакции, на которую надеялся Генрих фон Найфен, не последовало. Весной 1235 года папа писал французскому королю: «Мы недавно добились заключения брака между Нашим возлюбленным во Христе сыном Фридрихом… и сестрой светлейшего короля англичан и клятвенно его закрепили. Поскольку, кажется, союз отвечает промыслу Господню, вышеназванному королю поручено в обязательном порядке продвигаться к его заключению. Чтобы Ты не строил по этому (поводу) никаких подозрений, Мы просим и увещеваем Твое высочество… пребывать в уверенности: от Нас и названного короля не произойдет ничего, хотя бы в малейшей степени способного повредить Твоему положению, к тому же император всей душой желает сохранить и укрепить особую дружбу, с давних пор существующую между его и Твоими предками».

Несколькими днями позже император пишет королю Людовику: «Итак, Мы должны по причине таких апостольских увещеваний и просьб… совершить женитьбу, о которой поклялись. При этом Мы настаиваем на постоянстве Нашей любви к Вам, и так как между Нашими и Вашими предками сохранялась взаимная склонность и Мы с Вашими дедом и отцом, светлая им память, состояли в истинной дружбе, Мы хотели бы в Наши счастливые времена сохранить ее нерушимой и с Вами».

Прежде чем поехать в Германию, император подготовил почву, написав германским князьям: «Мы направляем призыв всем князьям, как частям нашей империи, чья сплоченность составляет сиятельное тело империи…»

Потрясающее обращение: каждый князь есть часть сиятельного тела империи, имеет свой пай в империи и государстве. Против такого высказывания прямодушные швабские министры короля не могли устоять. И за клубами императорской похвалы — мастерски прикрытой — Фридрих взывал к

собственническим чувствам и к человеческой продажности, призывая: «Поскольку каждого из вас Мы желаем отблагодарить соответствующими подарками, как Мы намеревались и намереваемся!»

Для того чтобы оказать им почтение, он оставил в Германии сына, которого князья «единодушным выражением своей воли для Нашей чести и милости подняли на королевский трон. По праву он должен был быть обязанным обращаться с Вами со знаками особой любви… Но с болью в сердце Мы заметили: Наша надежда оказалась тщетной… После различных презрении наших приказов и Наших просьб он необдуманно обратился против преданных Нам князей, светочей и лидеров Нашего государства, последовал совету тех, кто из-за непокорности и неблагодарности лишился Нашей милости…»

И тут он замахивается для нанесения завершающего удара: «Поскольку Нам стало известно, что он нападает на зеницу Нашего ока, а именно на князей, не вспоминая обо всех услугах, которые они когда-то великодушно оказывали Нам и ему самому, и не испытывая благодарности, Мы не можем с терпением перенести и не пойти на личную жертву, дабы прибыть в Германию… Он попытался легкомысленным образом и не убоялся, отринув гнев Божий и послушание отцу, совершать ужасные вещи, противные чести Нашего имени, беря в заложники из наших верноподданных, занимая крепости и безрассудно соблазняя людей забыть верность Нам…»

Тут поманили сицилийским золотом, тут князья стали «зеницей ока» императора. Но и это еще не все. Объединяя усилия, папа пишет духовным князьям Германии и призывает их вернуть короля Генриха «с ложной стези преступления умно и действенно на путь справедливости, устранив все преграды и препятствия…»

Папа взмахивает булавой апостольской власти и объявляет: «Поистине Мы решили, дабы усилить воздействие нашей просьбы, тех, кто связан с названным правителем (королем Генрихом) принесенными клятвами, освободить от них, поскольку Мы объявляем их несуществующими».

Император выиграл поход в Германию, не сделав ни одного шага. И совершенно понятным становится тот факт, что он в начале мая 1235 года начал свой марш из Фоджии с небольшой, но необыкновенно роскошной свитой.

В Чивидале его ожидали посланники имперских князей и городов. В середине июня он достиг Регенсбурга. Там он договорился с баварским герцогом Оттоном II (1231—1253 гг.) о помолвке семилетнего сына Конрада с дочерью герцога. Правда,

официальная помолвка состоялась лишь восемь лет спустя.

Летописец из Эбersбаха так рассказывает о сказочном шествии, чей путь пролегал через Германию:

«Он шествовал, как подобает императорскому величеству, со множеством повозок, груженных золотом и серебром, батистом и пурпуром, драгоценными камнями и дорогими предметами, со множеством верблюдов и дромадеров. Большое количество сарацин и эфиопов, обученных многим искусствам, с обезьянами и леопардами охраняли его деньги и сокровища. Так, в окружении большого числа князей и воинов, он дошел до Вимпфена».

Король Генрих (VII), покинутый всеми сторонниками, оказался в политической изоляции. В конце концов он оповестил императорских переговорщиков о готовности подчиниться. Тяжелую службу — быть посредником между отцом и сыном — взял на себя верный Герман фон Зальца.

Император — судья-отец

Период с 25 по 28 января 1077 года можно считать временем самого жестокого унижения германской королевской и императорской власти. Тогда, стоя на заснеженных полях Каноссы, император Генрих IV, босой, одетый во власяницу, молил папу о милости — о снятии с него отлучения от церкви.

И вновь германский король распростерся на земле, у подножия судейского престола верховного правителя. Тот хранил каменное молчание. Король не отваживался подняться. Невыносимая ситуация, бесчестящая германского короля. Сколько продолжалось это унижение — часы, минуты? Этого мы никогда не узнаем.

Мы знаем лишь одно: надругательство над королем было столь велико, что некоторые добросердечные князья, будучи врагами Генриха, сами просили неумолимого отца прекратить оскорбление короля и короны. Лишь после их ходатайства император подал униженному сыну знак подняться.

Куда девалось великодушие Карла Великого, отославшего мятежного сына в монастырь, но не лишившего его достоинства?

Куда девалось самообладание Оттона Великого (936—973 гг.), против которого составил заговор его собственный брат, герцог Генрих Баварский (ум. в 955 г.) и подняли оружие его собственный сын, герцог Людольф Швабский (949—957 гг.), и зять, герцог Конрад Красный (ум. в 955 г.)? Ведь после того как они покорились, король принял их и вернул им свою милость. Более того, они стали опорой короны. Его зять Конрад Красный

Лотарингский пал на поле боя при Лехфельде, где показал себя героем. Сын, герцог Людольф, умер на службе государству в Италии.

Император Фридрих строго судил сына: «Император, глядя в глаза сыну, говорил с ним кратко, тяжелыми и жестокими словами и пришел в такое волнение, что приказал схватить его. «И кто же все твои сторонники?» — прикрикнул он на него, а когда Генрих сообщил все имена, то не получил никакой милости. Его заключили в одну из башен в Вормсе, называемую «Люгинсланд». Затем немилосердный отец услал сына в апулийский застенок. Генрих прибыл в крепость Рокка ди Сан-Феличе в Венозе, вблизи Мелфи, под жестокий арест.

Письмо императора крепостному кастеляну может служить показателем отеческих чувств Фридриха: «Нам стало известно, что Наш сын Генрих, пребывающий в Рокка Сан-Фелйче, одет не так, как должно. Поэтому Мы вверяем твоей верности, по требованию и распоряжению советника юстиции, Нашего верного Томаса …изготовить Нашему сыну подобающую одежду».

Вскоре, видимо, по приказу императора, Генриха препроводили в Никастро, где он оставался до 2 февраля 1242 года. Он не хотел во время переезда показывать сына в таком потрепанном наряде.

Затем последовало новое распоряжение императора «… перевести его в крепость Сан-Марко в Валлеграти. Когда Генрих достиг горы, расположенной между Никастро и Мартирано, он замертво рухнул с лошади на землю. Охранники перенесли его в Мартирано, где он умер и был похоронен в церкви Козенци».

В хрониках Роландини Патавини сообщалось: «Некоторые рассказывают, что он бросился с высоты горы в пропасть вместе с конем, дабы избыть смертью отцовское наказание, другие утверждают — он скончался в мрачной темнице».

Самоубийство германского короля, даже низложенного, никак не укладывается в историческую картину германских историков. Но если кому-то из людей судьба и сулила подобную участь, так это королю Генриху (VII). Его свергли с высоты королевского трона прямо в застенок неумолимого отца, без всякой надежды на милость, и слишком велико было искушение скрыться в милосердной смерти от немилосердного отца.

Сюжет о восстании сына против отца стар, как и сам патриархат. Но не меньшее количество лет насчитывает и история про блудного сына, получившего, возвратясь к отцу, любовь и отчий дом.

Император использовал смерть сына для демонстрации отеческой скорби. Без сомнения, в современном мире масс-медиа

Фридрих мог бы стать знаменитым шоуменом. Послушайте его голос, когда он обращается к сицилийским священникам:

«Мы глубоко оплакиваем судьбу Нашего перворожденного сына Генриха, и природа исторгает поток слез из Нашей души, в которой до сих пор находились боль обиды и твердость справедливости. Вероятно, отцы удивятся, как цезарь, непобедимый явными врагами, может быть побежден семейной болью… Но ведь Мы не первые и не последние, кто страдает от нападений сыновей и тем не менее плачет на их могиле».

Затем император приказывает аббату, чтобы все священнослужители его аббатства совершили торжественную панихиду и с пением мессы поручили бы душу усопшего короля Божьему милосердию. Император также ожидает, что все будут с преданностью разделять его боль и сочувствовать ему.

В послании населению Мессины император показывает еще более высокий уровень мастерства:

«Кто может остановить льющиеся ручьями потоки слез, если вызовет в памяти мудрость такого сына? Какой, даже самый красноречивый язык мог бы описать смелость столь славного короля? Какое перо могло бы описать его великодушие? Горе мне! Так я восклицаю, сын мой! Горе мне! Тот, кого любой враг должен был бояться, тот, который был всеми любим и был радостью для всего земного круга».

Как это следует понимать? Что означают сии восхваления сына? Откуда такая смена декораций?

Фридриха II можно понять, лишь осознав его ощущение себя центром вселенной, лишь постигнув его вознесенное над всем эго, возвышавшееся, подобно водолазному колоколу, над временами и людьми.

Он превозносил сына, заставляя всех почувствовать и оценить отцовскую потерю, страдание и печаль. Таким образом подданные призывались к участию в скорбном плаче, «поскольку величие такого князя требует слез многих (людей), ибо для многих он являлся мечом защиты и победы».

В третьем послании всем подданным по поводу смерти сына император демонстрирует многообразие красок своей политической палитры. Сейчас уже выставляется дурной поступок сына, а также долг императора и отца наказать его: «При смерти сына страдает природа и отеческая любовь заставляет плакать, понуждая забыть об обиде на сына, и даже если злоба лишила сына расположения (к отцу), то она не забирает у отца полную любви благосклонность (к сыну).

Если жажда власти лишила Нашего перворожденного сына Генриха сыновней любви, то уязвленная отеческая любовь все же

не отказывается от отеческого долга. Ибо каждый поступок по своей природе воспринимается не так тяжело от чужих, но, будучи направленным против отца, весит из-за преступления сыновнего благоговения чрезвычайно тяжело, и ничто нельзя извинить отцовской жестокостью и отсутствием любви, если это непочтительным образом направлено против отца… Известное всему миру Наше наказание свершилось, дабы произошедшее стало явным для защиты сыновей от отцов и послужило сыновьям примером».

Итак, теперь нам все понятно. Император подверг сына жестокому наказанию только для создания предостерегающего примера для защиты отцов от бунтующих сыновей.

И вновь император призывает подданных к печали, но центральным моментом является не молодой злосчастный сын, а отец, император, «от смерти перворожденного сына вынужденный испытывать жесточайшую боль, причиной которой стала жестокость смерти, чтобы величина вашей сокрушенности показала, насколько вы склонны Нас любить».

Глубина всеобщей сокрушенности, а не печаль по сыну должна была показать, насколько подданные любят императора.

История пишется победителями. Победителем стал император. Поэтому жестокому осуждению подвергся германский король Генрих (VII). Как светские, так и церковные писатели вторили императору. Генрих (VII) лишь защищал права германской короны и, предвидя будущее, рассматривал развивающиеся города и городские сословия, поднявшиеся до уровня нового рыцарства, как созидательную силу грядущего времени. Генрих Миттайс по праву называет сына императора «высокоодаренным молодым королем».

Таким образом, он выступил против политики императора как германский король, а не как сын. Император видел в германцах лишь военную силу для завоевания государства своей мечты на юге. Грехом Генриха стало его объединение с врагами империи в Ломбардии. Тут он перешел границы дозволенного и поставил себя вне закона.

Но существует и положительное мнение о нем. Тем, что он, опять-таки вопреки отцу, ужесточавшему законы против еретиков, поставил на место инквизитора Конрада Марбургского, требовал справедливого суда и вершил его, он погасил костры инквизиции и спас Германию от безумства сжигания еретиков. Человеколюбивый поступок, явно не в традициях его венценосного отца.

Народ не забыл короля Генриха (VII). Не покидает чувство, что с этим человеком навсегда ушла возможность иной

германской политики. Эпический поэт Ульрих фон Тюрхайм, происходивший из швабского дворянства, чье имя встречается в 1236—1256 годах, передает настроения того времени в стихах:

Смерть короля
Печалит меня,
Лишает радости.
Я говорю о короле Генрихе.

Английский брак

Папы римские, будучи инициаторами первого и второго браков Фридриха, повлияли также на заключение третьего.

Можно ручаться, папы не были плохими советчиками для Фридриха. Первый брак Фридриха с Констанцией Арагонской сулил ему военную мощь, с помощью которой он смог бы осуществить господство в Сицилии. То, что арагонское рыцарство сразу по прибытии на Сицилию пало жертвой эпидемии, невозможно было предвидеть.

Второй брак с Изабеллой (Иолантой) де Бриенн принес императору желанную корону Иерусалима. Третьему же браку с Изабеллой Плантагенет предстояло улучшить отношения Штауфенов с Англией, а во внутренней политике — стать сигналом для окончательного мира с Вельфами.

Общим для всех браков стало то обстоятельство, что папы подыскивали жен для императора в странах, находившихся в вассальной зависимости от него. Надеялись ли папы таким образом укрепить положение сюзерена, связывая императора узами брака с женщинами из своих ленных стран?

Но тень пала на брак английский. Тень заточенного в темницу сына Генриха. Ведь архиепископ Кёльнский, как регент империи, выбрал прекрасную английскую принцессу в жены юному королю Генриху. Однако, следуя отцовскому приказу, Генриху пришлось жениться на дочери австрийского герцога Маргарите Бабенбергской (ум. в 1267г.).

Внешнеполитический риск и возможность нанесения ущерба отношениям с союзной Францией папа устранил, написав письмо королю Людовику IX. В нем он развеял все подозрения о возможной направленности нового брачного союза против Франции. Основная часть данного послания уже процитирована.

Как и в других супружествах Фридриха, папа специальным указом устранил препятствия к браку, заключавшиеся в близком родстве брачующихся. Английский летописец Роджер из Вендовера (ум. в 1236 г.) дает нам наглядное описание свадебного спектакля императора:

«В тот же год (1235) в месяце феврале прибыли два рыцаря Тевтонского ордена, посланные королем Фридрихом, с другими рыцарями и посланниками, среди них Петр из Виней, к королю Англии в Вестминстер, передавшие ему скрепленную золотой печатью грамоту, в которой император просил в жены Изабеллу, сестру короля Генриха II (1216-1272 гг.)».

Далее Роджер рассказывает, как король советовался с

епископами и вельможами, прежде чем в конце концов дать свое согласие. Роджер донес до нас собственные рассуждения, сколь прекрасные, столь и наивные:

«Когда же посланники попросили позволения увидеть принцессу, король послал доверенных людей в башню в Лондоне к своей сестре… Они с благоговением доставили ее в Вестминстер и в присутствии короля представили императорским посланникам находящуюся на двадцать первом году жизни прекрасную принцессу во всей красе девственности и украшенную королевскими одеждами и обхождением. Затем, усладив лицезрением принцессы свой взор, они скрепили от имени императора будущий союз клятвой и поднесли ей обручальное кольцо от имени императора; и после того как они надели его на палец, приветствовали ее как императрицу Священной Римской империи, воскликнув в один голос: «Да здравствует императрица! Да здравствует!»

Разумеется, все условия брачного договора обсудили уже заранее, 15 ноября 1234 года, в том числе и утренний дар будущей императрице:

«Названному судье Мы даруем полномочия и даем ему особый приказ передать госпоже от Нашего имени в качестве утреннего дара в собственность: Вал Мадзара с городами, крепостями и земельными угодьями, обрабатываемыми и необрабатываемыми землями, водными потоками и всем принадлежащим, а также владычество над Монте Сан-Анджело, со всеми городами, крепостями и деревнями, владениями, обрабатываемыми и необрабатываемыми землями, водными потоками и всем принадлежащим, как оба дара, которыми неоспоримо владели другие королевы Сицилии».

Если утренний дар императора Фридриха II сравнить с даром императора Оттона II (961—983 гг.) своей жене, императрице Феофано (ум. в 991 г.), то Штауфен будет выглядеть скуповатым.

Невеста же принесла в приданое супругу-императору тридцать тысяч марок серебром, что составляло шесть тысяч девятьсот девятнадцать килограммов серебра.

Роджер повествует о прощании Изабеллы с Англией и с братом-королем. В сопровождении архиепископа Генриха Кёльнского она взошла на судно и три дня спустя прибыла в Антверпен, во владения императора. Встреча императрицы в Кёльне стала, должно быть, особенно сердечной. Роджер сообщает:

«Когда пришло известие о ее приближении, навстречу ей вышли десять тысяч горожан с цветами и пальмовыми ветвями. Прибыли также особенно устроенные произведения искусства:

суда, которые, казалось, плыли по суше, а на самом деле их тащили спрятанные, укрытые шелком лошади. (Стоя) на этих кораблях, священники играли на благозвучных инструментах на радость слушателям прелестные мелодии». (Как видно, карнавальное шествие в Кёльне имеет славные традиции.)

«Бурно выражая радость, они провели императрицу по украшенным в честь ее приезда главным улицам города. Когда та заметила, что все, а в особенности благородные матроны, сидящие на возвышениях, хотели бы видеть ее лик, она сняла шляпу с вуалью, позволяя всем беспрепятственно ее разглядеть. За это Изабеллу похвалили немало, насладились ее видом и высочайшим образом оценили и ее красоту, и ее снисходительность».

Шесть недель Изабелле пришлось ждать в Кёльне, пока архиепископ Кёльнский и епископ Экстерский не сопроводили ее с большой свитой к Фридриху. 15 июля 1235 года в Вормсе состоялась блестящая свадьба. Роджер из Вендовера с гордостью сообщает:

«На праздновании бракосочетания императрицы Изабеллы, сестры английского короля, в Майнце и в Вормсе присутствовали четыре короля, одиннадцать герцогов и тридцать графов и маркграфов, не считая князей церкви. Но в первую ночь, когда император спал с ней, он не захотел познать ее телесно, пока астролог не указал ему подходящий час».

Оказывается, рациональный и называемый «первым» современным человеком на троне император разделял некоторые заблуждения своего времени.

Обратимся еще раз к повествованию Роджера: «После того как половое сношение совершилось ранним утром, он отдал ее, словно беременную, под тщательный присмотр со словами: «Береги себя, ибо ты приняла мальчика».

«Мальчика» назвали Маргаритой, она родилась в конце 1236 года.

Роджер заканчивает рассказ о свадьбе словами: «После свадьбы, празднуемой три дня подряд, епископ Экстера и остальные, прибывшие с императрицей, получили у императора разрешение удалиться и, исполненные радости, возвратились в Англию… Затем почти всех людей обоего пола, воспитанных при дворе императрицы на ее родине, отослали обратно, а император передал жену под присмотр многочисленных мавританских евнухов и им подобных старых чудовищ».

Другой источник сообщает: «Своих трех жен он держал запертыми в лабиринте Гоморры, почти невидимыми и далеко от глаз детей; узость темницы настолько угнетала их, что смерть

была для них блаженством, а жизнь — мукой».

Наконец пришел момент рассмотреть отношение императора к женщинам.

Фридрих II и его женщины

Напомним себе прописную истину: человек может отдать лишь то, что получил. Если он не получил любви, он не может дать ее другим.

Фридрих родился 26 декабря 1194 года. Его мать, императрица Констанция, отдала ребенка на воспитание герцогине Сполето, происходившей из швабской дворянской семьи. Ровно через три года, в 1197 году, после смерти отца-императора, мальчика привезли в Палермо. Год спустя, когда 27 ноября 1198 года умерла его мать, четырехлетний мальчик остался один. Мать, императрица Констанция, приказала доставить маленького сына из герцогского дворца в Фолиньяно к королевскому двору отнюдь не из эмоциональных соображений: ему предстояла коронация на престол Королевства обеих Сицилии для обеспечения преемственности престола.

Как может мужчина, находящийся в полной эмоциональной изоляции, научиться относиться к противоположному полу с любовью? В последующие годы Фридрих проведет свой знаменитый опыт с новорожденными. Няням, приставленным к ним, запрещалось с ними разговаривать и ласково обходиться.

Фридрих хотел узнать, на каком языке ребенок начнет говорить, если вырастет без собеседника. Он хотел услышать праязык человечества, будет ли то еврейский, латинский, греческий или какой-то неизвестный язык? Никакого языка не было услышано: дети умерли без общения и ласки.

Удивительное начинание Фридриха II кажется чудовищной попыткой исследовать вакуум любви, одиночество собственного детства.

Разумеется, его не обрекли на камеру безмолвия. При нем находились учитель, Вильгельм Францизиус, еще какие-то сарацинские ученые, пробудившие в нем любовь к исламской культуре. Но кто беседовал с ним о таинстве человеческой любви? Нежнейшие человеческие отношения ему, вероятно, преподавали солдаты Маркварда фон Анвейлера или Вильгельма Каппароне?

Намного проще, особенно если располагаешь абсолютной властью, оставить женщин под охраной евнухов, как поступают мусульмане, по мере надобности удовлетворяя естественные потребности.

Несмотря на любовную лирику миннезингеров, мужчина XIII века держался на большом расстоянии от женщины. Даже такой светлый ум, как сам Фома Аквинский (около 1225—1274гг.), писал в «Summa Theologica»[23]: «Женщине необходимо вести жизнь, как сказано в Писании, помощницы мужчины, но как помощницы ни в каком другом деле (кроме как) при деторождении, как утверждают некоторые, потому что в любом другом деле мужчина найдет лучшую помощь у другого мужчины, чем у женщины, но (она необходима) как помощница в деле деторождения».

В то время как при европейских дворах расцветала любовная лирика трубадуров, прославляющая женщин, в поэтическом кружке при дворе Фридриха не возникло ни одной песни в честь какой-либо из императриц. Именно император находился в центре всего, нет, он не находился в центре, он и являлся центром всего.

Он стал одним из основателей сицилийской поэтической школы, о которой великий Данте Алигьери сказал: «И поскольку королевский трон находился в Сицилии, все, что наши предшественники принесли в народный язык, нужно назвать сицилийским».

Из поэтических творений императора да нас дошли только три канцоны, одна строфа представлена здесь. Мрачная песня посвящена прекрасной восточной женщине, кузине второй жены Фридриха Изабеллы (Иоланты) де Бриенн, той самой кузине, с которой он изменил жене в первую брачную ночь:

К цветку из сирийского края,
Направься, о песня моя,
И скажи той, что сердце пленила,
Чтобы она с любезностью и
Любовью вспоминала
Того, кто всем ей услужить готов,
А теперь страдает от любовной тоски,
Не исполнив всего, что она повелела!
И проси ее в благосклонной доброте
Сберечь для меня свое сердце!

Эрнст Канторович констатирует: «Даже видимостью семейственности и душевности не обладал сей монарх, охотнее показывавшийся с сарацинскими красавицами, чем с законными супругами, так что английский король сердился, когда

императрица в течение нескольких лет ни разу не появилась на публике в короне».

Но Фридрих скорее всего не старался сознательно избежать видимости душевности, просто его душевные качества не развились в пору юности. Поэтому он заключал жен, все-таки перед Богом и законом имевших на него какие-то права, в золотые клетки сарацинских женских покоев.

Лишь к первой жене, Констанции Арагонской, он, как представляется, испытывал более глубокое чувство. Констанция в возрасте двадцати пяти лет вышла замуж за пятнадцатилетнего Фридриха ив 1211 году родила ему наследника, сына Генриха (VII). Может быть, Констанции, вдове венгерского короля Имре (1196—1204 гг.), имеющей больший супружеский и жизненный опыт, удалось проявить к юному королю глубокое, отчасти, вероятно, материнское чувство?

Это очень похоже на правду. Покойной супруге он оказал такие почести, как никому после нее. Фридрих приказал похоронить ее в императорской гробнице в Палермо, там, где были упокоены его мать, императрица Констанция, и его отец, император Генрих VI. Двух других супруг, Изабеллу (Иоланту) де Бриенн и Изабеллу Английскую, похоронили в соборе в Андрии. Если даже принять во внимание, что могилы обеих императриц тогда не были в нынешнем печальном состоянии, то все равно маленькая крипта собора в Андрии не является подходящим местом для погребения императриц.

Кроме того, Фридрих II почтил супругу Констанцию весьма значительным символом: положил ей в могилу свою собственную корону.

Эмоциональное отчуждение от двух других жен поражает. До Фридриха императоры упоминались вместе с супругами в качестве издателей во всех грамотах. Так было с императором Оттоном II и его супругой Феофано, императором Генрихом II (1002—1024 гг.) и его женой Кунигундой из Лютцельбурга (ум. в 1033 г.), императором Фридрихом Барбароссой и его женой Беатрисой Бургундской. Да еще отец Фридриха II, Генрих VI, и его жена Констанция вместе названы в грамотах об учреждениях и предоставлениях. При Фридрихе II традиция правителей представлять императора и императрицу как нечто единое исчезает.

Правда, существовали и особенные любовные отношения, как, например, с маркграфиней Бианкой Ланчия (1210—1235гг.); ее связь с императором началась в 1227 году. Очевидно, в данном случае речь шла о глубокой связи: в годах с 1227 по 1234-й, когда он с ней жил, нет достоверных сведений об отношениях с

другими женщинами. Между 1233 и 1234 годами император заключил с Бианкой брак «articulo mortis»,[24] призванный узаконить детей от этой связи: Констанцию, впоследствии императрицу Никеи, Манфреда, впоследствии короля Сицилии, и еще одну дочь, Виоланту, впоследствии графиню Казерта. Брак, заключенный незадолго до кончины Бианки, свершился из соображений полезности: императору крайне важно иметь большое число потомков, обладающих правом наследования трона.

Нам известно о еще совсем ранней его связи с дочерью сицилийского графа: в 1212 году она родила Фридриху II сына по имени Фридрих Петторано. Но тот не снискал ни расположения, ни любви отца, незаконно лишившего сына значительного материнского наследства. Среди женщин, находившихся в любовных отношениях с императором, мы встречаем швабскую аристократку по имени Адельхайд, в которой подозреваем дочь Конрада фон Урслингена, герцога Сполето. Она наверняка являлась одной из дочерей герцогской пары Урслинген — Сполето, в чьей семье Фридрих провел первые три года своей жизни.

Он находил себе подруг в семейном кругу своей ранней юности, не щадя и окружавшее его придворное общество. Манна, племянница архиепископа Мессинского, забеременела от него и родила сына, графа Рихарда ди Теате, ставшего впоследствии генеральным викарием марки и Сполето.

Сын от подруги по детским играм Адельхайд из дома Урслингенов, Хайнц, позднее король Энцио, был особенно люб сердцу отца.

От связи с Марией (Матильдой) Антиохийской остался сын Фридрих Антиохийский; позднее мы встречаем его как генерального викария марки, а также Тосканы, Подесты и Флоренции.

Дом маркграфов Ланчия Фридрих осчастливил дважды. До связи с Бианкой Ланчия он имел отношения с одной из ее родственниц, возможно, с одной из сестер Бианки. Она родила ему дочь Сельваджию, вышедшую замуж за тирана Эццелино ди Романо.

Вспомним также, как в Бриндизи в ноябре 1225 года, в брачную ночь, он соблазнил одну из родственниц или сопровождающих дам своей жены Изабеллы (Иоланты) де Бриенн. Она родила дочь Бианкафиоре (Бланшфлер), жившую и умершую монахиней-доминиканкой.

Из сицилийских преданий нам известно имя Рутины (Рукины) де Вольвезользен, скорее всего эта же женщина звалась Рикиной

фон Вольфсёден; она родила ему дочь Маргариту. Маргарита вышла замуж за Фому ди Аквино, графа Ачерра, родственника святого Фомы Аквинского.

Всплывают имена и других детей — Герарда, Иорданеса (Джордано), Эммы и Иоанны, чьи матери неизвестны. Но возможно, это имена мертворожденных детей от законных браков.

Однако сексуальные устремления Штауфена не ограничивались отношениями с вышеперечисленными женщинами, происходившими из благородного сословия. Имели место и мимолетные встречи; вспомним также его интерес к прекрасным сарацинкам из Лючеры.

Забавно читать, как император в письмах требует от сыновей, Генриха (VII) и Конрада VI, блюсти добродетель и нравственность.

Прежде чем покинуть Германию в 1236 году, император оказал особые почести одной женщине: святой Елизавете Тюрингской, покойной жене его родственника, ландграфа Людвига IV Тюрингского, умершего в крестовом походе близ Отранто. Он присутствовал при канонизации святой и почтил ее останки собственной короной. Участие Фридриха удостоверено его собственным письмом к генералу ордена францисканцев.

Какую цель преследовал Фридрих, преклоняясь перед святой женщиной? Принимая во внимание события его жизни, в благочестие императора поверить трудно. Скорее всего объяснять поведение Фридриха следует политическими и утилитарными мотивами.

Он хотел прилюдно показать себя в образе доброго католического князя перед предстоящим ему военным походом против Ломбардии, зная наверняка — война принесет ему значительные осложнения в отношениях с папой и церковью.

Майнцский всеобщий мир 1235 года

15 августа 1235 года Фридрих провел блестящее мероприятие: рейхстаг в Майнце, где объявил мир по всей империи.

Еще были свежи воспоминания об императорском придворном совете Фридриха Барбароссы в Майнце в 1184 году. Там император праздновал посвящение в рыцари сыновей, короля Генриха и герцога Фридриха, на «празднике несравненных». Событие, ставшее блестящей демонстрацией средневекового рыцарского сословия.

Четыре года спустя, в 1188 году, и опять в Майнце император Фридрих Барбаросса показал широту и размах рыцарского мира, его готовность взять в руки крест, чтобы как «miles Christi»[25] освободить Святую землю. «Советом Иисуса Христа» назвали тот день, когда германское рыцарство приветствовало крестовый поход.

На придворном совете императора Фридриха II в 1235 году в центре внимания находился его бог — закон. Фридрих провозгласил мир по всей империи.

Закон о мире Фридрих начал с оправдания жестокого приговора сыну Генриху (VII). Свою собственную растерянность он оформил в виде закона. В этом человеке все становилось публичным, не было абсолютно ничего личного, чего он не поднял бы до уровня государственного документа. Будь то соитие с законной супругой — «цезарь производит сына» или смерть упрятанных в сарацинских женских покоях жен — все становилось спектаклем. Послушаем же речь Фридриха о мире в империи: «Если какой-нибудь сын изгоняет отца из его замка или другого владения, или сжигает и грабит, или присягает против своего отца его врагам, посягая на его честь, или разоряет отца… (такой) сын должен лишиться и собственности, и жизни, и движимого имущества, и всего наследного имущества отца и матери на вечные времена, чтобы ни судья, ни отец не могли ему помочь». И еще раз император подтверждает: «…Сын, покушавшийся на жизнь отца или преступно на него нападавший…» Мы приводим формулу проклятия на средневерхненемецком: «…тот самый (сын) становится бесправным на вечные времена, так чтобы он никогда не смог вновь получить права».

Самым важным в Майнцском всеобщем мире является не столько его содержание, сколько то, что впервые в истории закон был провозглашен и письменно изложен на немецком языке.

Император совершил для Германии один из важнейших поступков за время своего правления. Раз немецкий язык стал применяться в государственных документах самого высокого уровня, его развитие получило решающий импульс. Заслуга Фридриха, значение которой нельзя умалить. В действительности язык намного в большей степени, чем закон, формирует, объединяет и образовывает народ. Только через общий язык народ сможет в определенный момент сформировать общую волю.

Если исследовать двадцать девять статей указа о мире, то вскоре начинаешь понимать: закон соответствует мышлению Фридриха. Император уточняет права, переданные им князьям в 1220 году в «Confoederatio cum principibus ecclesiasticis» («Конфедерация на основе церковных законов») и в 1230/31 году в «Statuum in favorem principibum» («Государство на основе законов»). С тех пор правосудие находилось во власти князей.

И какой же прок в создании им должности имперского придворного советника юстиции, выносящего приговор как заместитель императора? Он должен был быть образованным юристом и свободнорожденным мирянином и отвечать собственной жизнью за несправедливый суд. Поскольку правители земель, «получившие право судить непосредственно от Нас», не подчинялись этому верховному судье, от помпезной должности не осталось ни слуху ни духу.

Король говорит о таможне, о монетах, о передвижении по королевству. Он пытается представить все таким образом, будто именно он является источником этих прав, все продолжает находиться в его компетенции, он лишь делегировал данные права князьям для исполнения. Но в реальности не приходилось и думать о посягательстве на права удельных правителей или об их ущемлении, ведь императору требовалось заручиться от них клятвой выполнить воинскую повинность в Италии и помочь ему задушить свободу ломбардских городов.

В послании к папе, которое можно назвать письменным признанием, он взывает к миру: «Италия — мое наследство! Весь мир это знает. Вложить все силы в дальние страны и упустить из-за этого свою собственность было бы нечестолюбиво и глупо одновременно, когда высокомерие итальянцев, и в особенности миланцев, оскорбительно бросило Мне вызов, в то время как они ни малейшим образом не оказывают Мне должного благоговения».

Вот что подгоняет его — Италия, его наследство!

Но ему необходимо согласие германских князей. Стремясь заслужить одобрение князей, «зениц его ока», он приносит им

новые жертвы.

Рейхстаг послужил замечательным поводом для окончательного примирения между Вельфами и Штауфенами, между Вельфом и Вайблингом. Внук Генриха Льва, устоявший в свое время перед предложением папы сделаться альтернативным королем, склонил колени перед Фридрихом II, внуком великого Фридриха Барбароссы, когда-то уничтожившего герцогский дом Вельфов, и пред распятием вложил руку в руку императора и поклялся ему в верности.

Рукопожатие с правителем являлось древним германским обычаем. После этого жеста, «1ппшхгю тапит», Вельф Оттон стал вассалом императора и принял из его рук знамя своего нового герцогства, Брауншвейг-Люнебургского, отданного ему как наследный лен. Событие показалось Фридриху настолько важным, что он приказал: «День сей должен быть занесен во все анналы империи, ибо империя увеличилась на одно герцогство».

Затем император взял с имперских князей клятву об участии в военном походе против Италии. На другой день архиепископ Майнцский устроил в соборе торжественную мессу, в которой принимал участие император, надевший на церемонию корону. После этого император отпраздновал с князьями и двенадцатью тысячами (?) рыцарей последний великий рейхстаг на германской земле.

Зиму он провел в своей эльзасской резиденции, самой любимой из наследных германских земель. Солнечным холмистым ландшафтом она напоминала ему далекую Апулию.

Вместе с ним находилась и юная императрица Изабелла. Еще одна женщина появляется в его окружении. Адельхайд, девица из швабского аристократического рода, подруга дней его юности. Она привезла их ребенка, мальчика Энцио. Императора очаровал сын, точная копия отца, и он оставил его при себе. Фридрих желал более никогда не расставаться с ним. Но злая судьба все же разлучила их.

Той зимой в Эльзасе Фридрих развил бурную политическую деятельность: ему необходимо было вернуть доверие швабской знати, ведь в свое время она встала на сторону его сына. Он обращался с бывшими сторонниками сына с великодушием, совсем не так, как привык поступать с противниками на Сицилии, и ему удалось вернуть их послушание. Даже епископа Ландульфа Вормсского и Ансельма фон Юстингена не обошла королевская милость. Только Генрих фон Найффен сбежал в Вену, ко двору Бабенберга. Австрийский герцог оказался единственным имперским князем, не явившимся в Майнц, он игнорировал и прошлые приглашения. Генрих фон Найффен определенно сделал

все возможное, чтобы отвратить герцога Бабенбергского от императора.

Из дней, проведенных в Эльзасе, до нас дошел случай, характеризующий Фридриха как терпимого правителя, каким его любит представлять немецкая историческая наука.

В Фульде и ее окрестностях разразились еврейские погромы. Евреев обвиняли в совершении ритуального убийства двоих христианских мальчиков. Евреи и христиане в поисках правосудия появились в Хагенау. Христиане в качестве доказательства принесли два полуразложившихся тела. Император изрек: «Раз они мертвы, идите и похороните их. Для чего-либо другого они не годятся». Император, еще на Сицилии знавший евреев и их обычаи, объявил их невиновными.

Но затем император приказал провести подробное расследование произошедшего. Поначалу он обратился за приговором к духовным и светским князьям:

«Они, исповедуя различную веру, высказывали различные мнения… Так мы предвидели из тайных глубин Нашего знания, что лучше было бы принять меры против обвиняемых в преступлении евреев через евреев, принявших христианство. Они, будучи противниками (евреев), не скрыли бы, что они могли бы знать против них из Пятикнижия или с помощью книг Ветхого Завета. Хотя Наша мудрость благодаря знакомству с многими книгами, благоразумно полагает очевидной невиновность названных евреев, Мы, к удовлетворению не только необразованного народа, но и закона, по Нашему дальновидному благому решению и в согласии с князьями, вельможами, дворянами, аббатами и духовенством отослали после случившегося специальных послов ко всем королям западных стран, через которых Мы вызвали к себе из их королевств опытных в еврейском законе новообращенных в возможно большем количестве».

Король Генрих Английский ответил сразу, заявив о своей готовности помочь. Можно сказать, имела место всеобщая готовность к сотрудничеству. Так состоялась первая общеевропейская комиссия, констатировавшая следующее: в писаниях иудеев не нашлось никакого побуждения к ритуальным убийствам, более того, талмуд и тора устанавливают строгое наказание даже за кровавое жертвоприношение животных.

Исходя из этого, император распорядился запретить в будущем подобные обвинения евреев по всей империи.

Ненадежный союз с имперскими князьями

Клятва имперских князей на рейхстаге в Майнце создала обманчивую иллюзию единства и сплоченности. Если бы Фридрих внимательно проанализировал результат уступок имперским князьям, то получилась бы такая картина: новому герцогу Брауншвейг-Люнебургскому ему пришлось бы предоставить отсрочку уже в Майнце, с тем чтобы он привел в порядок дела в своем новом герцогстве. От баварского и богемского войска он вынужденно отказался, поскольку их нужно было использовать для восстановления прав империи от мятежного австрийца Фридриха Строптивого. Люди с северо-запада во главе с архиепископом Кёльнским вымогали у императора разрешение не участвовать в итальянском походе, ссылаясь на освобождение герцога Брауншвейг-Люнебургского. Итак, императору оставались только швабы, обреченные всегда нести главное бремя войн и мечты Штауфенов.

Странно, но тот же самый император, на Сицилии вопреки воле дворянства создавший сильное централизованное государство, называемое тиранией, в Германии всегда проводил политику полумер и довольствовался лишь обманчивыми иллюзиями.

Итальянский поход

Итак, широко разрекламированный поход, призванный вынудить Италию к «осуществлению прав империи», на деле оказался неприметной военной кампанией.

С тысячей швабских рыцарей летом 1236 года Фридрих вступил в Италию и к августу достиг предместий Вероны, удерживаемой Гебхардом фон Арнштайном с пятью сотнями всадников и сотней стрелков.

Папа Григорий с большой озабоченностью воспринял известие о громкой клятве германских князей о покорении мятежной Ломбардии. С одной стороны, Ломбардия действительно попрала права империи, когда вступила в союз с молодым королем Генрихом (VII) против императора, за что император и объявил ее вне закона. С другой стороны, папа Григорий подверг Генриха церковному наказанию за нарушение клятвы, данной в Чивидале. Папа отлучил сына императора от церкви и поэтому не мог открыто одобрять действия союзников Генриха. Но и победа императора над Ломбардией не входила в его планы, так как в данном случае папскому государству угрожала бы вся мощь империи Штауфена, как с севера, так и с юга. Положение папы опустилось бы до уровня имперского епископа, а Рим стал бы имперским городом. Мы еще

познакомимся с заявлениями Фридриха на эту тему.

В курии не достигли единогласия. Главные придворные судьи, Петр ди Винеа и Таддеус Суесский, поспешившие в Рим с поручением от императора, знали: некоторые члены курии, на которых было нетрудно повлиять, — такие как кардинал Колонна и генуэзец кардинал Синибальдо Фиески, — придерживались мнения, что для папы было бы лучше добиться приемлемого мира между императором и Ломбардской лигой, чем, держа камень за пазухой, делать лигу орудием против императора.

Император тоже находился в достаточно уязвимом положении. Великое имперское войско, о котором все торжественно поклялись в Майнце, уменьшилось до тысячи всадников. Впрочем, он получил подмогу от Эццелино ди Романо, да еще некоторые верные императору города прислали подкрепление, но все же император осознавал свою военную слабость. Он послал верного Германа фон Зальца в Рим, где тот огласил весьма основательное предложение. Ломбардии предлагалось выдать в качестве залога тридцать тысяч серебряных марок, а в случае будущего мятежа ей грозили еще одно объявление вне закона и новая анафема.

Папе, разумеется, не удалась роль посредника, поскольку он сам не желал примирения.

Города Ломбардии, естественно, потребовали соблюдения прав, предоставленных им Фридрихом Барбароссой при заключении Констанцского мира. Несмотря на признание верховной власти императора, они жили самостоятельными муниципальными автономиями с собственным судопроизводством, самоуправлением, таможенными и налоговыми органами и войсками, обладающими достаточно высокой ударной мощью. И теперь само существование городов-государств могло быть поставлено под угрозу, если бы императору удалось добиться «возобновления имперских прав».

Запланированные Фридрихом рейхстаги в Пьяченце и позднее в Кремоне так и не состоялись.

Широко объявленное «установление имперских прав» раскололось на отдельные единичные акции. Правда, с помощью Эццелино ди Романо императору удалось взять город Верону, марку Тревизо и стратегически важные дороги в Кремону, но в действительности его войска оставались слишком слабыми, чтобы одержать впечатляющую победу над ломбардским войском.

Поздней осенью, пока снег не закрыл перевалы, император, сделав определенный вывод из создавшейся ситуации, покинул Ломбардию. Он принял решение вторгнуться в мятежную Австрию, намереваясь, во-первых, усмирить бунтовщика

Фридриха Строптивого, а во-вторых, набрать пополнение из освобожденных богемцев и баварцев и в будущем году вновь вернуться в Ломбардию.

Выборы короля Конрада IV в Вене в 1236 году

Когда император Фридрих II прибыл в Австрию, победа была уже добыта баварским и богемским оружием. Но даже в победе чувствовалось нечто мимолетное, преходящее. Правда, Фридрих одолел строптивого австрийца, но тот еще оставался несломленным и удерживал важные позиции.

В Вене шла большая политическая игра. Императору требовалось закрыть династический вакуум, образовавшийся после низложения его сына Генриха (VII). Поэтому собравшиеся князья избрали девятилетнего Конрада королем и одновременно наследником императорского трона.

Затем император вернул империи герцогство Австрию, как закончившийся лен, что уже в течение нескольких столетий было невозможно сделать. Восторг немецких историков омрачается при мысли о том, что «сей государственный акт вынужденной смелости, — как выразился Рудольф Валь, — явился настоящим нарушением закона». Фридрих Барбаросса, наделяя бабенбергский дом Австрией в 1156 году, поскольку тот мирно отказался от Баварии в пользу Вельфа Генриха Льва, записал в четвертом параграфе «Privilegium minus»[26]: «Не умаляя ни чести, ни славы Нашего возлюбленного дяди, по совету и приговору князей, объявленному герцогом Владиславом Богемским при согласии всех князей, маркграфство Австрийское становится герцогством, и это герцогство передается в лен Нашему возлюбленному дяде Генриху и его досточтимой супруге Феодоре и на все времена закрепляется законом, дабы они сами и после них их дети, как сыновья, так и дочери, владели упомянутым герцогством по праву наследования от короля».

Если бы Фридрих II придерживался законов империи, принятых его дедом Фридрихом I, то герцогство досталось бы его внуку, поскольку жена его сына, Маргарита Бабенбергская, ушла в монастырь и была исключена из престолонаследия.

Город Вену на вечные времена провозгласили свободным имперским городом, но все перемены длились недолго.

Спустя несколько лет Фридрих Строптивый опять правил в наследном герцогстве Австрия, как, собственно, и предписывалось его правами и законом. Здесь, в Вене, Фридрих установил отношения с неким купцом, Петером Баумом, с которым впоследствии совершал срочные сделки по зерну.

Император назначил на весну 1237 года рейхстаг в Шпейере, рассчитывая закрепить на древней земле франков избрание его сына Конрада, уже состоявшееся в Вене. Архиепископ Майнцский, Зигфрид фон Эппштайн, назначался опекуном Конрада и государственным регентом. Подготовка ко второму походу в Ломбардию шла энергично. Летом 1237 года большое войско собралось на Лехфельде перед отправкой в Италию.

Опять император оставлял маленького мальчика, которому суждено было стать королем Германии. Власть юного короля стала более ограниченной, что явствует из его указов, где записано: «Именем нашего повелителя и отца» или даже: «Именем представляемой нами императорской власти».

Как ослабленная королевская власть могла противостоять нашествию монголов 1241 года, как того требуют от короля Конрада IV его критики?

Битва при Кортенуова и блестящий триумф

Между тем германские новобранцы собрались на судьбоносной для немцев земле, у реки Лех. Папа, понимая опасность военной силы императора, еще раз попытался протянуть время с помощью переговоров.

Поддержку он нашел в магистре Тевтонского ордена Германе фон Зальца. Герман почти любой ценой старался предотвратить окончательный разрыв между двумя главными силами Средневековья — папой и императором. Он осознавал: одна власть могла победить другую только ценой потери своего положения в мире.

Переговоры сорвала Венеция, хотя Ломбардская лига уже пошла на большие уступки. Победа верного Эццелино ди Романо в марке Тревизо показалась надменной морской купеческой республике опасным вторжением в сферу ее власти. Нельзя забывать, что в Пьяченце правил венецианский подеста (мэр), как и в Милане, где эту должность занимал сын венецианского дожа, Пьетро Тьеполо. Предложение о переговорах блокировалось отказом Пьяченцы, организованным из Венеции.

Разочарованный Герман фон Зальца отправился в Салерно исцелять свои недуги. Через полтора года он умер. Кроме успешной деятельности доверенного посредника между императором и курией, он добился, согласно Золотой булле Римини, составленной императором, правления Тевтонского ордена над Пруссией — самый важный поступок, по-видимому, Фридриха для будущей истории Германии.

Немецкое воинство императора десять дней маршировало до Вероны. Но они шагали не под знаком креста: на их знаменах красовался древний римский символ — орел. В Вероне наготове стояли семь тысяч сарацинских лучников и новобранцы из марки Тревизо. К ним присоединились,войска из верных императору городов — Кремоны, Пармы, Реджио и Молены.

Пораженная военной мощью, Мантуя открыла ворота и сдалась императору. Затем император обратился к Брешии и потребовал сдачи города. Он не мог продвинуться к Брешии, поскольку расположенная перед городом крепость Монте-Кьяро закрывала подходы к нему. Благодаря героическому сопротивлению защитников крепости войску лиги удалось дойти до Брешии. Это придало мужества осажденным. Но все же спустя четырнадцать дней крепость Монте-Кьяро пришлось сдать, правда, договорившись о беспрепятственном и почетном отступлении.

Император нарушил данное им слово. Отступающий гарнизон частично перебили, частично взяли в плен.

Под стенами Вероны противники настороженно выжидали. Ломбардская лига не отваживалась на открытый бой. Так прошел октябрь. Для обоих войск наступила пора отправляться на зимние квартиры. Император прибег к военной хитрости. Войска из Кремоны и пехотинцев из городского ополчения он отправил в сторону Кремоны. Сам же два дня укрывался в засаде при Сончино вместе со всеми всадниками и сарацинскими лучниками. Войско ломбардцев, разочарованное отходом императорской рати в Кремону, все же решилось выйти из-под защиты городских стен и отправиться на зимние квартиры.

Император, узнав из донесений разведчиков, что ломбардцы перешли через реку Ольо и расположились лагерем при Понтольо, немедленно выступил из Сончино и с помощью стремительной германской кавалерии захватил потрясенных ломбардцев при Кортенуова.

Сгрудившись вокруг знамени Милана, ломбардцы отчаянно сопротивлялись. В наступивших сумерках они побежали, их рассеяли, перебили, а уцелевшие ушли подальше от Кортенуова. На рассвете императорские всадники начали преследование беглецов. Три тысячи пехотинцев, сотню ломбардских всадников, среди них и подеста Милана, сына венецианского дожа, Пьетро Тьеполо, захватили в плен. Огромная добыча попала в руки императора, среди прочего и знамя Милана — символ независимости Ломбардии.

В войне, развязанной германскими князьями и вдохновляемой волей императора, была одержана убедительная победа. Победа, завоеванная не под знаком креста или под голубым знаменем святого Михаила, символом немцев, а под древним языческим орлом античного Рима, и боевой призыв звучал иначе, чем раньше, — не «Как хочет бог», а «Как угодно Риму и императору».

Кортенуова означала не только убедительную ратную победу, но и поворот в жизни и самосознании императора. Германско-христианский институт императоров — Карла Великого, Оттона Великого, Генриха II и Фридриха Барбароссы, он оставил в прошлом, обратясь к блеску богоравной власти древних цезарей.

Его триумфальное шествие в Кремоне стало подобно прибытию римских императоров.

Кремона, украшенная пестрыми платками и знаменами с девизом императора: «Рим и император», на улицах опьяненные победой жители вопили: «Рим и император», и сам цезарь — в лавровых листьях и с древними римскими боевыми символами в

руке!

А за ним мелкой рысью следовала германская конница, о которой писал итальянский летописец: «Самые красивые из тех, кто приходил в нашу страну, великолепно вооруженные, они как литые сидели на лошадях — мужественные рыцари высокого образа, еще юные, но преисполненные бесстрашной отваги. Простыми, скромными и честными они вышли со своей родины, но вскоре были развращены на нашей».

Затем следовали сарацины в пестрых чужеземных одеждах, за ними — музыканты с цимбалами, трубачи и барабанщики. А дальше событие: огромный слон, украшенный римским орлом, а на его спине беседка, в которой мальчик-мавр дул в серебряный горн. В качестве пика триумфа и предела унижения поверженного врага слон тащил за собой знамя Милана. Символ борьбы Милана против тиранической власти императора, символ свободы городов предали позору. Но и этого было мало!

На опущенном древке копья, привязанный к нему, сидел подеста Милана, Пьетро Тьеполо, со связанными руками. За ним, в долгом унылом шествии, следовало войско пленных со склоненными головами и босыми ногами. Не осталось и следа от слов, написанных императором папе в мае 1236 года: «Кроме того, я — христианин и, пусть и недостойный, слуга Христов, вооружающийся для борьбы с врагами креста».

В праздничных звуках серебряных горнов, среди развевающихся римских орлов все эти сентенции превратились в пустые слова. Победно возвышался над всеми римский цезарь, Felix imperator.[27] Но Фридрих не удовольствовался лишь шествием, устроив еще и риторическую оргию. Рим, Рим императоров, он засыпал словесным потоком.

Рим перестал быть городом папы, нет, Рим стал городом цезаря!

Для подкрепления речей в Рим потекло золото, дабы вырвать его у папы и сделать имперским городом.

Вместе с сицилийским золотом и соблазнительными словами император прислал как символ победы и миланское знамя. Оно означало для императора его собственную власть и поражение ненавистного Милана.

Колесницу со знаменем римляне установили на Капитолии на пяти мраморных колоннах. Надпись перед ними сообщала:

> Подарок Фридриха Второго, великого императора Рима,
> Отныне держи высоко колесницу к (своей) чести!
> Чтобы возвестить о победе императора, завоевавшего ее,

Прибыли сюда трофеи, Милану на вечное посрамление.
Здесь, к позору врага, стоит она для славы столицы.
Любовь к Риму подвигла прислать ее в Рим.

Мы имеем возможность узнать, к чему призывает цезарь римлян и Рим, остававшийся все же городом папы:

«Увеличить блеск города во времена Нашего правления… обязывает Нас могущественный разум… понимающий необходимость триумфа; Мы не смогли бы возвысить императорское величие, не возвысив при этом честь столицы, считая ее началом империи… Наше ревностное отношение утратило бы всякий смысл, если бы Мы, будучи освещены блеском (сана) Римского императора, лишили римлян участия в ликовании по поводу римской победы, если бы Мы обманули вас в результатах предприятия, которое Мы провели от Вашего имени, разгромив бунтовщиков против Римской империи под боевым кличем с именем Рима, если бы Мы блеск и славу Нашей власти не принесли бы в царственный город, который Нас, как мать сына, послал в Германию, дабы (Мы) поднялись на вершину императорского трона… Примите с благодарностью, квириты, знаки победы вашего императора!»

Данное письмо и водружение колесницы со знаменем на Капитолии можно, по мнению Отто Везе, рассматривать как пик императорской пропаганды. Кроме того, письмо является еще и опасным политическим детонатором. Рим папы объявлен Римом цезаря. Как будто не папа снабдил Фридриха деньгами и отправил в Германию, проведя от епископа к епископу. Правда, римляне с ликованием встретили Фридриха в 1212 году, но Рим вообще охотно ликует, и воспринимать это как поручение римского народа на достижение императорской власти было со стороны Фридриха бредом и грубой неблагодарностью папе. С этого дня на горизонте забрезжило второе отлучение Фридриха от церкви, как результат вывода, сделанного позднее папой Иннокентием IV: с таким императором невозможно никакое плодотворное сосуществование.

Вторым примером гордыни императора может служить непринятие покорности Милана после победы в Кортенуова. Как после глубокого поражения в человеке может наступить обновление, и, как следствие, начинают зреть намерения нового восстания, так и в самой победе может содержаться причина поражения, начало конца.

Победа при Кортенуова продемонстрировала отрицательные

стороны характера Фридриха. Как некогда в необузданной ярости, он рассек шпорой бок простертого на земле покорившегося эмира Ибн-Аббада, так же он действовал и против Милана.

Его первой ошибкой стало чрезмерное унижение побежденных при въезде в Кремону, прежде всего бесчестье сына дожа, Пьетро Тьеполо, неизбежно усилившее враждебность Венеции. Во-вторых, вызов папе выставлением штандартной колесницы в Риме и вызывающее письмо, провозгласившее Рим императорским городом. И в конце концов, надменный отказ принять готовность Милана подчиниться. Совсем близко император находился от своей цели — территориального объединения трех своих государств — Сицилии, Италии и Германии. Он по собственной вине лишился высокой государственной цели, пожелав насладиться сиюминутным триумфом. В гордыне Кортенуова кроется причина поражений последующих лет.

Маттеус Парижский, летописец отнюдь не враждебный к императору, осуждает его: «В те дни миланцы из страха к императорскому величеству послали (людей) к своему господину и императору и просили настолько настойчиво, как только могли, чтобы он, открыто признанный ими настоящим и изначальным правителем, отвел от них немилость, положил конец раздору и взял их как своих верноподданных под крыло могучей защиты и уберег их, за что они в будущем хотели бы служить ему как своему императору и господину с должным почитанием. В знак бесконечной преданности они хотели, дабы пребывать в безопасности под рукой его милости и дабы он более не вспоминал об их прежних восстаниях, добровольно отдать ему всю сокровищницу золота и серебра; а кроме того, все свои знамена, в знак покорности, послушания и его победы сложить к императорским стопам и сжечь. Далее, они хотели ему, поскольку он отправлялся в Святую землю на службу кресту, ежегодно выставлять десять тысяч вооруженных людей на нужды церкви и к его чести при условии, что он безоговорочно помилует и оставит их и их город без изменений».

Но император упрямо отверг все просьбы и одновременно жестко потребовал от горожан безусловно покориться его воле вместе с городом и всеми своими владениями. На столь тираническое требование горожане ответили единодушным отказом, заявив: «Наученные опытом, мы страшимся твоей жестокости. Лучше мы падем под нашими щитами от меча, копья или стрелы, чем погибнем на виселице, от голода или огня». Тогда император, став неумолимым тираном, начал терять

расположение многих, а миланцы заслужили похвалу».

Концентрация всех сил

Милан возобновил союз с Брешией, Пьяченцей, Алессандрией, Болоньей и Фаенцей и решился принять новый бой. Кроме того, он прекрасно осознавал: заключить мир любой ценой никогда не поздно.

Но вначале воссияло солнце императора. После триумфа в Кортенуова сдалось Лоди. Перед придворным советом в Падуе Фридрих принял покорность Вигевано, Новары и Верчелли. И во Флоренции укреплялась власть императора. Благодаря содействию императорского легата Гебхарда фон Арнштайна флорентийцы сменили миланского подесту на римлянина Анжело Малабранка, человека, преданного императору.

Но императору требовалось новое войско, чтобы положить конец стремлению городов к свободе. Помощь из Германии больше не приходила. Клятвы германских князей, данные в Майнце, казалось, растаяли без следа. Фридриху только и оставалось опять обратиться к швабам, которые уже на протяжении долгих лет несли основное бремя императорских войн.

Но ему удалось, используя идею солидарности, призвать на свою сторону европейских королей. Фридрих внушил королям, что восстание в Ломбардии более касается самого монархического принципа, чем его императорской персоны. Короля Франции он призывал:

«Это касается и Вас, и других королей земного круга. Поэтому держите уши и глаза открытыми и внимательно следите, какое стремление к бунту будет у тех, кто желает сбросить ярмо господства, если (даже Священная) Римская империя претерпевает убытки от такого рода завоеваний».

Король Бела Венгерский получил призыв:

«Когда рука императора будет поддерживаться королевской властью, когда различные союзы обяжут князей оказывать взаимную помощь и действовать (совместно) по свободной воле, тогда у народа пропадет всякое мужество восставать, и прекратятся заговоры подданных, настолько распространившиеся (сейчас) в землях Италии, что бунтовщики — если Наша сила не пресечет их действия в корне — многократно понесут греховный пример в другие отдаленные местности, но в особенности к соседям».

Император шокирует королей видением «безрассудной свободы», пока ограниченной только Италией, но способной

распространиться по всему миру. Ведь бунтовщики — в сущности, еретики, сопротивляющиеся богоугодному правителю, еретики перед государством и законом. Теперь пригодилось оружие, подготовленное Фридрихом в 1232 году принятием закона о еретиках: закон стал мечом правосудия, направленным против свободы городов Ломбардии.

Вторая мировая война стала первой войной, средством пропаганды которой стало радио. Фридрих II использовал письмо, или, как он его рассматривал, «государственное письмо», в качестве средства борьбы против папы. Его личная трагедия состояла в том, что он имел равного себе и даже превосходящего противника.

Но этот удивительный человек в самом деле нашел понимание среди королей и правителей мира. Король Конрад перешел весной 1238 года со своими немцами, точнее сказать со швабами, Альпы и прибыл в Верону. Прислали рыцарей короли Франции, Англии, Венгрии и Кастилии. Император Никеи, Иоанн Ватацес, прислал в Италию своих греков, а султан Малик эль-Камиль — арабов. Хотя все привыкли к сарацинскому войску Фридриха из Лючеры, появление мусульманских воинов арабского монарха вызвало всеобщее удивление. К тому же подошли подразделения из Флоренции и Тосканы, солдаты верной императору части из Ломбардии, Романьи и даже из Рима. Кроме того, прибыли войска Эццелино ди Романо из марки Тревизо.

Мощное, разношерстное войско, выглядевшее немного опереточно, устроило осаду маленького города на скале — Брешии.

Победу, завоеванную войском Штауфена при Кортенуова, обеспечивали в основном германские рыцари. Однако во время осады их участие стало почти бесполезным. Правда, император привез с собой осадные машины, но неудачи преследовали его с самого начала.

Король Кастилии в виде особого подарка прислал императору испанско-арабского инженера, считавшегося гением самоходных башен, катапульт и таранов. Его искусство было настолько велико, что перед ним не могла устоять ни одна стена. Настолько ценным и важным считался сей человек, что Эццелино ди Романо вез его к императору посаженным на цепи в клетке.

Несмотря на все принятые предосторожности, важный инженер по имени Каламандрин попал в руки горожан Брешии. Они сумели привязать его к себе крепче, чем клеткой и цепями, дав в жены горожанку и подарив ему дом и двор. И вскоре точно прицеленные снаряды Каламандрина уничтожали осадные

машины императора. Император вспомнил действия, вернее сказать, преступления своего деда Фридриха Барбароссы при Креме на рубеже 1159 и 1160 годов и по его опыту погнал пленных на башни, в надежде что брешианцы не будут обстреливать эти стены. Бесчеловечность не принесла победы деду, не помогла она и внуку. Не приобрели ли Штауфены из-за величия и высоты своих целей чрезмерную жестокость?

В течение недель шли беспощадные жестокие бои. Но Брешия устояла.

Император послал в город парламентера — Орландо ди Росси, родственника будущего папы Иннокентия IV, но тот предал его. Он вдохновил защитников города на дальнейшее сопротивление, рассказав им об эпидемиях в лагере императора, а также о недовольстве и раздорах, зреющих в многонациональном войске.

Император предпринял повторный штурм города. Снова потерпев неудачу, он снял осаду, продолжавшуюся два месяца. Объединенное войско императора и королей Европы оказалось бессильным перед стенами маленькой итальянской крепости. После блестящей победы при Кортенуова последовало печальное поражение в Брешии. Но ломбардцы извлекли из этого события твердый урок: им лучше избегать открытых полевых сражений — войну следовало вести под укрытием относительно надежных городских стен.

Папа — вдохновитель сопротивления

Весь мир, а вместе с ним и папа, стал свидетелем поражения императора и неустойчивости его власти. Достойны удивления мужество семидесятилетнего папы, начавшего собирать силы для противоборства. В первую очередь он объединил морские державы — Венецию и Геную — против императора. Затем послал кардинала Монтелонго, злейшего врага Фридриха, в Ломбардию. Этот прелат, одинаково опытный дипломат и военачальник, сумел разрешить все еще существующее соперничество между городами и сконцентрировать их на единой цели — борьбе против императора. Из бунтовщиков против императора он сделал защитников и поборников церкви.

После неудачи при Брешии Фридрих уже не помышлял о новом военном походе. Он был готов к переговорам. В Кремоне папский легат подвергнул его допросу. В четырнадцати пунктах папа выставил свои претензии Фридриху. Речь шла о посягательствах императора и его чиновников на сицилийскую церковь и о нарушениях условий мирного договора Сан-Германо.

Тем самым папа наметил стратегический план нового отлучения Фридриха от церкви. Лишь вскользь папа коснулся проблемы Ломбардии, сделав императору упрек, что из-за войны в Ломбардии дела Святой земли отложены и даже ухудшились. С виду обе стороны еще стремились к примирению. Но в папе с момента римской провокации императора произошел внутренний перелом.

Тем более удивительным кажется следующий поступок императора. После посвящения в рыцари своего двадцатилетнего сына Энцио (по словам императора, «по росту и облику — Наша копия»), он объявил о его помолвке с Аделазией, наследницей двух сардинских провинций. Провокация состояла в том, что Сардиния являлась леном папы, как признавал и сам Фридрих. Энцио гордо именовался королем Торре и Галуры, а позднее просто королем Сардинии.

Тому, кто хотел жить в мире с папой, не стоило затевать спор о Сардинии. Правда, императорские послы еще направлялись в Рим, где уже сложилась проимператорская партия, но, даже такие высокопоставленные послы, как архиепископ Берард Палермский и главный судья Таддеус Суесский, получали от папы лишь неопределенные обещания.

В то время как в первые месяцы 1239 года императорский двор пребывал в монастыре Святой Жюстины вблизи от Падуи, а императрица со своим двором находилась неподалеку, в долине Брента в Новенте, пока император охотился с соколами и травил с леопардами крупную живность, над идиллическим весенним ландшафтом собирались грозовые тучи.

Намереваясь выступить против папы, Фридрих II написал письмо кардиналам курии с целью посеять между ними раздор, к тому же в курии были влиятельные кардиналы, охотно придерживавшиеся проимператорского курса. Кроме того, все папы тоже пытались вбить клин между императором и имперскими князьями.

В этой ситуации, однако, письмо императора можно рассматривать как глобальную и непростительную провокацию. Рассмотрим же послание императора кардиналам, содержащее следующие утверждения:

«…Ведь во всем, что обладатель престола Петра решил или о чем решил возвестить, стоит Ваше (кардиналов) равное участие… И кто же не будет удивляться… когда, усиленный собранием столь многих досточтимых отцов, обладатель престола всей церкви, — если бы только он был справедливым судией! — хочет выступить (ни с кем), не советуясь и горя от личной досады, против римского князя, опоры церкви, занятого

распространением Евангелия, налагает на него отлучение и намеревается вынуть духовный меч в пользу ломбардских бунтовщиков».

Таким образом, император ставит коллегию кардиналов в один ряд с папой, считая их равными ему и способными принимать решения. Теперь император переходит к массивным угрозам:

«Из-за этого Мы и печалимся, и тому есть причина, поскольку апостольский отец намерен обидеть Нас так сильно; когда жестокая несправедливость касается решительного человека, возмутительность дела не позволяет, даже если бы Мы и хотели снести с терпением столь жестокий поступок, не прибегнуть к мести, которую цезари имели обыкновение исполнять…

Поэтому Мы просим Ваше досточтимое сообщество, не могли бы Вы привести образ мыслей высочайшего из священников… в хорошо продуманное соответствие… Ведь Мы печемся о Вашем благополучии и о Вашей чести и не можем равнодушно наблюдать преследования со стороны злодеев. Даже если Мы не в силах противостоять вашему главе, Нам было бы разрешено законом от несправедливости, которую Мы не можем предотвратить, защититься несправедливыми (действиями)».

Угрозы направлены не только против папы, но также и против кардиналов, если им не удастся убедить папу изменить образ мыслей. Возмущение римской курии находит отражение у биографа папы:

«Кто имеет право сомневаться в святости того, кто облачен саном папы! Еретик, потрясающий апостольский престол! Поскольку святейшие грамоты обладателей высокосвященных епископских санов считаются святыми, то покуситель на святость заслуживает наказания, если он ставит под сомнение власть епископа Рима».

Второе отлучение Фридриха II

Если внимательно рассмотреть поведение императора, сложится однозначное впечатление — он просто-напросто вынудил папу предать его анафеме. Вспомним о его послании к римлянам, когда он провозглашает папский Рим столицей империи, и о восстании против папы, разразившемся в Риме на деньги императора, примем во внимание бессмысленное попрание сюзеренных прав папы в Сардинии, а затем угрозу папе и коллегии кардиналов — и отлучение от церкви предстанет закономерным результатом политики императора, несущей печать легкомысленности.

В отлучении от церкви папа лишь упоминает ломбардский вопрос. То, что Фридрих при заключении мира Сан-Германо поклялся предоставить свободу сицилийской церкви и даже сам заявил в случае невыполнения им условий договора о своей готовности подвергнуться церковной анафеме, даже если папа не объявит о его отлучении, — стало петлей, которую Фридрих завязал, а папа теперь лишь затянул.

Когда папа Григорий IX в Вербное воскресенье 1239 года зачитал буллу об отлучении императора от церкви, он лишь совершил то, к чему Фридрих сам себя приговорил в договоре Сан-Германо. Основные пункты буллы гласят:

«Мы отлучаем от церкви и предаем анафеме во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, апостолов Петра и Павла и наше собственное, Фридриха, именующего себя императором, из-за того, что он учинил в городе Риме бунт против Римской церкви; Римского первосвященника и его братьев он намеревался изгнать из их резиденций и легкомысленно выступил против облеченных достоинством и честью апостольского престола, против свободы церкви, против клятвы, которой он был связан, и против церкви».

И далее по списку:

«Мы его отлучаем от церкви… также потому, что он не позволял занимать некоторые свободные епископаты и церкви в своем королевстве… потому что многие служители церкви были заключены в тюрьму и содержались там, были лишены имущества и убиты…

потому что он присвоил имущество церкви и остров Сардинию в нарушение клятвы, данной им церкви относительно этого…

потому что в его королевстве у церквей и монастырей им вымогались подати и специальные налоги в противоречие мирному договору…

потому что в противоречие мирному договору у сторонников церкви отбиралось все имущество, а их самих изгоняли и объявляли вне закона, в то время как их жен и детей сажали в тюрьму…

Но всех, связанных с ним клятвой верности, Мы объявляем освобожденными от клятвы и строжайшим образом запрещаем хранить ему верность все время, пока он будет подвергнут отлучению от церкви…

Поскольку он, кроме того, на основании его собственных речей и поступков обвиняется многими со всего земного круга в тяжком грехе — отсутствии правильной католической веры, то Мы будем с Божьей помощью в подходящем месте и в нужное время действовать так, как предписывает Нам в таких вещах

законный порядок».

Отлучение застигло императора в Падуе. И вновь он обращается к кардиналам в обход компетенции папы. Он превозносит их как светочей над горой, правящих домом Господним, и требует всеобщего церковного собрания при участии германских князей и всех королей и князей земного круга.

Попыткой противопоставить кардиналов папе и требованием исполнения своего права на собор общего синода из духовных и светских князей против папы он еще больше разгневал папу, чью ярость в данной ситуации легко понять:

«Поднялся из моря лютый зверь, исполненный кощунства, с медвежьими лапами и львиной пастью… Железными когтями и зубами он стремится все погрызть, лапами — попрать весь мир и разбить стену католической веры… Слушайте и удивляйтесь: меч несправедливости обнажен против Нас, он уже занесен в стремлении уничтожить имя Господне с лица земли! …дабы истинной правдой противостоять его лжи и суметь опровергнуть его обман чистыми доказательствами, узрите того, кто спрятан под личиной чудовища — Фридрих, так называемый император».

Словесная перепалка между императором и папой возрастала, лишилась всего человеческого и достигла масштабов демонического апокалипсиса. Послушаем ответ Фридриха:

«…Но тот, кто восседает на кафедре ошибочной догмы, фарисей, помазанный маслом злобы на своих товарищей, римский первосвященник нашего времени, желает сделать бессмысленным то, что в подражание небесному порядку спущено вниз… Ведь он-то, кто является папой лишь по имени, написал, будто Мы — чудовище, поднявшееся из моря, исполненное кощунства, пестро раскрашенное наподобие леопарда. А мы утверждаем — именно он и есть чудовище, о котором написано: и вышел другой конь, красный, из моря, и тот, кто на нем сидел, отнял мир у земли, так что живущие душили друг друга… Это он — огромный дракон, совращающий весь мир, антихрист, предтечу которого он из Нас сделал; а также новый Валаам, нанятый за деньги, дабы проклясть Нас; князь из князей тьмы, злоупотребляющий пророчествами; тот ангел, выскочивший из преисподней, чья чаша преисполнена горечи, вредоносной для моря и суши».

Тут император отходит от утверждения веры и возражает против постоянно обращенных к нему упреков, якобы он называл Моисея, Христа и Мухаммеда обманщиками:

«Сии утверждения лживы, ибо Мы признаем публично единственного сына Божьего, единосущного и подобного Отцу и

Святому Духу, Нашего Господа Иисуса Христа, испокон веков и прежде бренного мира сотворенного… рожденный достославной девой Марией, затем страдал и умер во плоти, но по другой природе, принятой им в лоне матери, силой божественности воскресший на третий день от смерти.

О теле Мухаммеда, напротив, Мы читали, будто бы он летал по воздуху, окруженный демонами; о его душе — что она предана мукам ада: его труды были сумрачны и противны законам Господа. Но о Моисее Мы знаем как о друге Господа и посвященном в истинное учение Писания…

И поскольку обиды, постоянно наносимые Нашему величеству, не прекращаются и из-за них мы не можем смягчить свой дух, то Нас принудят к возмездию, но Вы (кардиналы), призванные для разумных советов, возвеличенные за смысл и разум, заставьте Нашего ревущего противника полностью (отказаться) от действий… и при этом берегитесь последствий вещей… в противном случае по всей земле узнают, как августейший поступит против преследователей и присоединившихся к ним князей и покровителей и как он железом исполнит (свою) месть цезаря».

Письмо было направлено непосредственно кардиналам в обход папы. Таким образом, им тоже грозила железная месть цезаря.

Затишье перед бурей

Оба великих противника усиливали свои позиции. Фридрих проложил полосу препятствий через все королевство. Остров, как и материковая часть Сицилии, был закрыт системой вооруженных крепостей. Никто не мог войти и выйти из королевства без дозволения императора. Началось преследование нищенствующих орденов. Таким образом, папа лишился лучших помощников и пропагандистов. В тридцати пяти свободных епископатах Сицилии получили назначение верные императору или как минимум дружественно настроенные по отношению к нему прелаты. Во всем королевстве игнорировалось отлучение императора от церкви. Служились мессы, отправлялись таинства, будто папа никогда и не предавал Фридриха анафеме. Священнослужители, препятствовавшие этому, исчезали в застенках сицилийских замков. Неразлучный друг императора, архиепископ Берард Палермский, принял на себя функции патриарха королевства.

В Ломбардии пополнение из швабских рыцарей следило за сохранностью императорских городов и бастионов. Папа открыто

встал на сторону ломбардцев. Талантливый папский легат, Грегор ди Монтелонго, оказал союзу городов настолько крепкую поддержку, что императорским войскам ни разу не удалось сломить сопротивление Милана и лиги.

Теперь Фридрих II отсек даже внешнюю связь с Римом. Хотя он многократно, в том числе недавно в Сан-Германо, давал клятву никогда не соединять Королевство обеих Сицилии с империей, теперь он отбросил даже видимость ее соблюдения. Семейную коллегию, центральную власть королевства, распустили и присоединили к Великому императорскому двору в Италии. Теперь существовало только единое имперское правление. Все институты власти были объединены — юстиция, управление финансами, а также императорский флот.

Два региона несли основную нагрузку будущей войны. Королевство обеих Сицилии, находившееся под невыносимым гнетом чрезмерно жестокой налоговой политики для покрытия огромных финансовых потребностей императора, а в Германии — герцогство Швабское и его рыцари.

В Германии борьба между императором и папой тоже нашла отражение. Если император надеялся, что князья, «зеница его ока», встанут на его сторону, готовые к военному походу в Италию, то его надежда не сбылась. Князья, духовные и светские, были слишком заняты укреплением своей удельной власти. Баварский герцог вступил в очень близкие отношения с курией и к тому же еще не закончил споры с австрийским Фридрихом. На рейхстаге в Эгере в июне 1239 года германские князья решились на посредничество в заключении мира между императором и папой. Правда, они, к большому негодованию папы, не отказались от верности императору. 2 июня 1239 года в Майнце состоялся синод под главенством короля Конрада. В нем приняли участие саксонские, швабские и франкские епископы. Вероятно, было принято решение не оповещать германские земли об отлучении императора от церкви.

Города германского юга встали под оружие за императора. Зимой 1239/40 гг. войска из Аугсбурга, Ульма, Донаувёрта, Лаунигена, Нёрдлингена, Ауфкирхена, Мурнау, Ансбаха, Динкельбюля, Гемюнда, Лентерсхайма, Халла, Нюрнберга, Вайсенбурга и Гредингa отправились через Альпы в Италию, на помощь императору. В следующем году эти города подверглись отлучению от церкви.

В стане имперских князей наблюдался раскол, такая же ситуация возникла среди князей церкви. Ландграф Тюрингский и маркграф Мейсенский стояли за императора. Оттон Баварский и Венцель Богемский призывали короля Конрада, а вместе с ним и

императора, к миру. Подавляющее большинство князей также высказалось за мир. Епископы выразили мнение, что церковные и светские власти должны действовать единодушно. И наконец, епископы являются одновременно и священниками, и князьями империи и, таким образом, обязаны сохранять верность обеим сторонам.

Ответом папы на поведение германского епископата стал приказ известить всех об отлучении императора от церкви и проповедовать в Германии и соседних странах против императора.

Видимо, мирные усилия германских князей и епископов не были и не могли быть успешными.

Если подумать о потоке проклятий, жестоких словесных оскорблениях, которыми обменивались два наивысших представителя власти христианского мира, нанесших друг другу незаживающие раны, то очевидно — ситуация теперь могла иметь только одно решение.

Вторжение в папское государство

Наконец, как казалось, политика Фридриха получила если не мораль, то по крайней мере определенную ясность. Для него существовали только две возможности государственного утверждения. Первая — соблюдение многократно подтвержденного клятвой разделения между королевством и империей, что означало уважение стремления папы к обеспечению безопасности папского государства. Папа руководствовался следующими соображениями: папское государство должно быть защищено от опасности быть раздавленным между южноитальянским и североитальянским государством Штауфенов. Пока Фридрих пытался реализовать эту возможность, многократно нарушая клятвы, папе приходилось вступать в союзы с ломбардскими городами с целью образования противовеса штауфеновскому окружению.

Кроме того, оставалась еще одна возможность: соблюдать свободу ломбардских городов, разбить папское государство, принудить папу к императорскому контролю, а если это не удастся, посадить на трон антипапу.

Но Фридрих все же пытался реализовать третью возможность: подавление Ломбардской лиги при попустительстве или молчаливом согласии папы, создание сухопутного моста между Северной и Южной Италией путем отвоевания у папы отданного герцогства Сполето и марки Анкона.

Такого подавления церковного государства, которое не могли

принять ни папа, ни курия, Фридрих периодически пытался добиться, не чураясь при этом нарушения слова или клятвы. В неспособности осознать невыполнимость этой основной линии своей политики и кроется основная причина его поражения.

Теперь император решился на последовательную борьбу против папы.

В январе 1240 года король Энцио, назначенный отцом генеральным легатом Италии, вошел в герцогство Сполето. Вторжение в земли его святейшества Фридрих назвал «восстановлением прав империи в Италии». И в то время как его сын, король Энцио, входил в Сполето, император проповедовал верующим с кафедры пизанского собора. Неслыханная ересь отлученного от церкви, утерявшего, казалось, всякое чувство меры.

Фридрих, теперь и сам отправлявшийся на завоевание папских земель, возгласил в январе 1240 года в городах Витербо, Фолиньо и Тиволи словами предтечи Христа: «Готовьте дорогу Господу и мостите ему путь! Открывайте засовы ваших ворот, ваш император грядет, жестокий для бунтовщиков и мягкий к вам, при чьем взгляде должны успокоиться все духи, так долго мучившие вас».

В августе 1239 года, уже в состоянии мессианского безумия, он напишет о своем родном городе Джези:

«Джези, благородный город марки, сиятельное начало Нашего происхождения, где Наша божественная мать произвела Нас на свет, где качалась Наша колыбель, встречаем тебя с душевной радостью: из Нашей памяти не могут исчезнуть те места и Наш Вифлеем, земля и место рождения цезаря. Ты пустил глубокие корни в Нашем сердце».

И тут он примеряет к себе Евангелие от Матфея и продолжает: «И ты, Вифлеем, город марки, не самый малый среди княжеств Нашего рода: из тебя вышел герцог, князь Римской империи, царящий над твоим народом и защищающий его, и он не позволит, чтобы ты повиновался чужим рукам».

Без сомнения, после второго отлучения от церкви Фридрих утратил чувство реальности. Когда в 1229 году он позволял прославлять себя красноречию Николая Барийского в кафедральном соборе в Битонто, это еще был акт пассивного приятия, хотя каждый правитель имеет тех панегиристов, которых хочет иметь. Приведем краткую цитату из Николая Барийского:

«Велик господин император по виду своего благородства, поскольку род он ведет от императоров и королей этого мира; тот, кто пришел с небес, выше всех, значит, тот, кто происходит из императорского рода, благороднее всех… Он велик

благородством, образец для земного круга, украшение людей, светоч в общении и начало всякой законности».

Это гимноподобное восхваление лишено меры, и требуются особые качества для принятия хвалебной песни в такой форме, ведь она превосходит даже византийское чествование императоров:

«О Ты, возлюбленнейший, позвольте нам его приветствовать вместе с архангелом Гавриилом: приветствуем Тебя, господин император, исполненный милости Господа, Господь с Тобой; он был, есть и будет; он был в детском или юношеском возрасте, когда ироды заставляли мальчика страдать, и мертвы все, кто этого желал; но он есть и в битвах наших дней, когда дети чужаков состарились в дурных поступках и охромели на стезе верности; и он пребудет в вечности во всех поступках отца, ведь Господь обучил ваши руки для борьбы и ваши кулаки для битвы. Благословен Ты среди королей и благословен плод от плоти твоей, то есть прекраснейший плод, король Конрад, Ваш горячо любимый сын».

Чудо в Риме

Фридрих продолжал победный марш через границы папского государства. Многие города и деревни добровольно открывали перед ним ворота, среди них Монтефиасконе, Витербо, Орта и Сутри. Уже в феврале Фридрих подошел к Риму на расстояние однодневного марша. Было ли большинство жителей Рима сторонниками императора, неизвестно. Доподлинно известно, что существовала сильная проимператорская партия под руководством сенаторской семьи Колонна.

Папа возвратился в крепость Ангелов. С ним оставались лишь несколько верных ему людей. Но старый, внушающий благоговение человек еще пылал священным огнем: он никогда не колебался, никогда не сомневался в божественной воле своей миссии.

Однако император, развернув войско во всю мощь перед воротами Рима, поклялся никогда больше не останавливаться перед ними, как случилось двенадцать лет назад.

По Риму носились слухи. Сторонники папы рассказывали всем, будто император хочет превратить собор Святого Петра в конюшню, алтарь — в кормушку, а собак собирается кормить гостией, телом Христовым.

Сторонники императора, должно быть, подложили в личные покои папы пророческие вирши:

Провиденье желает, и показывают звезды и птичий полет:
Вскоре Фридрих, молот мира, воистину грядет!
Рим, издавна мятущийся, заснувший в старом заблуждении,
Будет разбит и никогда не станет главой земного круга».

Папа с большим достоинством отвечал тоже в стихах:

Провиденье молчит, и звезды молчат,
Ничего не сообщают птицы;
Напрасно стремишься ковчег Святого Петра потопить!
Даже если его раскачать, тот ковчег никогда не потонет.
На что способна Господа длань, испытал уже Юлий, император.
Следуй ему, и узнаешь ты Господа месть.

Римляне украсили город лавровыми ветками к прибытию их императора, несли транспаранты, ликовали: «Ecce Salvator! Ecce Imperator! Veniat, vaniat, Imperator!»[28]

Тут распахнулись ворота крепости Ангелов, и вышел папа, окруженный немногочисленными сторонниками. Это случилось 24 февраля 1240 года, в праздник престола Святого Петра, когда судьба папской церкви находилась на краю пропасти. Еще не было ясно, останется ли Рим центром христианского мира или станет чем-то совершенно иным — античным языческим городом императора всего мира.

Римляне упивались глумлением над престарелым человеком, противящемся новому мировому статусу их города.

Папа возглавлял процессию. Посреди бурлящего марева издевок и насмешек он показал сундук с реликвиями — фрагментами от креста Иисуса и головами апостолов Петра и Павла. Язвительному глумлению римлян и власти императора, стоящего у ворот города, он противопоставил духовность Римской церкви, воплощенную в реликвиях. Он указал на головы апостолов и воззвал к орущей толпе: «Здесь лежат римские древности, за которые наш город почитают! Здесь церковь и реликвии римлян, которые вы должны защищать до смерти! Я могу сделать не больше, чем любой другой человек, но я не бегу, ибо я ожидаю милосердия Божия».

При этих словах он снял с головы папскую корону, тиару, бережно возложил ее над головами апостолов и воскликнул: «Вы, святые, защитите Рим, ведь римляне не хотят более его защищать».

«О Рим! — как воскликнул один из летописцев, — Шлюха, похотливо предлагающая себя каждому встречному мужчине».

Римляне бросились в объятия папы, казавшегося уже столетним. Он был подобен скале, могучий, непоколебимый в вере, на которой Христос основал церковь. Римляне разодрали императорских львов, уже нашитых на их одеждах. Они радостно приветствовали папу и взяли крест как знак готовности защищать Рим и церковь. Христос изгнал цезаря.

Император стоял под стенами Рима, он, превознесший себя, как никто другой в христианском мире. Император-избавитель, обожествленный человек. Попавший в заключение императорский нотариус взывал к нему: «О гавань благополучия верующих! На Вас, на Ваше благое присутствие устремляем мы свои надежды. О рожденное дыхание нашей жизни, которым Вы своей силой и милостью пробуждаете нас от смерти! На наши страдания изливается милосердие Вашего сердца, выведите сынов Израиля из Египта, пошлите избавление Вашим рабам».

Какое решение примет император здесь, под стенами Рима, император, возвысивший себя сверх всякой человеческой меры?

Вторжение в Вечный город? Наверняка переменчивый народ бросится к его ногам и, полный смущения, забудет экстаз, в который его повергли слабый старец и несколько истлевших реликвий. Императорские орлы победно вознесутся, и цезарь сочетается браком с городом!

Ничего не произошло. Если бы Фридрих II соразмерял поступки с потоком слов, то они стали бы тем, чем являлись на самом деле, — блестящими, надутыми словесными пузырями, уводящими слабого человека и его сторонников от действительности.

Император и его войско отступили! Завоевание Рима не состоялось. С темными проклятиями против «римлян, испивших из вавилонской чаши» и еще более мелочным утверждением: «Лишь малые дети, старые бабы да несколько солдат последовали слезам и мольбам папы и подняли крест против императора» он вернулся 15 марта 1240 года из папского государства в Апулию. Графа Рихарда фон Теате он послал в Витербо с четырьмя сотнями рыцарей. С жестокой яростью он преследовал тех, кто поднял крест против него: одному он выжег крест на лбу, другим отрезал руки, или уши, или нос. Некоторых сожгли живьем или даже распяли на кресте.

Ориентация — дезориентация

Если император Фридрих I Барбаросса после поражения при Леньяно в 1176 году все же понял, что мир с папой неизбежен для процветания империи, то у его внука этот процесс осознания так и не произошел. Правда, Фридрих тоже желал мира с папой, но на своих условиях.

Новый магистр Тевтонского ордена, ландграф Конрад Тюрингский, с ведома императора и по поручению имперских князей вел с папой переговоры. Но переговоры закончились безуспешно, так как папа пожелал включить в мирный договор вопрос о ломбардских союзниках.

Фридрих II остановился возле Брешии, как ранее под стенами Рима. Должно быть, тогда произошла переориентация его политики.

Затем дорога привела его обратно в Германию для укрепления власти его швабского дома, подкрепленного теперь Австрией Бабенбергов. Эти два герцогства, собравшиеся под рукой Фридриха, могли стать коалицией имперских князей и вновь укрепить королевскую власть в Германии. Через двадцать пять лет Рудольф Габсбург (1273—1291 гг.) пойдет по тому же пути и откроет для династии господствующее положение в империи на семь столетий вперед. Никакой папа не смог бы долго препятствовать Фридриху II, если бы тот опять завладел механизмом германской королевской власти, и даже гордому Милану пришлось бы склониться.

Но Фридрих думал о Западной Европе не из Германии, его исходной точкой являлась Италия. В длинной череде германо-немецких императоров он не был в истинном смысле немецким, он был римским цезарем, обращенным в прошлое, к античным образцам.

Для него Италия и итальянское государство были единственным представлением о будущем и задачей всей жизни. Но он не сумел осознать, что на тот момент единство Италии не сделалось целью итальянского мышления, и, таким образом, он создавал там государство принудительное.

Вернувшись из Рима, император поехал в любимую им Фоджию в Апулии. Там он принял делегацию сорока семи сицилийских коммун, намереваясь установить им новые налоги, называемые коллектами. Финансовые потребности императора оставались поистине чудовищными. Ему не хватало жесточайших налогов, взимаемых в королевстве, но они в конце концов натолкнулись на естественные границы. Займы брались под

ростовщические проценты. Закладывались даже суммы будущих налогов. В Риме, Венеции, Генуе, Пизе, Флоренции, даже в Вене появились агенты императора для получения кредитов. Император проявлял безграничную изобретательность. Так, например, знаменитые золотые аугусталены он приказал чеканить из кожи, приняв обязательство со временем обменять их на золотые. Чтобы выполнить обещание, он использовал последний резерв королевства — золотые и серебряные сокровища церквей. Это укрепило его прозвище «настоящий антихрист», что неудивительно.

Но денег все время не хватало: италийское тираническое государство поглощало уйму средств. Целая армия апулийско-сицилийских чиновников хлынула в имперскую часть Италии. Судьи, нотариусы, сборщики налогов или императорские подесты — все прошли школу чиновников Фридриха. В те времена в Италии возникла поговорка про апулийское ярмо, когда безжалостная, выкованная в сицилийском королевстве форма правления подавляла и вымогала по всей Италии.

Через шесть недель император опять стоял перед Римом. Опять он медлил у стен города, пока делегация германских имперских князей, возглавляемая магистром Тевтонского ордена ландграфом Конрадом Тюрингским, вела с папой переговоры о новом мире. Когда процесс затянулся, император ушел на север.

Болонья в союзе с Венецией захватила верный императору город Феррара. К тому же Равенна в минувшем году перестала быть союзницей императора, и господство Фридриха оказалось под угрозой. Вскоре император прибыл в Равенну, сдавшуюся после шестинедельной осады. Следующей стратегической целью являлась Болонья. Но сначала было необходимо взять маленькую, но хорошо укрепленную Фаэнцу, расположенную к югу от Болоньи, которая могла бы угрожать тылу императора.

Несмотря на отрицательный опыт при Брешии, показавший, как трудно взять хорошо укрепленный город, император пустился в рискованное предприятие. Ему пришлось окружить весь город и, кроме того, построить деревянные казармы для войска, так как надвигалась зима, а осада затянулась на долгие восемь месяцев. Пытаясь вызволить борющуюся Фаэнцу, флот венецианцев напал на апулийские прибрежные города Термолу и Васто и спалил их дотла. Когда ему также удалось захватить императорскую галеру, возвращавшуюся из Иерусалима, то император в слепой ярости приказал зашить в кожаный мешок, повесить на виселице и умертвить в мучениях захваченного в бою при Кортенуова миланского подесту, сына венецианского дожа Пьетро Тьеполо. Только в апреле 1241 года храбрая Фаэнца сдалась.

Собор, канувший в воду

Как мы помним, незадолго до второго отлучения от церкви в марте 1239 года император Фридрих II написал кардиналам письмо, где именовал их «заседателями Святого Петра, сенаторами и ангелами мира» и призвал их собрать весь христианский мир на большой собор, состоящий как из высокопоставленных священников, так и из светских князей. Он, Фридрих, готов выступить перед собором против обвинений папы и доказать свою невиновность.

Остается непонятным, почему он сам не использовал императорское право созыва собора.

Собор, требуемый Фридрихом, не состоялся. Зато сам папа подхватил эту идею с ничего не означающим заявлением, что «будут обсуждаться мирские и церковные дела». На самом деле речь шла о суде над императором с последующим его смещением.

Папа без всякого стеснения вел переговоры с предполагаемыми кандидатами на трон. Датский принц, выбранный папой, отказался. Французский королевский дом, в котором еще со времен Карла Великого были живы мысли о французской империи, объяснил через выбранного кандидата, брата короля Людовика IX (Святого), графа Роберта де Артуа: «Для того, кого королевская кровь смогла вознести к трону Франции, это более приемлемо, чем быть каким-то императором, получившим трон только через выборы».

Фридрих, прослышав о планах папы, поклялся страшно отомстить. Он перешел к прямым действиям и объявил государство закрытым для передвижения прелатов на папский собор, из-за чего сам собор теперь стал невозможен, поскольку путь в Рим лежал только через земли императора.

Подданные немедленно получили приказ:

«Поскольку известно не только ближним и дальним, но и всему миру, какая распря распространилась повсеместно из-за Римского священника… Мы считаем нужным и полезным выступить против его дурных козней и попыток… и силой императорских полномочий приказываем под страхом наказания и лишения Нашей императорской милости и объявления вне закона навечно всех прелатов, архиепископов, епископов, аббатов и приоров, как вышестоящих, так и депутатов, которые (пройдут) через Вашу землю на Римскую курию на воде или на суше… задерживать их, приставать к ним и захватывать».

Император пытался найти понимание и в рядах церкви. Так, 27 февраля 1241 года он писал в генеральный капитул доминиканцев:

«И в то время как Мы проходили через Эмилию… тот Римский священник выдумал новый способ вредить Нам: он под прикрытием собора созывает наших бунтовщиков и врагов со всех сторон, дабы, как только они прибудут, поддержать их в восстании…»

Опять появилось письмо императора ко всем королям Западной Европы. Он клеймит папу за союз с еретиками, бунтовщиками и врагами империи, за созыв совета его врагов для свержения его, императора, с трона. Он апеллирует к лояльности монархов, представляет себя козлом отпущения, оберегающим остальных князей от нападок папы.

Его собственные клятвопреступления забыты. Он все еще не понимает, что общая концепция его политики не может не вызвать сопротивления папства и курии. Он заклинает королей с пониманием отнестись к закрытию им границы и пишет:

«Мы сердечно просим Ваши королевские величества сообщить Вашим королевским указом, всем и каждому прелату Вашей страны, что никто не прибудет на церковный собор, надеясь на Наше надежное сопровождение. Даже если бы Мы охотно, из-за особой любви, которую Мы к Вам питаем, встретили бы подданных Ваших стран, тр ни в коем случае не подобало бы Нам безразлично вынести сверхвеликую дерзость тех, кто легкомысленно не уважает Наш запрет и следует призыву Нашего врага».

Приказ игнорировать собор выполнили только прелаты империи (немцы, сицилийцы) и некоторые италийские епископаты. Но прелаты из Франции, Англии и Испании не могли отказаться от приглашения папы прибыть в Рим.

Из соображений безопасности папа рекомендовал священникам избрать путь по морю через Геную, откуда они могли добраться до устья Тибра. Морской путь оплачивался из папской казны. Но она была пуста. И тут мы вам продемонстрируем такой шедевр финансирования, от которого наши сегодняшние банкиры и министры финансов побледнеют от зависти.

Морская республика Генуя потребовала за путешествие прелатов три тысячи пятьсот фунтов при условии немедленной оплаты тысячи фунтов и остаточного долга в две тысячи пятьсот фунтов через месяц, перед отъездом прелатов.

Таким образом, участвующий в переговорах прелат имел не только тысячу фунтов немедленной оплаты, но и две тысячи пятьсот фунтов остаточного долга. Итак, он взял взаймы у генуэзских купцов тысячу фунтов и понадеялся на то, что сможет оплатить за один месяц до отъезда подлежащий оплате основной

долг в две тысячи пятьсот фунтов. Оборотистые генуэзцы, в случае нарушения договора, заложили в нем штраф в тысячу фунтов, за который Римская церковь отвечала своим имуществом. Папа принял все это. Он непременно желал собора для окончательного расчета с императором, так часто переигрывавшим и обманывавшим его.

Несмотря на все коммерческие дела, в Генуе существовала сильная проимператорская партия. Во главе ее стояли большие дворянские семьи Дориа, Спинола, Грилли, де Мари и многие другие. Через них император знал, какие договора заключались зимой 1240/41 гг.

Император выставил двадцать семь галер сицилийского флота под командованием адмирала Ансельдуса де Мари, генуэзца, до февраля 1241 года пребывавшего в Генуе и прекрасно осведомленного обо всех папско-генуэзских договоренностях. Адмирал де Мари уже в марте отплыл в Пизу, где присоединился к равному по численности пизанскому флоту.

25 апреля прелаты поднялись на борт в порту Генуи. Генуэзский флот находился в таком плачевном состоянии, что англичане, имеющие опыт в судоходстве, отказывались садиться на корабли. Все остальные — прелаты из Ломбардской лиги, французы, испанцы — взошли на борт под звуки горна. Флот прошел Пизу и направился через узкий путь Пьомбино. Восемь дней продолжался морской путь, и римский порт Чивитавеккья был уже недалек, как вдруг 3 мая 1241 года императорский флот, укрывавшийся между островами Монте-Кристо и Джильо, внезапно напал на генуэзскую флотилию. В кровавом бою он одержал победу. Было потоплено три генуэзских судна. Находящиеся на них прелаты утонули, среди них и архиепископ Безансона. Двадцать два судна захватили в плен, и только три, с испанскими прелатами на борту, достигли спасительной Генуи.

Воодушевленный триумфом, император сообщал своему шурину, английскому королю:

«…И когда Наши галеры атаковали их галеры, наивысшее воинство, взиравшее с высоты и судящее по справедливости, ибо оно знало их путь, их исключительную злобу и их ненасытную алчность, своей милостью отдало легатов и прелатов всех одновременно в Нашу власть и волю, от которой они не могли уйти ни на суше, ни на море… На них (галерах) в Наши руки попали три названных легата, вместе с архиепископами, епископами, аббатами и многими другими прелатами, а также послы и представители князей церкви, число которых насчитывает более сотни, наряду с посланниками бунтующей Ломбардии».

Победа явилась для Фридриха подтверждением божественности его миссии. Его торжество над папой еще более увеличилось после победы верной императору Павии над Миланом при Монтелонго 11 мая 1241 года.

Маттеус Парижский повествует о страданиях плененных прелатов: «Им пришлось по приказу императора проделать долгий, продолжающийся около трех недель морской путь, пока они не прибыли в Неаполь и не были помещены под строжайшую охрану в находящуюся по соседству с городом, окруженную со всех сторон морем крепость. Но не для всех заключение было одинаково тяжким, потому что положение палестринца было наихудшим. (Имеется в виду Якоб Палестринский, которого император особенно сильно ненавидел.) Все сразу слегли от болезней и смертельной слабости. Во время долгого переезда они были связаны и очень стеснены, измучены зноем, с роящимися вокруг мухами, жалящими, как скорпионы, истязаемы голодом и жаждой и обречены на любые оскорбления подлых матросов… И вскоре после этого (26 июня 1244 г.) господин епископ из Пренесте, послушный папе до самой смерти, упокоился навек, покинув мир страданий».

По утверждению брата Томаса, капеллана кардинала Райнера де Витербо, бывшего одним из заключенных, в темницу бросили более шестидесяти прелатов, а именно: легатов, кардиналов, архиепископов, епископов, аббатов. В небольшом доме близ Неаполя, все они подобно свиньям лежали в одеждах, пока их не разделили и не отправили в другие тюрьмы.

И что предпринял папа? Он пережил падение Фаэнцы, морское поражение при Монте-Кристо, триумф Павии над Миланом и не отступил ни на йоту от своей позиции. Фридрих оставался врагом, его следовало победить, а не заключать с ним мир. Плененные прелаты молили папу о помощи, об освобождении. Но он просил их терпеть за веру, как Христос терпел на кресте. Старик, будучи уже на пороге смерти, остался верным святым убеждениям.

Народы удивлялись императору, совершавшему то, что никто до него не мог себе позволить. Захватить сотню священников высокого ранга и бросить их в темницу, как преступников! Наверняка раздавались и возгласы похвалы и одобрения тому, кто сумел поставить в рамки Рим и клерикалов. Но из более позднего дополнения к предсказаниям «великой сивиллы» до нас дошло:

«Море покраснеет от крови святых. Они будут увезены как пленники и как украшение невесты агнца (то есть церкви) в Париполоме (Неаполь). Агнец по виду, волк по деяниям (Фридрих) (разорит) гнездо философов, сорвет цветок Эмилии

(Фаэнца). Вскормленный молоком невесты агнца, то есть церкви, вначале возвысившей Фридриха, он будет попирать ее ногами и унижать».

Зазвучали и другие голоса, полные сомнения и неприятия поведения человека, поистине не знавшего меры. Трубадуры, до сего времени воспевавшие императора, отдаляются от него, говорят о слабых сторонах человека, незадолго до этого прославляемого ими. Самый верный императору трубадур, Гилельм Фигуэйра, обозначил новый курс:

«Лучшие знатоки порицают его поступки, но я не хочу его порицать, вернее, я (просто) назову его плохим правителем, исполненным интриганства, алчным и жадным, из тех, кто не стыдится и не чурается чего-нибудь плохого…

И если он верит в победу над ломбардцами, как будто уже они полностью в его воле, почему он охотится в кустах и засаде, с собаками и леопардами? И зачем ему слоны? Вероятно, император глуп, несведущ и к тому же бездельник, раз он не доводит до конца задуманное им».

Годом позже, в 1240 году, приговор трубадура Ука де Сан-Сири становится еще более суровым:

«Все должно прийти к благоприятному завершению, и Господь должен возвысить благородные убеждения, и порядочность, и церковь против того, кто не верит ни в Бога, ни в церковь, ни в жизнь после смерти, не верит в рай и говорит, что наступает ничто, когда исчезает дыхание. Жестокость забрала у него милосердие и сострадание, и он не боится совершать ужасные грехи, а все хорошие поступки обесчещивает и унижает и прекращает их…

И мы хотим пойти завоевывать государство там, в Апулии, ибо тот, кто не верит в Бога, не должен владеть страной».

Не предвещает ли текст поход Карла Анжуйского двадцать лет спустя, с тем чтобы отнять у Штауфенов Королевство обеих Сицилии?

Нашествие монголов

В то время как Фридрих находился подле Фаэнцы, готовый к захвату города, в то время как он нашел в себе силы работать над книгой о соколиной охоте, в то время как он охотился в «кустах и засаде» с охотничьими леопардами и соколами, Европу грозил захлестнуть стремительный, повторяющийся раз в сто лет штурм из глубин Азии. Предводителем быстроходного монгольского конного воинства стал хан Батый, внук легендарного Чингисхана. Войско Батыя уже прокатилось по русским княжествам и в начале

1241 года находилось в Венгрии. Другая часть армии Батыя подчинила Польшу и двигалась в Силезию. Перед единым монгольским войском лежала раздробленная на сотню мелких личных интересов Европа, а оба князя мира, папа и император, вцепились друг в друга в смертельной схватке.

Венгерский король молил императора о помощи. Да, он даже был готов вместе со своей страной стать ленником императора! Это могло стать важным шагом на пути к укреплению безопасности восточной марки. Но император не оказал венгерскому королю реальной военной поддержки. В конце июля 1241 года он послал находящемуся в отчаянном положении венгру лишь громкие слова:

«Мы поручаем твоему усердию подняться с ратью на стороне Нашего возлюбленного, избранного германским королем сына Конрада и отбивать атаки и нападения общего врага, дабы они не могли победить ни на одном поле, пока Мы не прибудем с большой (военной) силой для их окончательного уничтожения».

Император не пришел на помощь в нужный момент, хотя мог и должен был сделаться объединяющей центральной властью в Европе, обрушил на королей и князей Европы словесный поток:

«Подобно трубным звукам восседающего на облаке всехристианского императора (Христа), над вечерними странами раздается призыв императора — собрать сверхмогучую императорскую Европу, победоносный орел которой отправит татар в тартар. К императорским орлам и к животворящему знамени с крестом — двум знакам Европы — каждый народ должен незамедлительно прислать рыцарство: Германия, горячая и яростная в бою… Франций, мать и кормилица умелого рыцарства… Англия, наводящая ужас, богатая мужами и оснащенная судами…»

Итак, вместо солдат император рассылал испуганному христианскому миру речи и сам ими упивался. Он призывает сына, короля Конрада IV, к походу против татаро-монгол. Но семнадцатилетний юноша, власть которого отец-император настолько урезал, что его можно было назвать королем с ограниченной ответственностью, не мог выставить имперское войско. Задача защиты империи легла на князей, а именно восточных князей, теснимых монгольским войском, точно так же, как после смерти Людовика Благочестивого в 840 году ведение оборонительной войны против норманнов перешло от ослабевшего рода Каролингов к боеспособным герцогствам.

При этом необходимо признать: у Фридриха в самом деле имелись веские причины оставаться в Италии. 20 июня 1241 года император пишет римскому сенату:

«Нам приходят на память прошлые подобные происшествия, как однажды, когда Мы плыли по морю на защиту Святой земли и на уничтожение сарацин, преследующих нашу веру не меньше, чем татары, именно Наш дражайший отец (папа Григорий IX) созывал войска миланцев и их сторонников, подданных империи, дабы совместно с ними вторгнуться в Наше Королевство обеих Сицилии, пока Мы пребывали по другую сторону моря, и, что еще ужаснее звучит, отговаривал через легатов все Христово воинство давать и оказывать Нам помощь в деле Христовом».

Как это верно! Фридрих играет на том, что папа, когда сам он находился в крестовом походе в Святой земле, напал с войсками на Королевство обеих Сицилии и призвал иоаннитов и тамплиеров не подчиняться отлученному от церкви императору.

Но мы не должны забывать, что папа был вынужден прибегнуть к столь строгому средству только после многократного нарушения Фридрихом клятв, составлявших основу и его императорского положения, и отношений с папским престолом.

И вот 9 апреля 1241 года на поле брани при Лигнице, вместе с тридцатитысячным воинством, собранным из германского, польского и богемского дворянства, истек кровью герцог Генрих Силезский, сын святого Хедвига и зять святой Елизаветы Тюрингской. Войско в большинстве своем пало, сам герцог Генрих был убит.

На другой день к Лигницу подошло войско богемского короля. Оно нашло лишь груды мертвых тел. Но все же силезское жертвоприношение не оказалось бессмысленным: монголы, столкнувшись с неожиданным для них сопротивлением, постарались избежать столкновения с богемским войском. Они направились на юг, где опустошили большую часть Моравии. Под стенами Вены они развернулись и через Венгрию ушли в просторы азиатской родины. Чудо произошло по причине смерти монгольского великого кагана. Монгольские полководцы поспешили обратно, заново делить власть в монгольской державе.

Был упущен уникальный исторический шанс! Позволим себе представить: Фридрих, следуя зову судьбы, с небольшим войском, усиленным контингентом войска его сына, короля Конрада, проследовал бы на восток и объединился с богемским королем. Изумленный мир увидел бы, как татаро-монголы — а они на самом деле так и поступили — поворачивают коней на восток, исчезая как туман.

Какая красивая легенда могла бы родиться — непобедимое монгольское войско бежало, устрашившись славы непревзойденного императорского величия!

Тогда Фридрих действительно стал бы мессией, императором-спасителем, и ни один папа не решился бы отказать ему в снятии анафемы. И короли Западной Европы не могли бы оспорить его право быть первым из князей мира. С уверенностью можно сказать: он смог бы по-новому определить свою позицию по отношению к германским имперским князьям в пользу германской королевской власти.

Разумеется, такой путь наряду с безграничной славой таил в себе и бесконечную опасность. А если бы папа в союзе с ломбардцами напал на сицилийское королевство? Если бы имперская часть Италии под руководством Милана и Венеции сбросила ярмо его власти?

Или, того хуже, Фридрих II со слабым войском действительно мог бы натолкнуться на монгольскую мощь и, подобно герцогу Генриху Силезскому, погибнуть в бою!

Но разве не ставил он свою жизнь на карту для достижения гораздо меньших целей? Через несколько лет мы можем видеть его при Витербо, на переднем крае боя, в яростной схватке, рискующим жизнью в стремлении покарать предательский город.

Нет, большой шанс остался попросту незамеченным. Падение Фаэнцы близилось или уже свершилось. Предстояло блокировать морской путь направляющимся на совет прелатам. Кроме того, император хотел отправиться в Рим, намереваясь свергнуть старого, неудобного и мешающего его целям папу.

Германия находилась далеко, Венгрия еще дальше: Фридрих просто не смог увидеть и оценить происходящее, хотя он и собрал много сведений о монголах и об их военных операциях. Император повествует о взятии Киева, а также о побеге короля Венгрии Белы IV и о жертвенной смерти Генриха Силезского на поле брани при Лигнице. Обо всем этом он сообщает королю Генриху III Английскому в письме от 3 июля 1241 года, представляющем почти этнографическую стенограмму о монгольском народе: «Ведь сей народ дик, беззаконен и не знает человечности. Но у него есть правитель (Батый), которому (народ) послушно следует, почитает его и считает земным богом. Эти люди, что касается их телосложения, малы и коренасты; но сильны, широкоплечи, выносливы и закалены; воодушевленно и бесстрашно они бросаются в любую опасность по мановению предводителя. Они широколицы, их взгляд мрачен, а крик ужасен, как и их сердца. Они носят шкуры быков, ослов или лошадей, нашивая на них железные пластины; делают из них панцири, служащие им до сих пор. Но сейчас они носят также то, о чем мы не можем говорить без вздохов, — из добычи побежденных христиан лучшее и более пригодное оружие, чтобы

при Божьем гневе с еще большим позором побивать нас нашим же оружием».

Насколько нездоровая атмосфера сложилась в отношениях между папой и императором, видно из хроник летописца Маттеуса Парижского:

«Есть, правда, люди, считающие, будто император эту чуму — татар — учинил по собственной воле и ловким письмом подло покрыл отвратительное злодеяние, задумав единовластие над всем миром и сговорившись (с ними) о дерзком штурме для свержения христианской веры по примеру Люцифера или антихриста. Опровергали и письмо, якобы содержащее неверные сведения…» В конце летописец простодушно размышляет: «Но невозможно такое изобилие пороков в человеческом теле!»

Однако, несмотря на детальное знание дикого монгольского народа, император устремлял взгляд на Рим, на Италию.

Пиррова победа

Фридрих был готов к походу на Рим. Но папе и императору предоставилась еще одна попытка переговоров. Граф Ричард Корнуэльский, шурин императора и брат английского короля, возвращаясь из Святой земли, пожелал содействовать заключению мира в Риме. Но вскоре вернулся разочарованным. Папский двор не собирался сдавать позиции, закрепленные мирным договором Сан-Германо. Прежде всего речь шла о том, что этот мир должен распространяться и на Ломбардию. Но Фридрих не соглашался заключать мир с бунтовщиками, «еретиками» против империи. Две судьбоносные недели прошли безрезультатно.

Положение папы в Риме ухудшалось: Фридрих «стоял у ворот», а в Риме разразилось восстание против папы. Опять подняли голову приверженцы императора — Колонна, укрываясь до поры в своих башнях и дворцах, термах Константина и гробнице августейшего.

Фридрих приближался. Его войска опустошили всю местность от Монте-Альбано и Фабии до Латинских гор. Владения графа Конти, племянника папы, он приказал разрушить и велел в знак ненависти к папе повесить весь гарнизон. В конце августа он расположился с войском в Гротта-Феррата. Отсюда, с горного хребта, Фридрих решил начать шествие в Рим. Город, кипящий от страха, надежды и ужаса, в августовском зное лежал перед императором, желанная цель уже близка! Пришел конец боя, длившегося десятилетия, и триумф, казалось, неизбежен. Новый Рим, новая Римская империя возникнет по воле всемогущего

цезаря, князя и бога в одном лице, современного отражения античных образцов. И пока император предавался приятным мечтам, сравнивая себя с героем Карфагена Ганнибалом, папа опять разрушил его надежды.

22 августа 1241 года Григорий IX умер. Он отошел от всех земных сражений, выказав в них храбрость и стойкость истинного воина, в недостижимую свободу смерти. Полный ярости, в одном из своих писем князьям Европы Фридрих II прокричал ему вслед: «По его вине мы не достигли мира на земле!»

Конклав под гнетом страха

Фердинанд Грегоровиус сообщает в «Истории города Рима»: «Стремясь доказать миру, будто он воевал только с папой Григорием IX, а не с церковью, император немедленно сменил свою враждебность на лояльность и в сентябре вернулся в Апулию».

Того же мнения придерживается большинство германских летописцев. То есть папа — это еще не Рим, не «Rome aeternaa», [29] он даже не церковь, хотя и является ее всемогущим повелителем. Во все времена правила курия — постоянная, никогда не отказывающая память сообщества сотен мозгов, всегда изобретавших «Ecclesiae triumphalis».[30] Когда Фридрих при Монте-Кристо взял в плен сотню прелатов и бросил их в ужасную темницу, это явилось преступлением против всей курии. Курии, прекрасно осознающей, что ее судьба напрямую зависит от авторитета папы. Непонимание этого относится к фундаментальным ошибкам Гогенштауфена.

В 1059 году папа Николай II оставил право выборов папы лишь кардиналам. Назначенный еще Григорием IX сенатор Рима враждебный императору Маттео Орсини изгнал верного императору Колонна. С необъяснимой жестокостью он приказал согнать всех кардиналов ударами кулаков, словно скотину, протащить их по улицам и запереть в Септициониуме Северия, некогда великолепном, а теперь разрушающемся строении, для избрания нового папы.

Десять кардиналов, среди них и отважный Колонна, возвратившийся в ставший ему враждебным город, находились взаперти, будто в тюрьме, и в столь унизительных обстоятельствах им пришлось избирать нового папу. Через крышу помещения, где находился конклав, протекал дождь, но, что гораздо хуже, еще и моча палачей сенатора, по дьявольскому измышлению использовавших крышу как место отправления физиологических потребностей.

Согласно правилам, для избрания папы требовалось большинство в две трети голосов. Наконец пятеро кардиналов проимператорской партии выбрали миланца Джофредо Кастильони, епископа Сабины. Их противники выдвинули кандидатуру ненавистного императору кардинала Романа ди Порто. При расхождении в кандидатурах по древнему праву принятие решения предоставлялось императору. Он отклонил выбор Романа ди Порто и утвердил папой Джофредо Кастильони.

Вероятно, кардиналам проимператорской партии удалось бы достичь большинства в две трети, но тут умер один из них, англичанин Ричард Соммерскот. Солдаты бросили умирающего кардинала в угол, глумились над ним и оплевывали его, а когда начало действовать принятое им слабительное, в то время зачастую служившее средством исцеления, они заставили умирающего справлять нужду на крыше здания конклава, публично, на виду у Вечного города.

Тогда взбесившийся Орсини поклялся: если в самое ближайшее время выборы не состоятся, он прикажет выкопать тело папы Григория IX и посадить его на трон в помещении конклава. Пускай и без того полумертвые кардиналы или умрут от смрада разложения, или выберут папу. После двух месяцев в аду конклава кардиналы остановились на кандидатуре миланца епископа Сабины Джофредо Кастильони, взошедшего на папский престол под именем Целестина IV.

И император безучастно взирал на все это! Еще никогда не предоставлялось более веского основания для завоевания Рима, смещения страдающего манией величия Орсини и освобождения подвергающихся позору кардиналов.

Император сорвал бы аплодисменты всего христианского мира! Он мог бы в сиянии древних императорских прав восстановить мир и собрать конклав, в свободных и неоспоримых выборах подаривший бы миру нового папу. Фридрих упустил такой шанс!

Руководствуясь мудрыми намерениями, кардиналы избрали самого слабого и больного среди них — Джофредо из Сабины. Вошедший в историю как папа Целестин IV, он умер уже на семнадцатый день после своего избрания, еще до того, как состоялось его посвящение. Но мужественный человек успел все-таки кое-что совершить — он отлучил от церкви безумного Орсини, хотя, к сожалению, отлучение осталось неисполненным.

По завершении конклава кардиналы поспешно, словно совершая побег, покинули Рим и направились в Аньяни. Трое дружественных императору кардиналов, остались в Риме, среди них гордый и мужественный кардинал Колонна. Орсини

немедленно приказал бросить его в темницу. Ссора между домами Орсини и Колонна продолжалась в истории Рима столетиями.

Коллегия кардиналов оказалась расколотой. Трое кардиналов пребывали в Риме, четверо — в Аньяни и двое — в императорских застенках. Сначала возник спор при выборе места проведения конклава: кардиналы из Аньяни больше не хотели ехать в Рим, под деспотию Маттео Орсини.

Летом 1242 года император предпринял очередной натиск на Рим для вызволения верных ему кардиналов, но безрезультатно, и зимой 1242/43 гг. он оставался так же далек от цели, как и в момент смерти папы Григория IX. В народе пели насмешливые песни: не мешало бы сыграть в кости на папскую корону, если Святой Дух отказывает в просветлении. Фридрих, властный политик, хорошо понимал: эрозию папской власти и сана не сможет остановить и императорская корона.

Германия в центре внимания

В Германии развивалась деструкция власти. Если князья, как светские, так и духовные, ранее противились свержению императора, то теперь произошли значительные изменения. Нельзя безнаказанно бросить в застенок сотню церковных сановников, не вызвав при этом чувства солидарности с ними со стороны других прелатов. В Германии также не забыли, как показал себя император во время нашествия монголов. Архиепископы Майнца и Кёльна объединились в тайный союз, причем майнцский архиепископ, будучи регентом империи, являлся самым могущественным человеком в королевстве Германия. Вскоре к враждебной императору группировке примкнули архиепископы Бремена, Страсбурга и Люттиха, а ландграф Генрих Распе занял колеблющуюся позицию. Император решил упорядочить ситуацию в Германии.

На придворном совете во Франкфурте, возглавляемом верными ему швабскими министрами, архиепископа Майнцского сместили с его светской должности. Место регента занял ландграф Генрих Распе Тюрингский. Этим повышением император надеялся вновь привязать к себе колеблющегося ландграфа. Одновременно король Богемии назначался соригентом с титулом «прокуратор Германии».

Таким образом, богемец перемещался поближе к императору, а главное, возникли две инстанции, наблюдавшие друг за другом. Но это был временный выход. Христианский мир нуждался в новом папе, доброжелательно расположенном к императору,

чтобы вконец запутавшиеся люди получили надежные ориентиры. Но кардиналы до сих пор не могли сойтись во мнениях о месте выборов — Рим или Аньяни?

И тут император бросил в игру нового туза. Он выпустил из заключения Оттона из прихода Святого Николая. С большими денежными средствами тот появился в Аньяни и сразу занял место главы проимператорской партии взамен находящегося в римской тюрьме кардинала Колонны. Оттону, человеку талантливому, очень быстро удалось добиться решения провести выборы в Аньяни.

На Императора усилилось давление: требовали освободить ненавистного ему кардинала Иоанна Пренестского. Даже французский король дал знать коллегии кардиналов — если вопрос не решится в самое ближайшее время, Франция выберет собственного главу церкви.

Общественное мнение вынудило Фридриха отпустить на свободу Иоанна Пренестского. Послы носились между Фоджией и Аньяни. Фридрих был готов отдать миролюбивому папе папское государство за снятие отлучения от церкви. Взамен он требовал отзыва из Ломбардии враждебного ему легата, кардинала Грегора ди Монтелонрэ.

Кроме того, за возврат папского государства император потребовал признания прав империи в Ломбардии. И вновь Фридрих хотел получить от церкви то, чего она не могла дать: императорские Ломбардия и Сицилия являлись двумя жерновами, способными смолоть патримоний Святого Петра, пусть и освобожденный.

Но в курии тоже понимали необходимость выбора нового папы. И через два года после смерти папы Григория IX, 24 июня 1243 года, кардинала из Сан-Лоренцо ди Лючиа, Синибальдо Фиески, графа Лаванья, единогласно избрали папой. Императору он казался идеальным кандидатом.

Иннокентий IV — папа и победитель

Графы Лаванья были крупными, весьма зажиточными феодалами, подчиненными непосредственно императору, правителями из верной императору Пармы. Казалось, задача выбора дружественного императору папы выполнена.

Фридрих будто бы сказал, узнав об избрании Синибальдо Фиески папой: «Я потерял хорошего друга среди кардиналов, ибо никакой папа не может быть гибеллином».

Как бы интересно ни звучали такие слова, Фридрих не мог их произнести. Ведь тем самым он признал бы антипапскую направленность своей политики, и тогда папы и поддерживающая их курия всегда должны были бы противодействовать императору и его постоянным клятвопреступлениям.

Папы понимали несовместимость двух противоположных точек зрения и последовательно способствовали крушению Гогенштауфена. Но Фридрих верил: ему удастся переиграть папство силой или хитростью. Его политика, несомненно, имеет оттенок игры, авантюризма. Иногда даже кажется — за всеми воинственными манерами, за величественными речами, за угрозами скрывается маленький мальчик, до конца не верящий, что печка горячая. Вот он дотронулся до нее и теперь с болью глядит на обоженный палец.

Вновь избранный папа, принявший знаковое имя Иннокентий IV, с намеком на третьего Иннокентия, считавшего себя «больше, чем человек, меньше, чем Бог» и отвоевавшего для своего понтификата превосходство папства над светской властью, стал для Фридриха совсем другим противником, нежели благородный, живущий в священном экстазе папа Григорий IX.

Если папа Иннокентий IV оказался приемлемой кандидатурой для императора, то и для курии он был хорош. Хотя Иннокентий IV, урожденный генуэзец, сдал внаем генуэзский флот для участников собора. С 1228 года он становится вице-канцлером курии, с 1235 по 1240-й — ректором марки Анкона и, наконец, папским легатом в Северной Италии, являясь доверенным лицом папы Григория IX. В молодости Иннокентий IV преподавал каноническое право в Болонье и слыл теперь здравомыслящим юристом. Само католическое общество видело его таким: «Преисполненный всеобъемлющим стремлением к папской власти, Иннокентий IV отличался пугающей неосмотрительностью в выборе средств и беспощадной стойкостью и последовательностью в достижении своих целей».

Но император приветствовал папу. В распространенном

манифесте князьям христианского мира об избрании папы император обнаружил большие ожидания, возлагаемые им на первосвященника Рима: «Поскольку он (Иннокентий), являясь одним из благороднейших сынов империи, и словом и делом всегда оказывался доброжелательным, послушным и преданным Нам по причине справедливых взглядов, внушил Нашему трону полное доверие, что он будет поддерживать всеобщий мир, общее благо империи и единогласие нашей дружбы в отеческом смысле, за это Мы все чтим в нем отца, и он сам обнимает Нас, как сына».

Но праздник благодарности и радости, по приказу Фридриха устроенный в Сицилии, не принес императору ни малейшего улучшения его положения. Папа не принял делегацию от императора, ссылаясь на то, что не может общаться с отлученным. Но вскоре он снял отлучение с делегатов, намереваясь вступить с ними в переговоры. Тогда папа заявил: император должен прежде всего освободить папское государство, поскольку таково его обязательство. Посланники сразу указали на обещание кардиналов отозвать из Ломбардии папского легата и недруга императора, Грегора ди Монтелонго, в ответ на освобождение кардинала Иоанна Пренестского. Папа холодно возразил: обещания, данные кардиналами во время вакантного места папы, не могут связывать вновь избранного папу.

Если это действительно так, возразили посланники императора, то обещания об освобождении церковного государства, данные кардиналам, тоже являются беспредметными.

Итак, все снова заняли непримиримые позиции.

«Великодушные» предложения императора, в свое время заставившие в. Вероли покраснеть от ярости старого папу Гонория III, — заплатить папе аренду за оккупированные земли папского государства и принять их от папы в лен — папа и курия, естественно, также отклонили, хотя выполнение условий Фридриха немедленно принесло бы деньги в пустую папскую казну. Папа Григорий оставил преемнику кучу долгов неслыханной величины. Верующие в галереях дворца папы молили о своих деньгах, однако Иннокентий IV ни секунды не колебался и не пожертвовал позициями папства.

Но переговоры тем не менее продолжались, хотя Ломбардия стала преградой для решений по всем вопросам. Из-за пакта Григория IX с Венецией, Генуей, Пьяченцей и Миланом Иннокентий IV был ограничен в действиях и не мог заключить мир с императором без согласия городов. Папа стремился не допустить падения Ломбардии, единственного настоящего союзника, а Фридрих желал безусловного уничтожения

Ломбардской лиги. Кроме того, он хотел получить от папского государства герцогство Сполето и марку Анкона, как сухопутный мост в Северную Италию. Требование, с которым папа не мог согласиться.

И опять запылал факел войны!

Город Витербо сбросил власть императора. Вероятно, ломбардцы через агентов раздули пожар, стремясь воспрепятствовать миру с императором, или же это были происки враждебных императору кардиналов — выяснить невозможно.

Но на передний план выступает кардинал Райнер Витербоский, злейший враг императора, решивший внезапным ударом захватить родной город Витербо. Императорский гарнизон укрылся в крепости, где он, хорошо снабженный, мог бы удержаться не один месяц.

Прочтем донесение кардинала Райнера Витербоского, и тогда нам станет понятной реакция императора:

«Он примчался подобно львице, у которой отняли детенышей! Он появился, как вихрь в полночь, как гонец без всякой королевской помпы, объятый огнем ярости, стремясь уничтожить город! Он прискакал на красном коне разрушить мир на этой земле».

Даже отчаянная ярость не помогла взять хорошо укрепленный город. Император соскочил с коня и сам кинулся на штурм противника. Но город устоял. Затем последовало строительство осадных машин, и неделю спустя в предрассветных сумерках начался новый штурм. Император видел себя перед новой Брешией.

Тут папа дал знать о своей готовности к переговорам. Друзья императора, граф Тулузский и император Балдуин Константинопольский, активно действовали при папском дворе в пользу дела мира. Кардиналу Оттону из прихода Святого Николая, в прошлом слывшему другом императора, доверили уладить конфликт. Императору не нужна была ни вторая Брешия, ни многомесячная осада, как при Фаэнце, и он быстро достиг понимания с кардиналом Оттоном. Императорский гарнизон должен был получить свободный проход, а император — вернуться обратно в Апулию. Горожане Витербо поклялись в гарантиях беспрепятственного отступления. Но, когда солдаты императора проходили через город, кардинал Райнер напустил разъяренную толпу на изнуренный гарнизон, и та забила его до смерти. Кардинал Оттон пытался своим телом закрывать солдат, но толпа в ярости отбросила его в сторону. Кардинал Оттон вел честную игру, виновен был кардинал Райнер Витербоский, страшившийся мира с императором больше всего на свете.

Фридрих II, сам нарушивший много клятв и договоров, отослал кардиналу Оттону письмо, удивительное свидетельство человеческой неспособности замечать бревно в собственном глазу:

«…К какой цели Мы еще можем стремиться в наших ожиданиях, когда верность людей так сильно поругана… Каких союзов с людьми Мы можем еще искать, с кем Мы должны договариваться об улаживании такой великой ссоры, о крушении почти всей земли, после того как над обещанием святого легата… легкомысленно совершается насилие?»

Адская глубина силы ненависти Фридриха открывается в его яростном выкрике, о котором рассказывают: «…даже после смерти он хотел бы поднять свои останки для уничтожения Витербо. Он не смог бы напиться досыта кровью его горожан, и если он не мог бы своей собственной рукой устроить в городе пожар, будучи одной ногой уже в раю, то убрал бы ее оттуда, лишь бы свершить месть над Витербо».

Рокировка

Фридрих не мог избавиться от ненависти к Витербо. Папа не одобрил случившийся инцидент, поскольку произошло, с его ведома или без оного, настоящее правонарушение. Он наложил на город денежный штраф, приказал отпустить оставшихся в живых сторонников императора, но ясно дал понять последнему: большего сделать он не может, так как не собирался терять Витербо. Поведение, типичное для Иннокентия IV: он порицает средство, но не само событие, позволившее ему получить город в свое владение.

Требования со стороны соседей привели обе стороны к новым переговорам, проходившим под патронатом короля Франции. Фридрих приближался к пятидесятилетнему рубежу. Жизнь, проведенная в седле, в борьбе против папы, церкви и Ломбардии, изнурила его. Ведя переговоры через посланников, Фридрих дошел почти до предела своих физических и душевных возможностей. В формуле компромисса было заявлено: император не пренебрегал отлучением от церкви и поэтому, как написано в булле об отлучении, не считается еретиком.

О факте отлучения нельзя было упомянуть более удачно. Фридрих признал папу духовным владыкой и по причине двойственного отношения к отлучению (то принимая его, то пренебрегая им) подчинился назначенному папой искуплению. Он согласился на обязательство освободить всех плененных прелатов и вознаградить их. Позднее папская сторона назвала

фантастическую для тех времен сумму в четыреста тысяч марок. Далее он обязывался вернуть имущество всем пострадавшим сторонникам церкви. Хотя это и выглядит как полная капитуляция, но действительно важные вопросы не были достаточно четко оговорены. Например, вопрос освобождения папского государства и восстановления прав империи в Ломбардии.

Время торопило. Мир требовалось заключить до Пасхи, дабы имя императора не упоминалось в традиционном, зачитываемом в Великий четверг списке отлученных от церкви. Желание быстрого мира поставили превыше реальности: в Великий четверг 1244 года император более не находился в списке преданных анафеме, а папа в своей проповеди назвал его «верным сыном церкви». Теперь всему свету стало ясно: мир состоялся, и снятие отлучения с императора — логическое следствие данного заявления.

В праздничной форме документ, как и подобает его мировому значению, скрепили клятвой и печатью в присутствии французского посредника, папского двора и императорских переговорщиков.

Фридрих приказал звонить во все колокола Сицилийского королевства.

И вот тут всплыли недостатки договора, построенного на принятии желаемого за действительное.

Нигде не было записано, к какому сроку император должен освободить папское государство. Папа утверждал — перед отменой отлучения, император же возражал: сначала отмена, затем возвращение церковных земель. Со своей точки зрения император был прав. Ведь папа мог в любой момент подвергнуть его новому отлучению, в случае если Фридрих не выполнит обязательств. А Фридриху, если папа не отменит отлучение, пришлось бы отвоевывать территории только путем дорогостоящей военной операции.

В то же время к папе явились ломбардцы и подали жалобы. Они потребовали у папы разрешить без всяких ограничений их разногласия с императором. О правах империи речи уже не велось.

Папа, желая продлить мир или просто выиграть время, изменил, казалось, совершенно безобидно, текст, уже закрепленный клятвой, и удалил признание папой прав императора на Ломбардию.

Неужели папа и в самом деле верил, что Фридрих и его юристы настолько глупы и не заметят эти манипуляции с текстом договора? Или он думал, будто Фридрих, созвавший в состоянии

спонтанной радости от заключенного мира имперских князей на совет в Верону, будет вынужден в присутствии общественности принять изменения в договоре?

Наиболее вероятным кажется следующее: Иннокентий IV, аналитическим умом понимая несовместимость противоположных точек зрения, уже решился на нарушение договора и просто старался выиграть время.

Но император все же стремился к миру. Так, у него созрел план достичь мира между папой и императором в личной беседе, без посредников, чье участие таило в себе опасность взаимного недопонимания.

Император построил для папы золотой мост. Поскольку для него не представлялось возможным встретиться на оккупированной им территории папского государства, он по желанию папы заявил о своей готовности вывести войска из района Нарни и Риети. После чего курия заявила о желании папы Иннокентия отправиться в Чивита Кастеллано для встречи с императором в Нарни.

Одновременно, открывая папе путь в Чивита Кастеллано, Фридрих освободил заблокированные проходы на север, северо-восток и северо-запад. Теперь путь для реализации истинных целей папы и в самом деле оказался свободен. 28 мая папа назначил новых кардиналов, настроенных исключительно враждебно по отношению к императору, затем отправился в Чивита Кастеллано, куда и приехал 7 июня 1244 года. 9 июня папа назначил угодного императору кардинала Оттона из прихода Святого Николая куратором переговоров. Он направил послов генуэзскому подеста, Филиппе Вичедомини, и еще девятнадцать дней сохранял видимость переговорного процесса с императором. Когда 27 июня послы сообщили ему, что генуэзский флот с тремя его двоюродными братьями на борту бросил якорь в порту Чивитавеккья, папа решил бежать. Вооруженный, как рыцарь, в сопровождении небольшой свиты и двоюродных братьев, он бежал в ночь и утром 29 июня достиг порта и спасительного генуэзского флота.

29 июня посланники Фридриха, император Балдуин, граф Тулузский и придворные судьи Петр из Виней и Таддеус Суесский, появились в Чивита Кастеллано и узнали о побеге папы. Много раз кораблям папы приходилось искать в гаванях убежища от штормящего моря, но 7 июля 1244 года флот благополучно пристал к берегу в Генуе, встреченный звоном колоколов и праздничным хором.

Три месяца папа укрывался в Генуе, в монастыре Святого Андрея. Он искал надежного убежища. Но короли Англии и

Арагона, ленники папы, а также король Людовик Французский отказались от сомнительного счастья предоставить папе новую родину. В конце концов он принял решение перебраться в Лион, лишь номинально принадлежащий империи, но в реальности обладавший высокой степенью самостоятельности.

Столь смелой рокировкой папа освободил себя от угрозы быть запертым в Риме императорской армией подобно Григорию IV и стать объектом императорской воли. В глазах христианского мира Иннокентий IV поднялся до мученика, спасшего церковь от угрозы угнетателя — Гогенштауфена.

Совет в Лионе

Император немедленно осознал опасность сложившейся ситуации. Он послал вдогонку папе графа Тулузского, намереваясь склонить его к возвращению и заключению нового, всеобъемлющего мира. Однако холодный и расчетливый Иннокентий IV не для того освобождался от замкнувшегося кольца окружения, чтобы вновь попасть в зависимость от императора. В августе 1244 года император написал сторонникам длинный и обстоятельный оправдательный документ, где обвинял курию и папу в обмане, но христианскому миру слишком часто приходилось внимать подобным декламациям, и он уже не мог заставить себя поверить им.

Папа, находясь в Лионе, развил активную деятельность, пиком которой в январе 1245 года стал созыв совета в Лионе, ставившего целью смещение императора. Причем вопреки предписанной законом форме Фридриха даже не пригласили на совет. Таким образом, решение судьбы императора вновь получило некоторую отсрочку.

Передышка

В Святой земле разразилась катастрофа. Наперекор совету Фридриха II возобновить истекшее по времени перемирие с султаном Каира рыцарские ордена в надменной заносчивости не сделали этого. Султан, воспользовавшись их оплошностью, призвал к себе крупный воинский контингент хорезмцев, чью империю уничтожил Чингисхан, завоевал и разрушил вместе с ними Иерусалим, выбив оттуда христианское воинство.

Крик ужаса пронесся над Западной Европой. Патриарх направил послов ко двору императора в Фоджию, а на патриарха Альберта Антиохийского возложил задачу установить мир между императором и папой. Фридрих предложил папе через патриарха

Альберта нечто большее, чем просто подчинение. Император решил уйти от споров к славе великого, убедительного поступка. Вот его предложение.

Решение ломбардского вопроса полностью отдавалось приговору папы, территория папского государства без всяких условий возвращалась патримонию. Сам он желал на три года уехать в Святую землю для восстановления там господства христиан. Фридрих зашел настолько далеко, что обязывался возвратиться оттуда только с разрешения папы, и выразил согласие лишиться всех своих государств, в случае если не выполнит обещаний.

Король Людовик Святой Французский, сам благословивший крестовый поход и чье отдаление от папы видно из отказа ему в убежище во Франции, встал на сторону императора. В сложившейся ситуации и под давлением общественного мнения Иннокентию IV пришлось принять предложения императора. Ведь в противном случае он оказался бы не только противником мира, но и человеком, препятствующим возвращению христианам святых мест. С тяжелым сердцем 6 мая 1245 года он дал патриарху Альберту Антиохийскому поручение снять с Фридриха II отлучение после того, как тот выполнит все условия.

Когда папа назначил в Лионе свой совет, Фридрих в то же самое время созвал придворный совет германских князей в Вероне. С двором и большим войском он направлялся из Фоджии на север. Путь императора пролегал через папское государство, мимо ненавистного Витербо. И вновь он стал жертвой своего темперамента и слепой ярости: Фридрих попытался с ходу взять Витербо! Когда это не удалось, он две недели жег и опустошал окрестности города. Кто смог бы объяснить этот поступок императора? Он только что сделал всеобъемлющее, самоотверженное мирное предложение — и тут же стал жертвой собственной безумной ненависти, опять показавшей его человеком, не заслуживающим доверия. И это случилось в тот самый день 6 мая 1245 года, когда папа Иннокентий IV распорядился снять с него отлучение от церкви. И кто после этого мог верить настолько противоречивому императору?

Один из его величайших врагов, человек, испытывающий ненависть такой же архаичной силы, только и ждал подобного поступка со стороны Фридриха. В злопыхательском послании Райнера Витербоского Фридрих превратился в чудовище. Черными красками описан образ императора, олицетворяющего собой антихриста. Кардинал припомнил все грехи Фридриха. Его дружбу с мусульманскими князьями, от которых он принимал подарки. (То, что он тем самым вернул христианам Иерусалим

без кровопролития, не упоминалось.) Его соблазняющие речи, его тезис о «трех обманщиках», легкомысленное замечание о пшеничном поле («здесь произрастают несколько тысяч спасителей») — обо всем сообщалось общественности. Не забыли и о сарацинской колонии, чьи воины пристрастились насиловать христианских девиц перед алтарями Господа, а также о прекрасных сарацинках, с которыми император сам предавался разврату. Вновь вспомнили и обо всех трех женах императора. Его третья супруга, умершая в декабре 1241 года, содержалась в застенках Гоморры, и в конце концов ее отравили. Ни один факт не остался неискаженным — уничтожение образа императора стало поистине апокалиптическим. Через столетия гремит устрашающий голос Райнера Витербоского:

«Но на еще более ужасное посягнули руки врага и преследователя: он вел войну против святых и угнетал их. Поднявшись против неба, от твердыни неба и звезд он отринул святых Всевышнего и терзал их, поскольку имеет в своей пасти три ряда клыков… У новоявленного Нимрода — безумного охотника до разврата перед Господом, любящего только лживые речи, — служат лишь злодеи, злобой доставляющие удовольствие королю, а ложью — князьям… он князь тирании, ниспровергатель церковной веры и культа, уничтожитель устава, мастер жестокости, переменитель времен, сбивающий с толку земной круг и молот всей земли…»

От Витербо до Лиона прокатился ревностный голос гневного кардинала: «Не имейте никакой жалости к злодею! Повергните его на землю перед ликами королей, дабы они, видев это, убоялись следовать ему в своих поступках! Вышвырните его из храма Господня, не позволяйте ему более властвовать над христианским народом! Уничтожьте имя и плоть, отпрысков и семя вавилонянина!»

Итак, прозвучал ужасный приговор, по которому и суждено было исполниться судьбе рода Гогенштауфенов.

Папа услышал в Лионе глас кардинала Райнера. Он с напряжением следил за советом князей, созванным императором в Вероне. Он уже знал, что архиепископы Майнца, Кёльна, Трира и Бремена, а также регент империи ландграф Герман Распе Тюрингский, богемский король и герцог Баварский не прибудут в Верону.

Император мог, таким образом, видеть крушение собственной политики в королевстве Германия.

С тем большим рвением он попытался теперь привлечь на свою сторону некогда смещенного с трона герцога Фридриха Строптивого Австрийского, укрепившегося там вопреки воле

императора. Поскольку силой оружия не удалось присоединить Австрию к императорским наследным владениям, сейчас он предпринял попытку достичь цели путем брачной политики.

Он уговорил герцога, оставшегося после трех браков бездетным, сделать австрийскую герцогскую корону наследной, для чего потребовал от герцога Фридриха Австрийского себе в жены его племянницу и наследницу.

Римская курия попыталась всеми дипломатическими средствами воспрепятствовать браку и связанному с ним ростом власти Штауфена над юго-восточной частью империи.

Но мечты Бабенбергов о королевстве, папская и императорская дипломатии разбились о твердую волю женщины. А именно о волю той самой племянницы герцога, Гертруды, отвергшей брак с императором — то ли по религиозным, то ли по политическим или моральным соображениям — и вскоре, 1 апреля 1246 года, вышедшей замуж за Владислава Моравского, сына богемского короля Венцеля I и его супруги, Кунигунды Швабской, двоюродной сестры императора.

Фридрих не отступил от брачной политики и заключил помолвку своей семилетней дочери Маргариты от брака с Изабеллой Английской, с четырехлетним маркграфом Альбертом II, дегенератом из Мейсена. За год до описываемых событий император выдал замуж дочь от связи с графиней Бианкой Ланчией, Констанцию, за греческого императора Иоанна III Дукаса Вататцеса.

Но брачные узы не могли удержать неотвратимого хода судьбы. Все же в Вероне император вновь наделил австрийского герцога знаменем его наследного герцогства, еще раз повидался с сыном, королем Конрадом IV, доставившим ему отряд швабских рыцарей, и еще крепче привязал к себе тирана Эццелино ди Романо, женив его на своей внебрачной дочери Сельваджии.

В конце мая 1245 года Фридрих направил в Лион главного судью, Таддеуса Суесского, проверенного, верного человека, блестящего оратора и юриста.

Сам император отправился в Турин. Очевидно, он условился находиться неподалеку от совета, если все-таки состоится его прощение. Как мы увидим позже, императору опять пришлось пережить разочарование из-за бескомпромиссной последовательности противников.

День гнева

В соборе папы Иннокентия III в 1215 году принимали участие четыреста двенадцать архиепископов, епископов и восемьсот

аббатов — сейчас в Лионе собралось лишь сто пятьдесят прелатов. Кроме архиепископов Майнца и Кёльна, отсутствовал весь германский епископат, а также епископы из Королевства обеих Сицилии. Старый архиепископ Берард Палермский присутствовал как представитель императора. Таким образом, круг участников в основном ограничивался епископами из Англии, Франции и Испании. Венгерские епископы тоже отсутствовали, так что назвать собор всеобщим было трудно. Но это ничего не значило. Приговор, который предстояло вынести, был уже предрешен.

Прежде всего из французских прелатов, часть которых попала в свое время в заключение в Монте-Кристо, планировалось создать сильную антиимператорскую партию, присоединив к ней также испанцев, хотя и избежавших пленения, но уже из Генуи заклинавших папу Григория IX всеми средствами действовать против императора. Современник событий, Маттеус Парижский, впечатляюще повествует о соборе и о том, как он проходил:

«Когда господин папа собрал уже многих прелатов, хотя и не всех, в понедельник (26 июня 1245 г.) он отправился… в трапезную монахов Святого Юстуса в Лионе. Присутствовал также Таддеус Суесский… рыцарь и учитель права и главный судья императора… Стремясь восстановить мир и прошлую дружбу, от имени господина он с уверенностью обещал вернуть к единству Римской церкви всю Романею (это в греческой империи) и противостоять всеми силами татарам, хорезмийцам и сарацинам и другим презирающим церковь, как верный воин Христов. Он выразил желание лично и за свой счет опять навести порядок в Святой земле, находящейся в большой опасности. Наконец, он хочет вернуть отнятое у Римской церкви и возместить всякий вред».

Ответ папы более внушителен, нежели все проклятия, насылаемые им на Фридриха. Слишком часто император на протяжении десятилетий правления обманывал, хитрил, слишком часто нарушал клятвы, из-за чего утратил моральный кредит доверия как правитель и как человек. Итак, папа отвечал:

«О сколько, сколько было уже обещано, но никогда и ни к какому сроку не выполнялось! И так будет впредь. Наверняка новое обещание рассчитывает лишь остановить уже занесенный над корневищем топор, дабы обмануть и убедить разойтись церковное собрание».

В ближайшую среду переговоры продолжились. Папа перечислил грехи, клятвопреступления, ереси, нарушения закона императором, а именно: его дружбу с сарацинскими князьями и бесстыдные отношения с сарацинскими женщинами.

Таддеус Суесский мужественно заступался за своего господина, но ему удалось добиться с помощью английских прелатов лишь двухнедельной отсрочки переговоров.

17 июля 1245 года стало днем оглашения приговора. Папа восседал на высоком троне, помещение кафедрального собора Лиона заполнили архиепископы, епископы и аббаты. Еще раз Таддеус просил за господина. Прежде всего он отверг правомочность собора, заявив: «Таким образом, я, Таддеус Суесский, главный судья императорского двора, в качестве полномочного представителя Римской империи апеллирую к будущему папе и к действительно всеобщему собору, на который должны быть приглашены все католические короли, князья и прелаты, не говоря уже об особе императора».

Но папа объявил церковное собрание достаточным и правомочным и сказал:

«Фридрих, самый выдающийся из светских князей, зачинщик такого раскола и бунта… кроме того, связанный омерзительной дружбой с сарацинами …перенял их обычаи и держал их при себе для повседневной службы; он не постыдился даже приставить к своим супругам из королевских родов евнухов… Блаженной памяти герцога (Людвига) Баварского, особенно преданного Римской церкви, он, как определенно заверялось, пренебрегая христианской религией, приказал умертвить наемному убийце. И Вататцесу (императору Греции), врагу Бога и церкви, исключенному из сообщества верующих совместно со своими помощниками, советчиками, фаворитами отлучением от церкви, он отдал в жены дочь… Кроме того, в Королевстве обеих Сицилии, являющемся особым владением Святого Петра и полученном этим князем в качестве лена от апостольского престола, он привел духовных и мирян к такому обеднению и угнетению, что у них уже почти ничего нет, почти все порядочные люди оттуда изгнаны, а оставшиеся вынуждены жить в поистине рабских условиях и Римскую церковь, чьими людьми и вассалами они в основном являются, оскорблять и вести с ней борьбу…»

Проклятие в адрес императора папа завершил словами:

«Мы обсудили с Нашими братьями и церковным собранием как приведенные, так и многие другие отвратительные преступления и, поскольку Мы являемся, хоть и недостойным, представителем Христа на земле, и от имени святого Петра говорим: «То, что ты связываешь на земле, будет связано и на небе; что ты развяжешь на земле, будет развязано и на небе!» Поэтому названного князя, опорочившего императорскую, королевскую и всякую честь и достоинство, отвергнутого Господом из-за своих преступлений, чтобы не править более, Мы

объявляем человеком, погрязшим в грехах и проклятым, и лишенным Господом всякой чести и всех титулов, и смещаем его объявлением Нашего приговора. Всех, кто связан с ним клятвой и верностью, Мы навсегда освобождаем от клятв и в силу апостольских полномочий строжайше запрещаем кому-либо в будущем подчиняться ему как императору или королю и объявляем: тот, кто подаст ему совет как императору или королю, окажет содействие или покровительство, будет подвергнут отлучению от церкви. Обязанные избрать для империи нового императора должны беспрепятственно провести выборы преемника. С Королевством обеих Сицилии Мы при совете Наших братьев поступим таким образом, каким сочтем нужным…»

«…Господин папа и присутствующие прелаты с зажженными свечами в руках прокляли императора, который уже не должен был называться императором, самым ужасным образом, уронили свечи и потушили их, в то время как защитники императора сокрушенно удалились».

Над погруженным в сумерки кафедральным собором Лиона раздался вопль императорского главного судьи Таддеуса Суесского: «Вот день гнева, несчастья и нищеты!»

Эрозия власти

Сто двадцать восемь лет прошло с тех пор, как император Генрих IV на ледяных полях Каноссы молил папу снять с него отлучение от церкви.

Но здесь произошло нечто большее, чем анафема императору. Папа Иннокентий IV воплотил перед ошеломленным миром мечту Григория VII и Иннокентия III о всевластном папстве с функцией мирового судии. Отстранение императора Фридриха II, потрясшее дворян и князей всей Европы, не имело ничего общего со смещением Вельфа, императора Оттона IV. Тот являлся творением папы, и, когда папа столкнул его, его императорская власть рассыпалась.

Правление императора Фридриха II длилось несколько десятилетий, его блеск освещал всю Европу.

Папский указ о смещении глубоко задел Фридриха II, но одновременно вернул ему свободу. «Достаточно долго я оставался наковальней, теперь я буду молотом», — кричал он. Всего лишь громкие слова. Каким молотом он будет размахивать? Когда он начал борьбу против папы, за ним стояла вся мощь империи. Теперь три крупных рейнских архиепископа — Майнцский, Кёльнский и Трирский — открыто перешли в лагерь курии. В Ломбардии власть Фридриха II ослабла больше, чем при

Фридрихе Барбароссе. Остальную часть Италии император подчинил военной диктатуре методом террора, но вскоре узнает, насколько можно доверять таким подданным.

Итак, ему пришлось удовольствоваться письменным наступлением на князей и королей и служить предостерегающим примером европейским правителям, ведь папе удалось его одолеть.

Особые усилия Фридрих направил на французского короля, снаряжавшегося в крестовый поход. Его он стал просить о заступничестве у папы. Если папа снимет с него отлучение, он отправится в Святую землю вместе с королем Людовиком. Благочестивый король Людовик, исполненный святого рвения, сразу же обратился к папе с просьбой отменить лионское решение.

Папа попалив незавидное положение. Он не мог сделать врагом еще и французского короля. Определенно имели место и возражения Англии, направленные против своего сюзерена-папы. Он решил постараться выиграть время. Летом 1245 года папа обещал сделать решающее заявление на Пасху 1246 года. До того времени папа надеялся создать новые политические отношения. Какими именно средствами — благочестивый король Людовик не имел ни малейшего представления.

Император перешел в наступление на другом фронте, и при последовательном проведении оно могло бы весьма стеснить курию. В письме от февраля 1246 года, направленном князьям мира, он делает революционное предложение: путем реформирования церкви вернуть ее к древнехристианской, евангельской бедности. Предложение, не оставшееся без поддержки среди низшего духовенства и прежде всего народа.

Подобные мысли уже владели умами в течение столетия, пример такого образа жизни подавали нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев. Женское движение бегинок проповедовало те же идеалы.

Мысли об обновлении церкви, представленные могущественным императором, могли бы привести к замыканию церкви на самой себе и ослабить ее светскую претензию на власть.

Фридрих II предостерегает короля Франции Людовика от папской политики власти: «…они начали с Нас это, но знайте, закончат Вами, ибо, однажды уничтожив Нашу власть, не ожидают никакого сопротивления».

26 февраля 1246 года он призвал князей мира: «Ведь те, кто сегодня носит имя священников, жиреющие на подачках отцов, угнетающие сыновей, сами сыновья Наших подданных, забывают

положение отцов и не соблаговоляют оказывать какую-нибудь преданность ни императору, ни королям, как только их посвятили в апостольские отцы… Но Мы не первые и не последние, кого пренебрежение священников отчуждает и пытается свергнуть с высоты. То же произойдет с Вами, если Вы послушаетесь лицемеров святости, в своей алчности надеющихся, что в их пасть низвергнется целый Иордан… В самом деле, огромные прибыли, которыми они обогащаются, высасывая их из многих государств, как Вы сами знаете, доводят их до безумия… Чем охотнее Вы протягиваете руки этим беднякам, с тем большей жадностью они хватают уже не только за руки, но и за локти… Мы всегда стремились привести священников всех рангов, и особенно самого высокого, к изначальной церкви, к подражанию смирению Господа апостольским образом жизни. Ибо (только) такие священники заставляют ангелов взирать на них, сияя от удивления, могут исцелять больных, поднимать мертвых и своей святостью, а не силой оружия, подчинять себе князей и королей. Эти же, напротив, предаются светскому образу жизни, упиваются наслаждениями, пренебрегают Богом; в потоке сокровищ утонуло их благочестие. Лишить их губительных сокровищ, которыми они развратно отягощены, — дело христианской любви к ближнему».

Такое послание, служащее путеводной нитью для последующих столетий, наполненных поисками реформ, с его обвинениями клира могло бы выйти из-под пера Мартина Лютера, в то же время открыто демонстрирует оторванность от реальности императора, считающегося тем не менее рационалистом.

Здесь же он говорит о «хрупком мире» между папой и императором, никак не понимая очевидного: их отношения полностью разорваны. Он не слышит голоса папы, отвечающего на защитную речь Таддеуса Суесского: «О сколько, сколько было уже обещано, но никогда и ни к какому сроку не выполнялось! И так будет впредь. Наверняка новое обещание рассчитывает лишь остановить уже занесенный над корневищем топор, дабы обмануть и убедить разойтись церковное собрание».

Он все еще верит в «возможность хрупкого мира» между императором и папой, который должен быть создан «могучим посредником». Фридрих, надеясь на мир, призывает церковь к евангельской бедности и убеждает королей прекратить получение церковью доходов, отнять у нее губительные сокровища.

Провозглашающий подобные тезисы может надеяться лишь на свою дружину в борьбе против ненасытной Римской курии, но ни в коем случае не на «хрупкий мир» с папой и курией. В истории церкви всегда какие-то люди хотели бы проводить жизнь

в бедности со своими общинами. Церковь поддерживала их, пока они не начинали выступать против основных принципов веры и первенства курии и папы. Но те, кто требовал от церкви бедности, подвергались проклятию, если не сожжению, как, например, бедный Арнольд из Брешии (ум. в 1155 г.).

Император-реформатор во главе нищенствующего движения в XIII веке, император-обновитель церкви — по-видимому, жизнеспособная идея, но абсолютно не сочетающаяся с поисками «хрупкого мира» с папой путем переговоров.

В жалобах Фридриха не видно ничего нового. Уже на соборе в Лионе один из английских прелатов выступил против непомерных церковных сборов. Решительные призывы к бедности церкви привели бы на сторону императора английских баронов, страдавших, как и их слабый король, оттого, что были ленниками церкви.

Во Франции многие бароны объединились в союз для защиты светской юрисдикции от клира. Князья, например герцог Бургундский или граф Бретонский, гордо заявляли в уставе союза: королевство Франция «завоевано не по написанному праву и не самонадеянностью духовенства, а военной силой; они, знать страны, опять принимают на себя отобранное у них право судить, желая привести к бедности разбогатевших на своей алчности священников».

Разумеется, император Фридрих II не смог бы провести подобную реформу церкви, ведь в действительности его интересовала вовсе не религиозная подоплека. Порицания разбогатевшей церкви — лишь средство политической борьбы Штауфена. Будучи фанатиком порядка, он был бы не прочь использовать упорядоченную церковную систему в качестве средства для управления людьми по всей земле. Но церковь должна стоять ниже величия императора и уж ни в коем случае не считать себя властью, имеющей право судить весь мир.

Фердинанд Грегоровиус метко замечает: «Смещение папы с поста верховного судьи над светской властью и возвращение церкви к ее аполитичному первоначальному статусу путем секуляризации ее имущества — вот реформа, требуемая великим императором, но он мог лишь продекларировать ее в виде собственного мнения». Высказывать подобные взгляды против папы и курии, будучи не в состоянии отстаивать их в борьбе, — такое поведение неминуемо вело к краху.

Антикороль

Избрание в Германии антикороля в противовес

Гогенштауфену явилось для папской дипломатии нелегким предприятием. Его дом правил слишком долго, слишком твердо именно эту династию считали в Германии королевским родом, данным самим Богом.

Первым предостережением изменения сознания стало отсутствие архиепископов Майнца и Кёльна на придворном совете в Вероне и их присутствие на соборе в Лионе.

Из Майнца и Кёльна по всей стране устремились папские послы, прежде всего члены нищенствующих орденов, оповещая об отлучении императора от церкви и его смещении с трона. Рука курии сжималась все сильнее. Епископы, не поддержавшие архиепископов Майнцского и Кёльнского, отстранялись от должности. Например, епископы Вормса и Регенсбурга, аббаты достопочтенных, основанных во времена Каролингов или в еще более древние времена монастырей Эллвангена, Райхенау, Кемптена и Сан-Галлена. Большая часть юго-запада Германии находилась под интердиктом. Душевное смятение людей не поддается описанию: их лишили всех таинств, крещения, причастия, не могло состояться ни венчание, ни христианское погребение. Ужас накрыл страну, и запуганные люди склонились.

Папскому легату, епископу Филиппу из Феррары, при содействии архиепископа Кёльнского удалось перетянуть на сторону папы ландграфа Генриха Распе, уговорив его стать антикоролем. Перемена в сознании произошла во многом благодаря еще и двадцати пяти тысячам серебряных марок и великодушному разрешению на расторжение брака, выданному папой ландграфу. Генрих Распе, озлобленный муж, остававшийся бездетным в трех браках, желал возвысить свой род, который на нем и заканчивался, славой королевской и императорской короны, даже если на ней будет лежать отблеск предательства и вероломства.

Кроме золота, разрешения на развод и привилегий от папы, его готовность стать антикоролем усилил и намек епископа Бамбергского, посоветовавшего ландграфу, возвратясь из Лиона, без всяких сомнений принять корону, поскольку император недолго будет оставаться среди живых.

Высказывание епископа Бамбергского получает особое значение, если вспомнить, как папа обещал французскому королю объявить окончательное решение к Пасхе 1246 года. Во всяком случае, 22 мая 1246 года ландграфа Генриха Распе при содействии трех рейнских епископов — Майнцского, Трирского и Кёльнского — и своих собственных голосов избрали королем в Байтехоххайме, близ Вюрцбурга. Другими выборщиками называют епископов Страсбурга, Метца и Шпейера.

5 августа антикороль Генрих Распе одержал победу над сыном императора, королем Конрадом IV. Победа была куплена на деньги папы. Незадолго до начала битвы две трети войска Конрада перешло на сторону Генриха Распе. Одному из швабских военачальников, князю, папа обещал герцогство Швабское. Генрих Распе с гордостью сообщил о победе миланцам и генуэзцам и призвал их оставаться верными делу церкви и империи.

Но вскоре и сам Генрих Распе испытал превратности судьбы. При осаде Нюрнберга он заболел, был вынужден прекратить поход против короля Конрада и умер 16 февраля 1247 года в Вартбурге.

Папе удалось назначить антикороля еще раз. Но никто из императорских князей не согласился. Ему пришлось удовольствоваться простым графом, девятнадцатилетним Вильгельмом Голландским. Территория его власти никогда не выходила из границ земель трех рейнских архиепископов. Избранный в ноябре 1248 года, но признанный только после смерти короля Конрада IV 21 мая 1254 года, он правил до января 1256 года.

Покушение

У папы имелись основания заявлять французскому королю о принятии важного решения на Пасху 1246 года. С его планом согласуется совет епископа Бамбергского Генриху Распе избираться королем, поскольку императору недолго осталось жить. Папа обладал достовернейшей информацией. Впервые за всю историю папства, ведь эпоха пап времени Ренессанса еще не началась, папа стал заговорщиком политического покушения.

Еще незадолго до начала злосчастного собора в Лионе сицилийская «полиция» нашла в монастыре близ Пармы документы, указывавшие на попытку покушения на императора. В центре заговора стоял назначенный самим Фридрихом подеста Пармы Орландо ди Росси, зять папы, которого император именно по этой причине постарался привлечь к себе своей милостью. Но связи Орландо с папой оказались сильнее.

Фридрих II устремился в Парму. Орландо ди Росси поспешным побегом убедительно признал свою вину. Новым подестой император назначил апулийца Тибальдо Франческо, человека непоколебимой верности. Затем император направился в Гроссето, где посетил генерал-капитана Тосканы из-за некоторых непорядков, однако они оказались не столь серьезными, и он милостиво оставил его при дворе. Фридрих

заменил его на своего внебрачного сына Фридриха Антиохийского, вскоре ставшего называться королем Тосканы. Все чаще император прибегал к тому, чтобы ведущие посты в Италии были заняты членами семьи. Этим действиям вскоре суждено было оправдаться.

В субботу, накануне Пасхи 1246 года, в Гроссето прибыл гонец от зятя императора, графа Ричарда ди Казерта, с сообщением о восстании, направленном против власти и жизни императора и запланированном на пасхальное воскресенье.

Заговорщики собирались убить сына императора, короля Энцио в Кремоне, и зятя императора, маркграфа Эццелино ди Романо. Во главе опасного заговора стояли папский зять, Орландо ди Росси, получивший почетную отставку Пандольфо Фазанелла, а также Якоб ди Морра, занимавший теперь пост генерального викария марки. Даже недавно назначенный подеста Пармы, Тибальдо Франческо, вместе с Орландо ди Росси считался главой заговорщиков. Курия обещала ему корону Сицилии.

Пандольфо Фазанелла и Якоб ди Морра, поднятые по тревоге ночным появлением гонца графа Казерты, бежали из Гроссето. Как и Тибальдо Франческо, исчезнувший из Пармы.

Войска, с которыми злейший враг императора, кардинал Райнер ди Витербо, вошел в Сицилийское королевство, разбила германская конница. Речь шла об обширной акции. Но когда император, объявленный заговорщиками мертвым, явился в роли мстителя, восстание потерпело поражение. Крепости Сала и Капаччио, затем и город Альтавилла, находящиеся в руках восставших, окружили сторонники императора. Город Альтавилла был разрушен до основания. Сведения о том, будто людей, состоявших в четвертой и пятой степени родства с заговорщиками, ослепили или сожгли, не кажутся достоверными.

Крепость Капаччио еще несколько дней оборонялась, но затем пала жертвой осадных машин императора и недостатка воды в пылающий июльский зной. Император с удивлением обнаружил среди полутора сотен пленных и главного руководителя мятежа, того самого Тибальдо Франческо, который должен был лишить его сицилийской короны.

Стремясь законно обосновать ужасный приговор, император роздал весьма рискованные правовые формулы. Он утверждал, будто, бунтовщики являются его сыновьями и их посягательство на его жизнь есть не что иное, как отцеубийство. Римское право требовало за подобное преступление самого жестокого наказания. Император пишет Альфонсу, старшему сыну короля Фердинанда III Кастильского и будущему германскому королю:

«…Поскольку Мы будем действовать не незаконно, если

убьем тех, кто хотел убить Нас; если Мы их, воспитывавшихся с отеческой любовью, как сыновья, уничтожим, застигнув врасплох как неверных отцеубийц за их предательским посягательством, сбросим в близкое море…».[31]

Магистр Терризиус сообщает о процессе: «Покушавшимся сначала выкололи их телесные очи, коими дьявол омрачил их изнутри; их протащили привязанными к хвостам лошадей по пыли, ибо они задумали залить ее невинной кровью, но некоторых живьем бросили в близкое море за то, что поднесли верным кубок горечи; в воздухе он были повешены, ибо заразили воздух распространением вредных намерений; в конце концов, в качестве последнего наказания их сожгли в огне, так как застигли их, когда они гасили огонь верности».

Тибальдо Франческо не удостоился быстрой мученической смерти. Ему, поскольку император видел в нем не только бунтовщика и предателя, но и захватчика трона, были уготованы особые мучения. Тибальдо отрезали язык и ослепили; при неслыханных пытках, от которых его не освобождали и по воскресеньям, его словно зверя с адресованным ему письмом папы на лбу провезли по всей стране, давая возможность всем увидеть главного предателя императора, пока смерть не освободила его. И Фридрих объявил: «Пусть созерцание глазами наказания этого проклятого, поскольку оно (созерцание) намного впечатляет больше, чем входящее через уши, научит ваш дух и разум, дабы никакое забвение не смогло отнять увиденное вами и сохранилось воспоминание о справедливом суде».

На севере король Эццелино ди Романо кровавой рукой подавил зреющий заговор. В Парме бушевали облавы, преследовавшие цель схватить и изгнать всех сторонников и родственников папы Иннокентия IV. Что затем произошло с ними, источники не сообщают. Вероятно, они остались в живых, так как все еще по крайней мере в спекулятивном уме Фридриха, мост для переговоров с папой оставался открытым. Восстание подавили, но угли измены и предательства продолжали скрыто тлеть.

Иллюзии о мире

Фридрих находился в фатальной ситуации. В Германии три важнейших рейнских архиепископата отреклись от него. Связанная с этим потеря прирейнских областей относится к предвестникам падения рода Гогенштауфенов. Пытаясь создать единое государство в Италии, Фридрих II не только вызвал неумолимую враждебность папы к себе, но ему пришлось к тому

же превратить доселе строгое централизованное правление в настоящее царство террора.

Самыми ненадежными оказались коммуны с населением, разделенным политической принадлежностью. Как только в каком-нибудь городе папистской партии удавалось захватить верховную власть, тут же словно по принципу домино целый ряд императорских городов переходил на сторону папы, и наоборот. Стоило усмирить предательский город с большими усилиями, так в трех других, подстрекаемых папскими пропагандистами из нищенствующих орденов, разгоралось восстание против императора и его правления. Бесплодные войны разъедали власть Фридриха. Тем не менее грозными словами, еще исполненными силы, он клялся: «Вынутый из ножен меч… не вкладывать обратно, пока не будет жестоко наказана разрушающая империю гидра мятежа, обильно несущая гибель вновь вырастающими головами».

Подозрительность императора возрастала. Каждый город, куда он прибывал, должен был выставлять заложников. Но и эта система обернулась против него: города таким образом тайно связывались между собой. Заложники из Комо передавались под охрану в Сиену. Заложники из Сполето доставлялись в Поджибонзи и Сан-Джиминьяно. Заложников из Алессандрии император возил с собой вместе со своим двором. Заложники из Лоди и Реджио сначала прибывали в Кремону, потом в Павию, а затем в Савону и оттуда — в Апулию. Заложники из Пармы находились в заключении в Реджио или Модене.

Так вереницы заложников долго следовали через страну печальными процессиями угнетенных, но поневоле становились живой связью между угнетателями и угнетенными, ведь, несмотря на все противостояние, они имели одну общность — были итальянцами.

Лишь постоянно усиливающийся террор удерживал господство императора. Фридриха прославлял манифест о том, как он приказал повесить триста мантуанцев вдоль берега реки По. Он предотвратил мятеж в Реджио, приказав публично казнить сотню бунтовщиков. Преступления, стоящие в ряду сотен других.

Если рассмотреть созданное им государство страха, то становится понятным, почему высокоблагородные мужи, такие, как Орландо ди Росси, Пандольфо Фазанелла, Якоб ди Морра, Тибальдо Франческо, — люди из ближайшего окружения Фридриха II — решились на мятеж и восстание. Нельзя только обвинять бунтовщиков, надо посмотреть и на того, кто своими поступками вынуждает к бунту некогда верных людей.

Кроме того, продолжительные войны съедали деньги богатой

Сицилии, папа же, напротив, купался в деньгах. Его власть настолько увеличилась, что ему удавалось во многих регионах Западной Европы взимать двадцатую часть вместо десятины. Владельцы церковных приходов в Германии, в основном занятых людьми папы, приносили неслыханные сборы, вначале за получение, а затем за удерживание своих приходов. Эта система стала вскоре применяться не только в германской церкви.

Отход Германии, Италии, постоянные мятежи и пустая казна — вот положение императора в 1247—1249 годах.

Он опять попытался найти путь к переговорам. Он так никогда и не понял, что с момента смерти папы Григория IX для папы Иннокентия IV и его курии более не существовало партнера по переговорам. Кредит доверия Фридрих растратил в тактическом лавировании и постоянных клятвопреступлениях. Он услышал, но так и не понял слова папы на Лионском соборе: «О сколько, сколько было уже обещано, но никогда и ни к какому сроку не выполнялось!»

Именно они стали настоящим смертным приговором императору Фридриху II, а не настойчивые заклинания указа об отстранении.

В качестве посредника Фридрих II опять выбрал доброжелательно настроенного к нему французского короля Людовика Святого. Император подтвердил свое предложение сразу отправиться в Святую землю и связать там силы султана. Французский король, облегчив тем самым себе задачу, направился бы в Дамиетте, рассчитывая выступить оттуда прямо на Каир.

Предложения императора, казалось, равносильны капитуляции: он заявил о своей готовности навсегда остаться на Востоке, отказаться от титула императора в пользу сына, короля Конрада IV, намереваясь освободить путь к миру между папой и империей. Несмотря на неудачу генерального мятежа на Пасху 1246 года с планом убийства императора, его сына Энцио и его зятя Эццелино ди Романо, «действующий, сидя на троне, папа», как он себя однажды назвал, смог распознать конец великого деятеля Фридриха II.

Только после почти гневных требований короля Франции папа дал ответ, что князь может в третьем месте, невооруженный и без свиты, предстать перед ним; тогда он пожелает обсудить снятие с него отлучения от церкви, которое, разумеется, может осуществиться только при выраженном признании решений собора.

Это означало потерю на вечные времена короны для Штауфена и его династии, проклятой в Лионе, при возможном

снятии отлучения.

Италия — тоталитарное государство

Человек, только что хладнокровно решивший отступить, бежать на Восток, опять почувствовал себя готовым к новым свершениям. Он так реорганизовал Италию, что почти везде страной правили его сыновья или зятья.

На севере правил его зять, маркграф Эццелино ди Романо. Манфреда, сына от Бианки Ланчии, он женил на дочери графа Амадеуса Савойского. Таким образом он породнился с Томасом Савойским, еще более привязав его к себе, сделав главным викарием. В Ломбардии правил король Энцио и, после его пленения, маркграф Паллавичини. Томас Савойский правил Западной Ломбардией, позже поделенной между маркграфом Ланчии и маркграфом Каретто. В Тоскане был посажен Фридрих Антиохийский, тоже внебрачный сын императора. Сын императора Рихард ди Теате стал правителем Сполето, Романьи и марки. Над Витербо, опять перешедшим от кардинала Райнера в руки императора, был поставлен девятнадцатилетний Генрих (Карлотто), сын от брака с Изабеллой Английской.

Генерал-капитаном над островом назначили Вальтера ди Манупелло, к которому в качестве советников император приставил молодых зятьев, Фому ди Аквино и Ричарда ди Казерта, надеясь благодаря кровным узам обеспечить надежность и верность.

Пребывая в этой иллюзорной уверенности, весной 1247 года император покинул Сицилию, отважно полагая отправиться через Бургундию в Лион и добром или силой принудить папу к миру.

Благодаря новым родственным связям с савойским домом сфера влияния императора распространялась почти до стен Лиона. Фридрих находился в Турине, и тучи императорской власти уже сгущались над Лионом.

Но тут его настиг крик о помощи его сына Энцио. На верную императору Парму напали гвельфы, сторонники папы, и завоевали ее. Опять зять папы, Орландо ди Росси, стал ключевой фигурой в борьбе за власть в Италии. Король Энцио осадил крепость восставших у Брешии, Фридрих Антиохийский стоял при Перудже, а император находился в Турине.

И тут отряд из семидесяти гвельфских рыцарей из Пармы, два года назад бежавших из находящейся в шестидесяти километрах отсюда Пьяченцы, решился на смелый поступок. Император велел убрать внешние укрепления Пармы, и город охранялся только цитаделью. Может быть, гвельфские рыцари из Пармы узнали в

близкой Пьяченце, что начальники гарнизона Пармы празднуют йвадьбу и вино с утра льется там рекой?

Во всяком случае, отчаянный отряд рыцарей ворвался в город, зарубил пьяный гарнизон вместе с императорским подестой и штурмовал цитадель. Согласно хорошо продуманному плану несколько часов спустя появились две сотни, а затем еще четыре сотни союзников гвельфов и обосновались на болотистой низменности, расположенной между Пармой и рекой Таро.

От нескольких выживших в бойне король Энцио получил это ужасное известие. Он срочно снял осаду с Брешии, быстро прибыл в резиденцию, в Кремону, и с местной милицией и подкреплением из Павии и других верных императору городов появился на берегу Таро. Вместо того чтобы со своим сильным войском сразу штурмовать город, он разбил лагерь и укрепился. Только после столь роковой ошибки он воззвал к императору.

Тот понял: речь идет не просто о Парме, а обо всей Ломбардии, а возможно, и Италии. Значит, папский военачальник и легат, Грегор ди Монтелонго, с миланским войском, а при нем также зять папы, Орландо ди Росси, должны находиться где-то поблизости. Из всех враждебных императору городов на подмогу Парме спешили войска, и когда император, объединившись с армией Эццелино ди Романо, прибыл спустя две недели в Парму, защищавшие город войска значительно усилились. Но воинство императора тоже росло. С тосканцами спешно прибыл Фридрих Антиохийский; подошли отряды Фридриха, с которым он собирался отправиться в Лион, состоявшие из сицилийцев, сарацин и германской конницы, кроме того, подкрепление из бургундских рыцарей, так что император располагал значительным войском. Почему он не начал штурм слабо укрепленного города, остается непонятным. Неужели он забыл тщетную осаду Брешии, длительную осаду Фаэнцы, или император потерял уверенность в себе и не мог отважиться напасть на слабо укрепленный город, а предпочел казавшийся более надежным план осады? Видимо, часы судьбы в его груди уже пробили его конец.

Поражение при Парме

Фридрих, не отваживаясь на штурм Пармы, приказал соорудить осадную крепость из деревянных и каменных домов. Поскольку он уже объявил о намерении стереть Парму с лица земли, то с учетом будущей победы назвал выстроенный городок Викторией. По примеру античных основателей городов пространство для нового укрепления очертили лемехом.

Распланировали стены, рвы, восемь ворот и перекидных мостов, проложили канал для водоснабжения, и на нем построили мельницу. Здесь император построил одну из немногих основанных во времена его правления церквей, посвященную Святому Виктору, победителю. Возвели дома, рынок, дворцы и виллы для его сарацинок, охраняемых евнухами. Целый придворный город с канцелярией, государственной сокровищницей, судом и экзотическим зверинцем заложили в Виктории. Прибывая в роскоши и спокойствии, император собирался ждать здесь голода, истощения осажденных и падения Пармы.

Подобное неслыханное расточительство денег, ценностей, материалов и человеческой рабочей силы происходило в период, когда Италия была охвачена восстанием, а казна императора оскудела.

В Пьемонте маркграф Бонифаций ди Монферрат, незадолго до этого покорившийся императору, послушавшись заклинаний папы, вновь отрекся от императора и захватил Турин, за исключением императорского дворца и его гарнизона. Но двадцатилетнему Фридриху Антиохийскому удалось вновь отвоевать город. В то же время сын императора, Рихард ди Теате, победил папское войско при Интерамне; императорский штатгальтер марки, Ричард ди Кастильоне, к югу от Анконы нанес сокрушительное поражение папскому легату, епископу Марчеллину ди Ареццо.

Летописцы повествуют о четырех тысячах убитых ратников папы и прежде всего о пленении епископа Марчеллина, которому пришлось претерпеть нечеловеческие мучения. После многомесячного заключения его повесили по приказу императора.

Кардинал Райнер Витербоский рассказывает о смерти епископа. Сарацинские черти императора сначала связали святые руки и ноги епископа, затем привязали его к хвосту лошади и по грязи протащили его к месту казни. Замученный епископ запел «Тебя, Господи, хвалим». Тут же лошадь смиренно остановилась, и даже удары хлыста не заставили ее скакать дальше. Лишь когда сарацины силой заставили епископа прекратить пение, лошадь дотащила святого человека до площади.

Там его повесили после многих мучений и спустя три дня нищенствующие монахи предали его тело земле. Но сарацинские язычники откопали его тело, осквернили его и вновь повесили на виселице.

Преступление, совершенное Над епископом, потрясло христианский мир, и в Вюрцбурге против императора

проповедовался крест. Во Флоренции разгорелась борьба папистов-гвельфов против императорских гибеллинов. Это привело к тому, что гвельфы и гибеллины, в зависимости от ситуации, взаимно изгоняли друг друга из города. Каждый из изгнанных пополнял или императорское войско, или войско папы. Так в Италии исчез всякий порядок, и разгорелась война всех против всех, даже и после смерти императора остававшаяся проклятием страны.

Чего стоили победы сына императора и его штатгальтера, если это еще больше раскалывало страну? Император же веселился в городе Виктория, транжирил деньги, время и людей, ожидая будущей победы над ненавистной Пармой. Как будто и не было войны, император выезжал на охоту с соколами, ястребами и канюками.

О чем Фридрих совершенно не задумывался, так это о проникающей через фронт информации. Так, запертые и изголодавшиеся жители Пармы узнали: король Энцио находится за пределами лагеря, в походе, для выполнения небольшой военной задачи. 18 февраля 1248 года император в теплый день ранней весны уехал в предрассветных сумерках с шестнадцатилетним сыном Манфредом в сопровождении постоянного придворного общества и свиты из пятнадцати рыцарей на охоту на водных птиц в болотистую пойменную местность, находящуюся по обеим сторонам реки Таро.

В лагерном городе остался лишь маркграф Ланчия со слабым гарнизоном. Тут жители Пармы предприняли отвлекающую атаку в южном направлении. Маркграф ответил контратакой, чем лишил Викторию почти всех войск. Настал час Грегора ди Монтелонго, вдохновителя городского сопротивления! Он вторгся с войсками в осадный город императора (за ним последовали изголодавшиеся жители Пармы с женами и детьми), поджег его и зарубил оставшихся там людей императора. Эта катастрофа, должно быть, стоила трех тысяч пленных и тысячу пятьсот убитых, среди убитых находился и Таддеус Суесский, один из ближайших помощников Фридриха и главный судья королевства.

Вся государственная казна оказалась в руках врагов: они заполучили не только серебро, золото, жемчуг и роскошную одежду, но и знаки императорской власти — жезл и королевскую печать Сицилии. Тяжелая от драгоценных камней корона досталась карлику, прозванному из-за его коротких ног Кортопассо,[32] и тот с триумфом принес ее в Парму. Великолепно украшенный том книги Фридриха II «Искусство охотиться с ловчими птицами» тоже попал в число трофеев. Но самое главное, в голодающий город поступило продовольствие и — в

виде особой удачи — штандартная колесница Кремоны.

Император потерпел самое тяжелое поражение. Не только из-за утраты власти, солдат, друзей, всей государственной казны повергшее императора в тяжелый финансовый кризис. Гораздо хуже было другое: исчез ореол непобедимости, окружавший императора. С высоты небожителя он низвергся на землю как простой смертный.

Еще в молодые годы императора ходили легенды о его выдержке, выносливости в бою и в седле. Сейчас пятидесятидвухлетний Фридрих продемонстрировал те же самые качества. Увидев пылающую Викторию, император в сопровождении нескольких соратников пронесся до Борго-Сан-Доминго и оттуда мощным рывком до Кремоны — дистанция, равная шестидесяти километрам по прямой линии. Поздно ночью он прибыл в Кремону, находясь в седле с раннего утра, и набрал новое войско из мужчин Кремоны и Павии.

Через четыре дня после катастрофы император опять перешел По в направлении Пармы. Войска папского легата Грегора ди Монтелонго, собиравшиеся штурмовать мост через По, удерживаемый королем Энцио, в беспорядочном бегстве устремились в Парму. Королю Энцио таким образом досталась добыча в сотню судов, везущих продовольствие во все еще голодающую Парму. Кроме того, к нему в плен попали три сотни военнопленных. Их он, следуя отцовскому примеру, приказал повесить по обоим берегам реки.

Разгневанный император превратил окрестности Пармы в пустыню. Но до осады города дело не дошло. На то имелась простая причина. Потеря государственной казны сделала императора неплатежеспособным. А война, как тогда, так и сейчас, требует денег.

Но небольшая удача все же улыбнулась императору. В бою с пармцами маркграф Ланчия победил атакующих гвельфских рыцарей, шестьдесят из них захватил в плен, более сотни было убито, среди них и родственник папы, Орландо ди Росси, которого буквально рассекли на части… «Наш отъявленный давний предатель, альфа и омега враждебной нам партии!»

Февраль 1249 года император опять провел в Кремоне, от которой он зависел и которая всегда оставалась ему верной. Кремона когда-то открыла восемнадцатилетнему королю спасительные объятия, вместе с этим городом он праздновал в 1237 году неслыханный триумф после победы над Миланом при Кортенуова, и теперь ему довелось получить здесь самую глубокую рану в жизни.

С помощью пронотариуса и логофета, Петра из Виней, он

вновь сумел сделать имперскую канцелярию работоспособной. Фридрих установил новые, неслыханные налоги, дабы компенсировать потерю государственной казны. Прежде всего требовалось выдать жалованье германским рыцарям, на которых держалась императорская власть.

Ведь после совета в Вероне в 1245 году никто из германских имперских князей и их вассалов-рыцарей не показывался более в Италии. Италия была для них так же чужда, как для императора германское королевство. Когда он нуждался в германской военной силе, ему приходилось обращаться к наемным рыцарям.

В ходе расчетов и планов о новых финансовых основах государства внезапно обнаружилось: друг императора, чейовек, по словам Данте, «обладавший ключом к его сердцу», правда, не предал его ради папы, но обкрадывал его в деньгах и имуществе. Петр из Виней, нет, не предатель, хуже — вор. Император глубоко уязвлен: вопреки своей привычке он даже не разразился громкими обвинительными речами.

Создается впечатление, будто он стыдился того, что с ним могло такое произойти. Зятю, графу Ричарду ди Казерта, он пишет о Петре, которого называл вторым Симоном: «Он, державший мошну с деньгами и чувствовавший ее, превратил посох справедливости в змею». О величине и масштабах случившегося Фридрих сообщает в том же письме: Петр из Виней «привычными обсчетами довел империю до такой опасности, из-за которой и император, и империя подобно египетской боевой колеснице вместе с войском фараоновым исчезли бы в пучине морской».

Петр из Виней — императору: «Кто способен без придыхания возвещать миру о величии такого сверхмогучего князя, в чьей груди коренятся достояния всех добродетелей, на него облака изливают справедливость и с высоты небеса льют росу?.. Воистину его чествуют земля и море, и восторженно встречает воздух; божественное провидение послало его миру как истинного императора, и он правит твердой рукой, как друг мира, хранитель любви, основатель права, защитник справедливости, сын власти…

Да здравствует же, да здравствует святое имя Фридриха в народе, да возрастет же горячность его почитания среди подданных, ведь сама мать верности, образец покорности вдохновляет на верный поступок».

Высокопарные слова превратились в золу. Идеи, возносившие его эго, из которых он черпал силу и веру в свое мессианское предназначение, стали насмешкой и прахом. Предательство Петра из Виней было пострашнее пылающей Виктории.

Судьба уготовила ему еще несколько ударов, и все они касались его личного окружения. Примерно в то же время, когда открылись махинации Петра из Виней, было предпринято покушение на императора. Его лейб-медик, выкупленный им на собственные деньги из пармского плена, приготовил для него отравленный напиток. Во время плена лейб-медик, которому Фридрих доверял долгие годы, был подкуплен папским легатом и подвигнут на трусливое предательство.

При легком недомогании императора он направил его в ванну и поднес отравленный напиток. Император же, ставший в последнее время недоверчивым, приказал врачу самому испробовать напиток. В испуге врач опрокинул кубок. Его тут же схватили охранники, отраву дали приговоренному к смерти, и тот умер сразу после того, как ее выпил.

После долгих пыток врача казнили. Петр из Виней был ослеплен и, зная императора и его карающую длань, разбил череп о стены имперской крепости Сан-Миниато.

Попытку отравления, подстроенную папистами, император использовал для большого манифеста королям и народам. Весной 1249 года он пишет: «Внемлите, народы, наполняющие мир, ужасной, неслыханной во всем мире подлости… совсем недавно… этот священник, великий пастырь, миролюбивый руководитель Нашей веры попытался… тайным ударом уничтожить Нашу жизнь. И с Нашим личным врачом, который был в свое время заключен в Парме, он через своего легата бесчеловечно и злодейски договорился, что тот после возвращения даст нам выпить под видом исцеляющего напитка яду… Это точно подтвердилось им самим, попавшимся на месте преступления и не сумевшим лгать, а также из найденных писем, где ясно упоминалось об этой сделке, Нам и пребывающим при Нашем дворе высокопоставленным людям…» И император в ярости восклицает: «Ведь, желая подавить их высокомерие, Мы хотели святейшей церкви, Нашей матери, дать более достойного руководителя, поскольку это подобает Нашему положению и поскольку Мы с искренней склонностью намереваемся сделать ее совершеннее для славы Господа».

В марте 1249 года Фридрих II покинул Кремону. Он с горечью оглядывался на прошлое. Поражение при Виктории, друг Таддеус Суесский, павший в битве, и еще худшая потеря — Петр из Виней, жертва человеческой алчности. Вскоре после прибытия императора в Неаполь, примерно в июле 1249 года, умер его сын, граф Рихард ди Теате. Перед тем он одержал еще одну победу над папским полководцем Уго Новеллусом.

Король Энцио, как представитель императора, находился в

Ломбардии. В Кремоне он женился на племяннице маркграфа Эццелино ди Романо, кровавого тирана и военного союзника в борьбе против Ломбардии.

Король Энцио, любимый сын императора и таинственной швабской аристократки, вероятнее всего, дочери герцога Сполето из дома Урслингенов, во время незначительной стычки 26 мая 1249 года при Фоссате близ Модены попал в руки болонцев. Они привезли златокудрого короля в золотой клетке в свой город. Он уже никогда не выйдет на свободу и умрет после двадцатитрехлетнего заключения в 1272 году, пережив крушение династии Гогенштауфенов. С королем Энцио из борьбы в Италии выбыли те Штауфены, которым после смерти Фридриха, возможно, удалось бы изменить судьбу династии. Благородный человек заслужил любовь жителей Болоньи, в особенности дам, мечтательно шептавших его тоскливые канцоны. Возможно, и эту, перекликавшуюся с его собственной судьбой:

Времена грядут, они ведут к звездам,
Времена, спускающиеся в бездны,
Время подслушивать, время учить,
Время думать и время говорить.

Император предпринял всевозможные усилия, пытаясь добиться свободы для Энцио. Он пишет болонцам, преисполненный самоуверенности и имперской позы:

«Обдумайте с предусмотрительностью и обратите ваше внимание, даже если кажется, что величие Нашей империи подверглось бурям, все же, по справедливому приговору Господа, Мы многих из тех, кто решался бунтовать против Нашей власти, с помощью справедливости привели к смерти и наказанию, дабы явить предостерегающий пример для всех людей столетия… Поэтому приказываем Мы вам под угрозой утраты Нашей милости освободить из темницы Нашего возлюбленного сына Генриха (Энцио), короля Сардинии и Галлуры, совместно с другими Нашими преданными людьми из Кремоны и Модены и всех других, кого вы захватили в плен, после получения данного письма».

Поскольку угрозы не изменили намерений болонцев, император посулил им денег и пообещал за освобождение Энцио выложить круг из серебра вокруг города. Самоуверенность болонцев, а также пошатнувшийся авторитет императора нашли свое выражение в ответном послании горожан императору:

«Знайте же, мы держали, держим и будем держать короля Энцио, как нам это по праву полагается». Затем они напомнили императору старую пословицу, гласившую: «Часто кабана ловит маленькая собака».

Насколько сильно императора угнетало пленение сына, показывают размышления минорита Салимбене Пармского, который в числе десяти несчастий, перенесенных Фридрихом в жизни, описывает и это:

Остаток времени

Так как в огромной империи Фридриха никогда не царило полное спокойствие: повсеместно вспыхивали мятежи и конфликты, постоянно существовало противостояние папы и императора, неспокойно складывалась обстановка в Ломбардии, возникали нескончаемые проблемы в германском королевстве, то можно сказать, последний год правления императора проходил в относительной стабильности.

Поздней осенью 1249 года император, потрясенный ударами судьбы, отправился в Апулию, в столь любимую им Фоджию, для восстановления жизненных сил. В лиственных лесах на Монте-Вультуре он предавался своей страсти к охоте. Вероятно, он еще раз порадовался благородной геометрии замка Кастель-дель-Монте, возведенного им среди апулийского ландшафта как корона.

В те дни император даже подумывал о брачном союзе с дочерью Альбрехта I Саксонского (1212—1260 гг.) и о походе в Ломбардию и Германию. Там король Конрад IV, усиливший свои позиции благодаря заключенному в 1246 году браку с Елизаветой Баварской, не только устоял против рейнских архиепископов, но и сумел победить выставленного ими антикороля, Вильгельма Голландского. Обстановка в Италии тоже стабилизировалась. От Вероны до Бреннера зять императора Эццелино ди Романо жестоким насилием удерживал ситуацию, а породнившийся с императорской семьей граф Савойский держал в своих руках альпийские перевалы на пути в Бургундию. Преемник рыцарственного короля Энцио, маркграф Уберто Паллавичини, человек твердый и властный, установил в Средней Ломбардии спокойствие, подобное кладбищенскому. Ему даже удалось разбить пармские войска неподалеку от бывшего осадного города Виктории. Три тысячи пармцев пали в битве или попали в плен, и — бальзам на сердце императора — была захвачена штандартная колесница пармцев, месть за Викторию.

В папском государстве, в марке Анкона, полководцы императора разбили солдат папы, и города Романьи и марки Анкона подчинились воле Фридриха.

Франция и ее королевский дом отошли от папы, когда в апреле 1250 года король Людовик IX Святой в битве при Мансуре в дельте Нила потерпел поражение и попал в плен. Не без оснований французы обвиняли папу в непримиримой враждебности к императору, сделавшей невозможной его помощь крестовому походу французов.

Король Людовик отправил из Акры брата, графа Артуа и Пуату, и через него потребовал от папы заключить мир с Фридрихом: лишь его особые отношения на Востоке могли спасти Гроб Господень. «Поистине наша надежда покоится на груди Фридриха» — так писал король. В противном случае король грозил изгнать папу из Лиона. Так далеко Людовик Святой еще не заходил.

В сложившейся ситуации папа попытался найти пристанище у короля Англии. Но и тот отказал ему в просьбе. Слишком ненавистными стали для всех сборщики церковных податей. Слишком необдуманно папа злоупотреблял светскими и церковными средствами в борьбе против Фридриха. Прежде всего всех глубоко потрясла попытка покушения на императора, заставившая взглянуть на папу другими глазами.

Почти пророчески звучат строки письма Фридриха, адресованные зятю, греческому императору Иоанну III Дукасу Вататцесу Никейскому, в конце 1248 года:

«Если желаете знать… о Нашем триумфе, то Мы, хотя кое-кто до сих пор сдерживал Наше победное шествие яростными мятежами и хитрыми проделками, благодаря действиям предводителя воинства, мечом справедливости прокладывающего дорогу королю, находимся уже в округах Аузонии (Кампании) и в скором времени ожидаем славный конец Нашего начинания и передачи Лигурии».

Однако кажущееся улучшение дел императора не должно ввести нас в заблуждение: папа не собирался менять свою политику, недвусмысленно заявив одному из кардиналов:

«Не бывать тому, что (подобному) человеку или его змеиному отродью и далее будет оставлен скипетр (правления) христианским народом! Чрезмерная удача развратила его: он забыл, что тоже происходит от человека, безжалостно лютуя против людей, уничтожая их в звериной ярости подобно овцам, а значит, поднялся против создателя человечества, чей образ он презирает в человеке и уничтожает в творении Божьем. Поэтому каждый, кто любит справедливость, должен возрадоваться и омыть руки в крови греховника: всеобщему врагу за все пришло отмщение!»

Но тут в борьбу двух смертельно враждующих властелинов мира и их непримиримых сторонников вмешалось нечто более великое — сама смерть!

Во время дальнего выезда на охоту с императором случился тяжелый приступ дизентерии. Приступ, должно быть, внезапный и стихийный: его не успели доставить в находящуюся всего в двенадцати километрах Лючеру или в Фоджию. Больного

уложили в маленьком местечке под названием Фиорентино. Когда он услышал это, а ему пророчествовали, что он умрет в месте с цветочным названием, поэтому он всегда избегал Флоренцию, и увидел свое ложе перед вмурованной в стены дверью с железными створками (также часть пророчества), он уже знал, что над ним исполнилось изречение прорицателей: «Здесь я умру, как мне и предопределено. Да исполнится воля Господня!» Маттеус Парижский прибавляет: «Умер Фридрих, самый великий из князей земли, чудо и преобразователь мира».

Цезарь и его смерть

Когда умирает великий человек или тот, кто считается великим, сам себя поставив выше понятий добра и зла; тот, кто собственной волей вознесся до роли судии над жизнью и смертью; тот, для кого другие люди являлись лишь материалом для построения дворца его фантастической мечты, когда такой человек покидает бренный мир, после того как активно действовал в нем в течение тридцати восьми лет, почти всегда как преступник, изредка как жертва, то повсюду воцаряются глубокая тишина и смутное чувство покинутости. И даже враги охвачены ощущением пустоты, поскольку исчез объект их ненависти, первопричина их сопротивления, против которой были направлены их борьба и устремления.

Но не хотелось бы, чтобы наши современники, пережившие мировую войну, унесшую миллионы человеческих жизней, воспринимали Фридриха II как светлую личность, ведь именно таким его часто представляет историческая наука — как человека, имевшего право вести народы на плаху. Преступления Гитлера и Сталина отличаются от преступлений Фридриха II Гогенштауфена лишь по количеству, но не по качеству принесенных страданий.

И все же можно понять сына императора, Манфреда, князя Тарента, который пишет своему брату королю Конраду IV Германскому, преисполненный общей сыновней болью:

«Солнце народов закатилось, светоч справедливости погас, погибла опора мира! Нам осталось лишь одно утешение: господин наш отец жил счастливо и победоносно до самого конца».

Поскольку мы знаем очень мало о последних часах жизни императора, нелишним будет вспомнить письмо от 21 августа 1215 года, которое он, юноша двадцати одного года от роду, отослал в генеральный капитул цистерцианских аббатов:

«Так как Мы верим в великую святость достопочтенного

ордена, то все, о чем Вы желаете попросить творца, Вы получите от полноты Его сострадания». И далее Фридрих призывает святых отцов-цистерцианцев: «…Умоляем Вас со всей настоятельностью принять Нас в свое братство и включить в Ваше святое молитвенное сообщество».

Напомним, в более поздних правовых воззрениях Фридрих действовал исходя из принципа «commodum et utilitas» — выгода и полезность — а значит, можно предположить, что и в духовной сфере император поступал, руководствуясь теми же соображениями целесообразности, и ожидал большой духовной пользы от молитвенного сообщества цистерцианцев.

Почувствовав приближение неотвратимой кончины, Фридрих приказал надеть на себя монашескую рясу цистерцианцев, дабы встретить смерть под защитой мощного священного ордена. Верный и старинный друг, седой архиепископ Берард Палермский, как священник и духовный князь, преодолел все препятствия, созданные церковным проклятием папы для умирающего императора. Он соборовал умирающего друга и вопреки воле папы провозгласил над ним всепрощающее «Ныне отпускаются!».

Даже в ритуале похорон отразилась двойственность натуры императора. Он принял смерть в бедной рясе цистерцианца, словно христианский король, преодолевший все мирское и оставивший позади себя весь земной блеск. Но, когда Фридриха доставили к месту последнего упокоения в Палермо в красном порфировом саркофаге из Чефалу, он был накрыт мантией властелина мира, закутан в арабский шелковый наряд, украшенный таинственными куфическими письменами и эмблемами мирового господства.

Завещание императора

Император завещал: «…Пока мы в силах и сохраняем речь и память, хотя больны телом, но здоровы духом…

Во-вторых: Далее, Мы назначаем Конрада, избранного короля римлян и наследника королевства Иерусалимского, Нашего возлюбленного сына, Нашим наследником в империи и во всех как купленных, так и обретенных владениях и в особенности в Королевстве обеих Сицилии. Если он умрет, не оставив сыновей, ему должен наследовать Наш сын Генрих. Пока Конрад пребывает в Германии или где-либо за пределами королевства, Мы назначаем вышеупомянутого Манфреда штатгальтером названного Конрада в Италии и в особенности в Королевстве обеих Сицилии…

В-третьих: Мы отдаем Нашему сыну, упомянутому Манфреду, и закрепляем за ним принципат Тарент… Мы отдаем ему же город Монте-Сан-Анжело со всем апанажем и со всеми городами, крепостями и владениями… И мы жалуем Манфреду содержание в десять тысяч золотых унций.

В-четвертых: Наш внук Фридрих (сын короля Генриха (VII) и Маргариты Бабенбергской) должен получить герцогство Австрийское и марку Штейер, которые он должен получить от упомянутого короля, и быть им признан; Генриху Мы определяем на жизненное содержание десять тысяч золотых унций.

В-пятых: Наш сын Генрих (сын Изабеллы Английской) должен получить королевство Арелат или королевство Иерусалимское; какое из двух пожелает упомянутый король Конрад, то Генрих и получит; этому же Генриху мы определяем жизненное содержание в сто тысяч золотых унций.

Мы распоряжаемся также предоставить сто тысяч золотых унций для Святой земли во спасение Нашей души, согласно указаниям названного Конрада и других благородных крестоносцев».

И вновь Фридрих переворачивает с ног на голову всю свою политическую жизнь и деятельность, борьбу против папы и курии, даже тиранническое сицилийское государство:

«В-восьмых: Мы также распоряжаемся возвратить всем церквам и монастырям их права, и они должны пользоваться своей обычной свободой.

В-девятых: Мы также распоряжаемся освободить ото всех общих податей людей Нашего королевства, как это было во времена короля Вильгельма II (1153—1189 гг.), нашего предка (возврат во времени на более чем шестьдесят лет).

В-десятых: Мы также распоряжаемся, чтобы графы, бароны и рыцари и другие ленники королевства пользовались своими правами и привилегиями, как во времена названного короля Вильгельма, в налогах и во всем остальном».

А теперь последует поворот навстречу Риму!

«В-семнадцатых: Мы также распоряжаемся возвратить святой Римской церкви, Нашей матери, все ее права, не ущемляя при этом прав и чести империи, Наших наследников и других наших соратников, если сама церковь восстановит права империи».

Даже посмертном одре Фридрих остается верным своей двойственной натуре, с одной стороны, он восстанавливает все права церкви, а с другой завещает: «если сама церковь восстановит права империи». Что означает это положение? Какие права церковь отняла у империи?

Складывается впечатление, будто умирающий хотел дать

наследникам новую причину для борьбы с церковью. Или привычка Фридриха расставлять ловушки уже настолько стала его второй натурой, что даже сама смерть не могла ничего изменить? Тем не менее завещание представляет собой полную капитуляцию по всем позициям.

Немецкая историческая наука все время старалась представить императора Фридриха II непобедимым в войне против римского папства. Если бы он не умер, то ему наверняка была бы обеспечена победа над папой Иннокентием IV. Предпосылки победы императора в 1250 году были явными, как никогда ранее.

Фридрих II перед лицом смерти смотрел на свое политическое положение более реалистично, чем его ученые защитники, особенно из XIX столетия. Завещание императора является четким признанием власти папы, власти церкви как в самом широком смысле, так и в Королевстве обеих Сицилии, именно этим объясняется возврат к феодальным структурам, против которых он яростно боролся, основанным на правовых нормах времен короля Вильгельма II Сицилийского.

И в далекой Германии после смерти Фридриха весь епископат склонился пред волей папы.

Истребите из имени и тела семена и побеги вавилонянина

Смерть императора Фридриха II и его завещание, возвращавшее церкви ее исконные права, не вполне удовлетворили папу и курию: они жаждали истребления всех отпрысков рода Штауфенов.

Единственный, кто по силе и дарованиям, физическому облику и очарованию личности был способен сохранить наследие Гогенштауфенов в Италии, король Энцио, копия императора, находился в заключении в Болонье. К чести болонцев, они содержали его в палаццо подесты, в рыцарском заключении. Король мог принимать визиты, и благосклонность двух благородных болонских дам подарила ему двух дочерей — Магдалену (ум. после 1273 г.) и Констанцию (ум. после 1273 г.)

По воле судьбы во время двадцатитрехлетнего заключения, от которого в 1272 году его освободила смерть, Энцио пришлось пережить гибель всего своего рода.

Его брат и наследник империи, король Конрад IV, поспешил в Италию с целью начать борьбу против папы и курии. Молодому человеку слишком рано пришлось омрачить свою жизнь грузом такой ответственности. Ему не хватало сияния, высокой духовной

устремленности Гогенштауфенов. Сын Изабеллы Сирийской, выросший в далекой Германии, непривычный к южному югамату, умер в 1254 году в походном лагере при Лавелло. Поползли злые слухи, будто сводный брат Конрада, Манфред, князь Тарента, приказал его убить. И другие слухи были связаны с сиятельным Манфредом: якобы он предал смерти сына английской Изабеллы, короля Генриха, с помощью главного казначея Сицилии, чернокожего Иоганна Моруса. Казалось, род Гогенштауфенов самоистреблялся. Сын императора, Фридрих Антиохийский, главный викарий Тосканы, в 1256 году пал в бою с полководцем папы, кардиналом Оттовиано дельи Унбалдини за Фоджию.

Но еще раз суждено было воссиять солнцу Гогенштауфенов. Сына Фридриха II и прекрасной Бианки Ланчии, Манфреда, в 1258 году избрали сицилийским королем и короновали 10 августа 1258 года в Палермо. Опять вокруг королевского трона Сицилии собрались поэты, певцы и ученые, зазвучали песни, раздавался охотничий шум и соколиный клич.

Король Манфред взял под свою особую защиту университет Неаполя. Именно ему мы должны быть благодарны за то, что до нас дошел научно-исследовательский труд его отца «De arte venandi cum avibus».[33] После победы короля Манфреда над флорентийцами при Монтаперти на Арбии корона римских императоров опять вернулась во владение Штауфена.

Но над Штауфенами тяготели неумолимые слова «Истребите из имени и тела семена и побеги вавилонянина».

Папа Иннокентий IV, притеснитель императора, завершил свой короткий понтификат 7 декабря 1254 года. Его преемник, папа Александр IV (1254—1261 гг.), продолжил антиштауфеновскую политику предшественника. В 1255 году он наделил английского принца Эдмунда леном — Королевством обеих Сицилии, но его план разбился о волю английского парламента.

Только французский папа Урбан IV (1261—1264 гг.) нашел железный кулак, окончательно уничтоживший Штауфенов. Карлу Анжуйскому (1266—1287 гг.), брату французского короля Людовика Святого, он предложил корону Сицилии. 6 февраля 1266 года при Беневенте король Манфред стоял с войском перед решающим сражением с Карлом Анжуйским. Когда битва была уже проиграна, он приказал старому плачущему слуге своего венценосного отца подать доспехи и бросился в бой. Лишь спустя несколько дней нашли тело короля, и после смерти не утратившего наследной красоты Гогенштауфенов.

Месть Анжу оказалась столь же жестокой, как и лютость Штауфенов против их врагов. Супруге короля Манфреда,

двадцатичетырехлетней Елене Эпирос, попавшей в руки Карла Анжуйского вместе с двумя сыновьями и дочерью, досталась милость умереть после пятилетнего заточения. Ее дочь Беатрису освободили из заключения в замке Кастель-дель-Ово близ Неаполя, где она находилась восемнадцать лет. Свобода досталась ей благодаря победе арагонского адмирала Рожера Лориа над флотом Карла Анжуйского, при обмене военнопленными. Сыновья короля Манфреда, Фридрих и Энцио, томились в клетках и застенках Карла Анжуйского. Они вышли на свободу после тридцати или сорока лет заточения уже сломленными, нежизнеспособными, ослепшими.

Лебединая песня Гогенштауфенов

Но не погас еще блеск мечты Штауфенов. Конрадин фон Гогёнштауфен, прямой внук Фридриха, сын короля Конрада IV и Елизаветы Баварской, еще раз попытался восстановить королевскую честь. Если его дед, «апулийский отрок», когда-то отправился с юга на север, намереваясь заполучить императорский трон, то внук, наоборот, поехал с севера на юг навстречу рискованному предприятию — завоеванию высочайшей из корон Европы.

Еще не достигший и пятнадцати лет, Конрадин в сопровождении друга, маркграфа Фридриха Баденского, который был тремя годами старше его, проследовал через Швабию, а затем, через некогда верные императору города — Верону, Павию, Пизу, Сиену, по Италии. И вновь стареющий мир взирал на отважного юношу, поставившего свою миссию и мечту выше разумности и реальной политики. Девизом Конрадина стали слова: «Тот великолепный род, к которому Мы принадлежим, не должен с Нами угаснуть».

Сердца многих устремились навстречу юноше. Слишком тяготил Италию кровавый кулак Анжу. Сторонники гибеллинов со всей Италии собрались вокруг Конрадина.

Даже Рим, вернее, гибеллинская часть Рима с ликованием приветствовала юношу. Гвельфы, папский Рим, хранили молчание. Сенатор Генрих Кастильский, двоюродный брат Конрадина, передал ему ликующий город. В Лючере сарацины поднялись против ненавистного Карла Анжуйского, да и вся Апулия в одночасье опять стала гогенштауфеновской.

Однако через несколько недель смелая мечта подростка разбилась о реалистичное мышление Карла Анжуйского. Незадолго до прибытия Конрадина и его соратников в Королевство обеих Сицилии, в августе 1268 года, Карл, опытный полководец, занял боевую позицию у подножия Абруццо.

Юный Конрадин был взят в плен, а вместе с ним и все мужчины его рода, сохранившие ему верность: Генрих Кастильский, Конрадин ди Казерта, Томас ди Аквино и многие из семьи Ланчия. Конрадин ди Казерта тридцать два года провел в застенках Кастель-дель-Монте. Генрих Кастильский оставался в заключении двадцать лет. Томаса ди Аквину передали палачу. Ланчии, сын Фридрих и отец Гальвано, были казнены. Конрадина, внебрачного сына короля Конрада IV, убили в Лючере вместе с его матерью по приказу Карла Анжуйского.

Приговор последнему законному внуку императора,

Конрадину Гогенштауфену, привели в исполнение в Неаполе. Четверо судей выносили приговор. Трое объявили его невиновным как человека, плененного в честном бою. Один судья потребовал смерти.

29 октября 1268 года на Кампо Моричино, сегодняшней Пьяцца дель Меркато, в Неаполе казнили Конрадина и его друга, маркграфа Фридриха Баденского. Конрадин простил своего палача, его последние слова были обращены к матери, Елизавете Баварской: он просил у нее прощения за невзгоды, которые невольно ей причинил. Затем единственный невинный Гогенштауфен с беззаботностью и достоинством юности, чье сердце принадлежало мечте, а не реальной жизни, положил голову на плаху. Карл Анжу с мрачным удовлетворением взирал на исполнение приговора. Меч палача сверкнул, и златокудрая голова юноши из рода королей упала наземь. И в тот же миг, как повествует легенда, стремящаяся сделать невыносимое менее невыносимым, с неба низринулся орел, окунул крылья в королевскую кровь и вознес ее ввысь, к богам.

Вместе с Конрадином погибла и династия Гогенштауфенов. Кого может утешить дотошная генеалогия, констатирующая, что некоторым Штауфенам все же удалось избежать кровавой расправы Анжу? Как, например, Конраду, сыну;Фридриха Антиохийского. Двух его сыновей мы видим поочередно на архиепископской кафедре Палермо. В Риме и Центральной Италии антиохийский дом процветал до конца XIV столетия. Дочь императора Маргарита, супруга маркграфа Альберта II Мейсенского, пережила террор, а ее сын Фридрих (1291—1324 гг.) в начале XIV столетия недолгое время считался надеждой Гогенштауфенов.

Констанция, дочь короля Манфреда от первого брака, благодаря помолвке с королем Педро III Арагонским (1276—1285 гг.) избежала смертного приговора. Триумфом всей ее жизни стал миг, когда после изгнания Карла Анжуйского и его французов сицилийцами она и ее муж были коронованы сицилийскими королями в 1282 году в Палермо. Но твердые слова сивиллиных пророчеств, донесенные до нас миноритом Салимбене Пармским, остались неизменными: «Вместе с ним закончится империя».

Итоги

«Как понять мне вечно меняющего свой лик Протея, нарушающего все клятвы и никогда ничего искренне не предлагавшего?..»

Почти перед каждым биографом Фридриха II встает этот вопрос, исторгнутый из глубины души папы Иннокентия IV:

«Как понять мне вечно меняющего свой лик Протея?» Фридрих и действительно является одной из самых противоречивых исторических личностей.

Как можно оценить жизнь и достижения правителя?

Наверное, необходимо вспомнить начало его жизни, пройденный им путь, его цели: достиг ли он их, какими средствами и что, наконец, осталось от его свершений.

Фридрих II, с ранней молодости лишенный любви, человеческой теплоты, доверия к себе самому и окружающему миру, как только научился думать, осознавал себя лишь орудием в руках власть имущих, преследовавших собственные цели, не заботясь о нем или о его королевстве.

Юноша выбрал уход в собственное «Я», ставшее для него центром вселенной, религией и мерой всей его деятельности.

Когда волей судеб его «Я» распалось, погибла не только его империя, но и весь его род.

Италийское тираническое государство ушло вместе с императором. Фридрих II не сумел помешать развитию свободомыслия, которое так ненавидел и преследовал. Освобождение городов Ломбардии стало гордой победой вольнодумцев тех времен.

Его наследное государство, его любимое Сицилийское королевство попало в руки Карла Анжуйского, заслужившего печальную славу такого же кровавого тирана, как и Фридрих II Гогенштауфен.

И Германия, неутомимо поставлявшая ему бойцов для исполнения его мечты о господстве, пала в страшные времена безвластия и только с Рудольфом фон Габсбургом (1273—1291 гг.) получила новую надежду.

Правами германского короля Фридрих II частично пожертвовал ради своей римско-античной мечты о троне цезаря. То, что развитие германских удельных государств, начатое им, обернулось для Германии интересным культурным многообразием, а не только потерей, мы сумели понять лишь сейчас. Но оно не являлось целью политики Штауфена, возникнув как неожиданный побочный продукт.

Его дед, император Фридрих I, после долгой и бесславной войны с папой подписал в 1177 году мир в Венеции, вновь восстановив единство церковной и императорской власти, достигшее высшей точки в крестовом походе императора, где он принял смерть как крестоносец. После смерти Фридриха I уже никогда не удавалось достичь единства между духовным и светским мечом, объединив интересы императора и папы. Христианская идея Средневековья, отвергнутая Фридрихом II, возжелавшим для себя богоравности римских цезарей, обрела в нем свой конец.

Как государственный человек он не достиг ни одной из своих целей. С ним погибло все, к чему он стремился, — все созданное им и даже все полученное им в наследство.

На короткий миг показал он Италии видение ее будущего единства. Вероятно, поэтому итальянцы, несмотря на все угнетения, считают Федерико секондо[34] одним из величайших представителей своего народа, хотя они десятилетиями непрерывно боролись против его господства.

Книга Бытия рассказывает нам, как Ева дала Адаму яблоко с древа познания, дабы постичь, что есть добро и зло. Стремление к познанию всегда заставляло людей исследовать земной круг, а еще более — терра инкогнита внутри себя. Личность Фридриха завораживает — мы никогда не сможем понять его как единое целое. «Вечно меняющий свой облик Протей» непостижим для нас. Фридрих Ницше с полным правом назвал его одним из людей-загадок, неразгаданной тайной запутанной и противоречивой человеческой натуры.

Представим себе — некто идет войной на сарацин и одновременно принимает их обычаи и философию. Но при этом громогласно называет себя «христианским князем». Кто-то из современников верно оценил тогдашнее отношение к императору, написав: «Папа и все другие крестоносцы имели большое опасение и подозрение, что император хочет перейти в веру Мухаммеда. Но все люди твердо уверяли: он ни во что не верит и более не знает, какую веру отрицает, а какую хотел бы выбрать и придерживаться ее».

Некий арабский современник Фридриха указывает: «…Из его речей можно было заключить, что он был «этернистом», то есть верил в вечность мира, но не души — и признавал себя христианином лишь в шутку».

Насколько озадаченным должен был себя чувствовать христианско-католический мир, если император получал такие письма от арабских ученых: «О, король, да приведет тебя Аллах к истинной вере! Ты спросил: «Какова же цель теологической

науки, и каковы неизбежные необходимые предпосылки для этой науки, если они вообще существуют?»

Кто мог понять императора, семь раз клявшегося папам святейшими клятвами никогда не объединять Королевство обеих Сицилии с империей, а потом, после семикратно порушенной клятвы, никак не понимающего, почему ему больше никто не верит.

Но как можно было ему доверять, если, кроме истории о трех обманщиках — Иисусе, Мухаммеде и Моисее, рассказывали, что император, при виде пшеничного поля, издеваясь над таинством причастия, воскликнул: «Сколько богов здесь зреют!», а глядя на священника, дающего последнее напутствие умирающему, вздыхал: «Сколько еще будет продолжаться это вранье?»

Невозможно объяснить такие высказывания злостной клеветой его церковных противников, так как в своих письмах император рассуждает о христианских ценностях, мягко говоря, достаточно фривольно.

Государственный человек подобным поведением неизбежно сбивает с толку своих современников, пугает их. Ведь законная власть основывается на понимании, на внутреннем признании общей системы ценностей.

Но разве его панегиристы не превозносили его как приверженца юстиции, права?

Если рассмотреть внимательнее, то Фридрих II боролся не за законность, а за соблюдение собственных законов и за исполнение собственных распоряжений. Образ фанатика права не соответствует истине: Фридрих являлся фанатиком порядка. И поскольку сам он был почти лишен связей — связей с Богом, с религией и ее законной иерархией, то его «Я» стало системой порядка его внутреннего и внешнего мира, и эту систему он старался сохранить с крайней жестокостью.

Если его, обращенного к античным временам цезарей, далеко ушедшего от образа христианско-европейского императора, называют первым человеком эпохи Возрождения, то это можно принять только в том смысле, что он является предтечей ужасных тиранов, таких как Малатеста, Маласпина, Скалигер, Борджиа, насильственным путем навязавших Италии свою необузданную волю. Впервые подобное явление воплотилось в зяте императора, Эццелино ди Романо, для утверждения власти убившем, замучившем и покалечившем в собственных владениях пятьдесят тысяч человек.

Образ человека-загадки соответствует истине, если мы будем считать его поэтом, в особенности покровителем сицилийской поэтической школы. Великий Данте приписывает ему содействие

в создании сицилийского поэтического искусства на вульгарной латыни, народном языке.

Образ императора, собравшего вокруг себя ученые умы своего времени и указавшего якобы путь великому Фоме Аквинскому, открывшему для христианского мира обновленные и адаптированные труды Аристотеля, также соответствует образу загадочного человека, чья жизнь переплетена с тайной его эго.

То же впечатление создают и задаваемые им магистру Михаелю Скотусу (ум. в 1235 г.) научные вопросы.

Магистр в последние годы жизни пребывал при дворе императора Фридриха II, и тот писал ему: «Еще никогда мы ничего не слышали о тайнах, служащих как для потехи, так и для мудрости, а именно о рае, чистилище и аде, об основах земли и ее чудесах».

Если задуматься, в этом весь Фридрих: рай, чистилище и ад, являвшиеся для средневековых людей до глубины души потрясающими феноменами потустороннего мира и видением их будущего, служат ему для развлечения духа. Это не могло не казаться его современникам фривольным. И далее он спрашивает:

«…сколько небес существует, и кто их управители? И на каком именно расстоянии одно небо находится от другого, и что еще есть за самым последним небом? На каком небе Господь Находится своим существом, то есть в божественном величии, и как он восседает на небесном престоле, как его окружают ангелы и святые, и что ангелы и святые постоянно делают пред ликом Господним?»

Собрание ученых и исследователей вокруг королевского трона обычно для античности и Средневековья. Например, в школе ученых Карла Великого, в его академии, блистали такие имена, как Алкуин (ум. в 804 г.), Павел Диакон (ум. после 799 г.) или Теодульф Орлеанский (ум. в 821 г.).

От Алкуина Карл требовал сведений «о транзитных прохождениях блуждающих по небу звезд». Ирландскому монаху Дунгалу из Сен-Дени жаждущий мудрости правитель послал для оценки сочинение, где на основе выдержек из Библии пытался обосновать сущность ничто и тьмы.

Мы видим — все превозносимые в XIX столетии качества Фридриха на самом деле вполне соответствуют испытанному и поддерживаемому в течение многих веков кодексу поведения правителей.

Но одно новшество принадлежит именно Гогенштауфену: он мастерски изображал собственный царственный образ. Тем не менее философствование императора, его любовь к искусству действуют подобно драпирующей, укрывающей передвижной

декорации на сцене драмы его жизни.

Таким образом, его биографию следует оценивать как биографию философа и царствующего поэта лишь в незначительной степени. По масштабу она должна соразмеряться с его государственной деятельностью.

Правомерно задать вопрос: что он дал людям и народам, которыми правил, и что взял у них?

Движущей идеей столетия стали гражданская свобода и свобода городов, как ее понимали ломбардские города, расцениваемые императором как непокорность или даже ересь.

Разумеется, к нему нельзя подходить с современными понятиями демократических свобод. Но его можно сравнивать с королем Людовиком IX Святым Французским, с императорами Оттоном I Великим или Генрихом II Святым. Еще лучше — с дедом, императором Фридрихом I Барбароссой, сумевшим положить конец бесперспективной войне с папой и заключить в 1177 году Венецианский мир. По поводу мира Барбаросса сказал: «Весь свет должен ясно понять: даже если Нам принадлежит блеск титула славы Римской империи — он не отнимет у Нас ничего, присущего человеческому созданию, и императорское величие не исключает ошибок и непонимания».

Император Фридрих I признает за правителем право на ошибку. А Фридрих II видит в критике императора состав преступления, ересь.

Как день и ночь, различаются между собой личности двух императоров. Оба они находились на самом высоком троне Западной Европы: величественный Фридрих Барбаросса, считавший правителя способным заблуждаться, и его внук Фридрих II, не побоявшийся обожествить себя.

Фридрих II сооружал лишь замки и военные объекты. За исключением походной церкви в Виктории, он записан как основатель одной-единственной церкви в Альтамуре.

В течение десяти лет император приказал отстроить более двухсот крепостей, так что некий старый сицилийский вельможа взмолился: «Ради Бога, господин, сделайте перерыв и не стройте все Ваши сооружения одновременно! Сначала воздвигните строение, угодное Богу, чего все наихристианнейшие короли Сицилии, Ваши предки, придерживались, возводя церкви и монастыри даже во время войны».

Тем выше его превозносит летописец: «Он приказал отстроить просторные дворцы необыкновенной красоты. В горах и городах воздвигнуты башни и крепости такой величины, как будто он думал, что каждый день его будут осаждать враги».

Неизбежно встает вопрос: не являлось ли бесконечное

строительство укреплений выражением страха незащищенного, подвергавшегося многим опасностям детства, никак не позволявшего себя забыть?

Архитектура замков Фридриха отличается поразительной простотой. Это квадрат или прямоугольник, защищенный четырьмя башнями, обеспечивающими охрану сторон. Простая, легкая и вместе с тем в большой степени эффективная оборонительная система, варианты которой создавались в основном с учетом преимуществ данной местности.

Лишь однажды Фридрих II отказался от простой схемы, украсив землю Апулии замком Кастель-дель-Монте.

«Видимое издали, возвышающееся над необозримой равниной строение народ прозвал Бельведер, или Балкон Апулии. Его можно назвать еще более подходяще — Корона Апулии, ибо замок покоится на холме подобно каменной короне. Словно диадема империи Гогенштауфенов, увенчивающая прекрасную страну, он явился предо мной, когда вечернее солнце зажгло его пурпуром», — рассказывает Грегоровиус.

Еще раз Фридрих попытался создать памятник своего цезарского видения мира на воротах моста в Капуе, при въезде в королевство. Мощная дуга ворот, украшенная скульптурами Петра из Виней и Таддеуса Суесского, рухнула, как и сама империя Штауфена.

Поврежденные, но еще узнаваемые статуи двух ближайших помощников императора позволяют нам оценить монументальность сооружения. Сильнее всего повреждена фигура императора. Руки и большая часть нижней половины туловища отколоты. Памятник обезглавлен, так что у нас даже не осталось изображения человека, приказавшего вознести себя до звезд. Лишь бюст Барлетты дает нам слабое представление о том, кто некогда являлся императором. Но внимательный взгляд, возможно, найдет в бюсте императора, выполненном Барлеттой, и в поврежденном лице, выражающем скорее страдания жизни, и в посмертной маске родоначальницы Штауфенов, Хильдегарды фон Эгисхайм, общие черты облика Штауфенов.

Боги отвернулись от императора, не оставив даже его портрета, но один памятник он все же нам оставил, и в нем отчетливее всего виден его духовный портрет.

Соколиная книга

При штурме Виктории, военного городка императора в 1248 году, пармцы захватили не только сокровища императорской короны, но и книгу императора «De arte venandi cum avibus» —

«Искусство охотиться с ловчими птицами».

В 1265—1266 годах Карлу Анжуйскому, избранному папой для уничтожения сицилийского государства Гогенштауфенов, гражданин Милана по имени Вильгельм Боттатиус предложил купить эту книгу. Сын императора Манфред приказал воссоздать ее по отцовским заметкам. Рукопись Манфреда впоследствии неведомыми путями оказалась в Biblioteca Apostolica Vaticana.[35] Леопольд фон Ранке (1795—1886 гг.) почитает Фридриха за выдающегося орнитолога. Для Фридриха соколиная охота являлась настолько великим искусством, что он считал идеальных сокольничих способными занимать самые высокие правительственные должности, ибо только совокупность самых лучших качеств характера дает идеального сокольничего.

В соколиной книге Фридрих открывает на мгновение тайные глубины своей души, когда пишет:

«Люди способны побороть четвероногих силой и другими средствами; но птиц, кружащих высоко в воздухе, можно поймать и выдрессировать только благодаря (особому) человеческому таланту». Карл А. Виллемсен делает такой вывод: «Он превыше всего ценит триумф человеческого духа над самым свободным и быстрым животным, предстоящее каждый раз новое испытание — вернется ли бросившаяся на добычу вольная хищная птица… на руку, по принуждению гения человека, удерживающего ее незримыми путами».

Не приоткрыл ли, с этой точки зрения, наш Протей истинное лицо? Страхи, пережитые ребенком среди солдат Маркварда Анвейлера и Вильгельма Каппароне, сублимировались в духовной войне за власть. Сила духа, заставляющая соколов возвращаться из вольного воздуха на руку человека, перенесенная в политическую реальность Фридриха, стала движущей силой в непрекращающейся борьбе с самой высокой властью Средневековья — всемогущим папством.

И все клятвы нарушались, а после каждого мира развязывалась новая война лишь затем, чтобы в какой-то миг одинокий, подавленный множеством страхов дух, сияя, взвился к небесной выси несокрушимой победы.

Хронологическая таблица

1186 Генрих VI, сын императора Фридриха I Барбароссы, и Констанция Сицилийская сочетаются браком в Милане, благодаря чему Генрих VI получает надежду на корону Сицилии.

1187 В октябре султан Саладин Египетский завоевывает Акру, Иерусалим с Гробом Господним. Это послужило поводом к третьему крестовому походу.

1189 11 мая войско крестоносцев под предводительством Фридриха I Барбароссы отправляется из Регенсбурга. В ноябре умирает бездетным король Вильгельм Сицилийский — на трон претендует Генрих VI.

1190 Император Фридрих I Барбаросса тонет в реке Салеф в Малой Азии. Купцы из Любека и Бремена основывают в Святой земле Тевтонский орден (первоначально как орден по уходу за больными).

1191 15 апреля папа Целестин III коронует Генриха и его супругу Констанцию императором и императрицей. Генрих отправляется на юг для завоевания Сицилии. Из-за эпидемии в германском войске прекращается осада Неаполя. Генрих тоже заболевает и возвращается в Германию. Его жена Констанция захвачена сицилийским антикоролем Танкредом ди Лечче. Гогенцоллерны становятся графами Нюрнберга.

1192 Заговор князей против императора Генриха VI при активном участии Генриха Льва. После пленения английского короля Ричарда Львиное Сердце заговор разваливается. Миллионный выкуп, полученный Генрихом VI за освобождение Ричарда Львиное Сердце, настолько усиливает власть императора, что исчезает внутригерманская оппозиция.

1194 В феврале, после получения огромной суммы выкупа, Ричард Львиное Сердце обретает свободу, признав за императором права верховного сюзерена. В феврале умирает сицилийский антикороль Танкред Леччийский. 25 декабря в соборе в Палермо Генрих VI коронован королем Сицилии. Днем позже, 26 декабря, в Джези в Анконе рождается наследник Генриха VI, будущий император Фридрих И. Первоначально мать, Констанция, назвала его Константином, но позднее мальчика переименовали в Фридриха Рожера в честь дедов.

1195 На придворном совете в Бари Констанция объявлена регентшей, на самые высшие ведущие позиции назначены немцы. В июле Генрих VI возвращается в Германию для урегулирования вопроса о престолонаследии и подготовки к обещанному крестовому походу. В декабре он предлагает имперским князьям

сделать их имперские лены наследными. Взамен Генрих VI требует от них согласиться на наследование престола Штауфенами. Поначалу князья соглашаются. Но год спустя они отменяют данное ими согласие. С точки зрения политического влияния право избирать короля им кажется важнее, чем наследование лена. 6 августа в Брауншвейге умирает Генрих Лев, главный соперник Штауфенов.

1196 В декабре имперские князья выбирают германским королем сына императора, Фридриха. Начинается время расцвета городов Фландрии. Особенно бурно развиваются Гент и Брюгге, а также Венеция, Пиза, Милан и Генуя.

1197 Германские крестоносцы уже находятся на пути в Палестину, в Сицилии разгорается восстание, что препятствует отъезду императора. 28 сентября он внезапно умирает в Мессине в возрасте тридцати одного года.

1198 В январе умирает девяностолетний папа Целестин III. В тот же день тридцатисемилетний граф Лотарь ди Сеньи избирается папой под именем Иннокентия III. В марте двадцатилетний брат императора Генриха VI, Филипп Швабский, при содействии некоторых имперских князей избирается германским королем. Регентство оказалось неблагоприятным для уже избранного в 1196 году Фридриха. На Троицу, в воскресный день, Фридриха коронуют в Палермо королем Сицилии. В июне сына Генриха Льва избирают королем в противовес Филиппу Швабскому. Его коронуют в Аахене (традиционном месте коронации) под именем Оттона IV. Филиппа в сентябре коронуют в Майнце. (В неподходящем месте, но с настоящими знаками королевской власти.) В ноябре Констанция, императрица и королева Сицилии, мать Фридриха назначает папу Иннокентия III опекуном своего сына и умирает. Расцвет средневековой любовной лирики, ее наилучшие образцы представлены в творчестве Вальтера фон дер Фогельвейде. Тевтонский орден, основанный в 1190 году, становится духовным рыцарским орденом с резиденцией в Акре (Палестина).

1201 В марте папа Иннокентий III меняет свою нейтральную позицию в споре о германском троне в пользу Вельфа Оттона IV. Филиппа Швабского и его сторонников отлучают от церкви. Фридрих под опекой графа Джентиле Манупелло, брата епископа и сицилийского канцлера Вальтера Пальяры, находится в крепости Кастелламаре.

1202 Во внутреннем германском конфликте между Шгауфенами и Вельфами предпочтение оказывается Филиппу Швабскому. Закладка собора во Фрейбурге, возведение которого завершилось в 1536 году. В Италии Леонардо Пизано Фибоначчи

вводит в употребление арабские цифры.

1204 Начало строительства кафедрального собора в Мольфетте (Апулия), которому присуще смешение византийского, сарацинского и романского стилей.

1205 Вольфрам фон Эшенбах создает эпос о Парцифале.

1206 Последний рыцарь-авантюрист, выходец из германских земель, Вильгельм Каппароне, изгнан из Сицилии.

1207 Состязание певцов в Вартбурге. В Венгрии родилась святая Елизавета Тюрингская.

1208 В июне пфальцграф Оттон фон Виттельсбах убивает в Бамберге короля Филиппа Швабского. В ноябре Оттон IV во второй раз избирается королем во Франкфурте. 28 декабря Фридрих становится совершеннолетним и получает возможность править самостоятельно.

1209 В августе по желанию папы пятнадцатилетний Фридрих женится на двадцатипятилетней Констанции Арагонской, вдове венгерского короля Эммериха. В октябре Оттон IV становится императором; коронация проходит в Риме. Нарушая все соглашения и договоры с папой, он отравляется на юг, стремясь завоевать Сицилию и изгнать Фридриха II.

1210 В ноябре папа Иннокентий III объявляет Оттона IV отлученным от церкви и при участии французского короля Филиппа Августейшего предлагает на германский трон Фридриха Гогеншгауфена. Готтфрид фон Страсбург пишет «Тристана».

1211 В сентябре в Нюрнберге германские князья выбирают Фридриха II королем (после, согласно Г. Митгайсу, он сразу становится императором) и объявляют Оттона IV смещенным, из-за чего последний вынужден вернуться в Германию. Родился первый сын Фридриха, Генрих.

1212 В январе посольство германских князей в Палермо предлагает Фридриху германскую корону. В марте (в Вербное воскресенье) начинается полное приключений путешествие Фридриха в Германию. Перед отъездом он коронует сына, Генриха, королем Сицилии, а жену, Констанцию, объявляет регентшей. В апреле, в пасхальное воскресенье, Фридрих в первый и единственный раз встречается с папой Иннокентием III. Он приносит папе, своему сюзерену, клятву верности как его сицилийский ленник, торжественно обещает разделить власть королевскую (regnum) и императорскую и уступить после успешной коронации Сицилию сыну, Генриху. По желанию папы Берард Ди Кастачча, архиепископ Бари, а впоследствии Палермо, становится советником и спутником Фридриха. В июле Оттон IV женится на пятнадцатилетней Беатрисе, дочери убитого короля Филиппа Швабского, для привлечения на свою сторону

приверженцев Гогеншгауфенов. Беатриса умирает спустя несколько дней. В сентябре Фридрих II прибывает в Констанцу, незадолго до приезда Оттона IV, и оттуда направляется в Базель. В октябре Фридрих устраивает первый придворный совет в Хагенау в Эльзасе. Канцлер императора Оттона IV, епископ Конрад Шлагенбергский, переходит на сторону Фридриха. В ноябре в Ванкулере вблизи Тура происходит встреча Фридриха II с будущим французским королем Людовиком VIII. За обещание не заключать сепаратного мира с Оттоном IV или с его английским дядей Иоанном Безземельным Фридрих получает от Франции двадцать тысяч серебряных марок. 9 декабря состоялась коронация Фридриха в Майнце путем вручения дубликатов королевских инсигний. Их оригинал по-прежнему в руках Оттона IV. Начало строительства кафедрального собора в Реймсе.

1213 Оттон IV женится на Марии, дочери и наследнице герцога Генриха I Брабантского, намереваясь обрести сторонников среди нижнегерманских дворян.

12 июля, на Троицу, в Эгере Золотой буллой Фридрих II подтверждает права папы на Центральную Италию. Он, как и его предшественник Оттон IV, отказывается от права наследования имущества умерших священников и от вмешательства в выборы епископов.

Кроме того, как плату за выборы его королем он предоставляет германским князьям ряд привилегий. В Золотой булле Эгера усматривают исходный пункт образования территориальных государств в Германии.

1214 27 июля французский король Филипп II Август при Бувине (Лилль) побеждает войско императора Оттона IV и его английских союзников. В декабре Фридрих II заключает в Метце договор с датским королем Вальдемаром, по которому передает Дании германские земли по ту сторону Эльбы.

1215 25 июля Фридрих второй раз коронован в Аахене, традиционном месте проведения церемонии коронаций, на этот раз — с передачей истинных инсигний. В возрасте двадцати одного года он внезапно дает обещание отправиться в крестовый поход, сдержав его лишь спустя тринадцать лет. В ноябре папа Иннокентий III открывает четвертый собор. Принимается тезис о преображении плоти и крови Христовой при таинстве причастия. Признается справедливость притязаний Фридриха II на германскую корону. В Англии принимается «Великая хартия вольностей». Фридрих II жалует леном своего приверженца Вальтера фон дер Фогельвейде.

1216 Фридрих II вновь дает обещание папе, сразу после коронации императорской короной, передать сыну Генриху

Королевство обеих Сицилии.

16 июля умирает папа Иннокентий III. Его преемником становится папа Гонорий III. Фридрих II приказывает жене Констанции прибыть вместе с сыном Генрихом в Германию. Фридрих II награждает пятилетнего сына титулом герцога Швабского. Немного позже, после того как вымерли Церингеры, он передает под его правление Бургундию. Генрих, коронованный король Сицилии, становится имперским князем.

1217—1218 Венгерский король Андраш II, отец святой Елизаветы, отправляется в крестовый поход.

1218 Оттон IV, в возрасте тридцати пяти лет, умирает в Гарцбурге.

1220 3 апреля восьмилетнего Генриха на придворном совете во Франкфурте «неожиданно» избирают королем. Три дня спустя, 26 апреля, в благодарность духовным князьям Фридрих предоставляет им значительные привилегии («Конфедерация на основе церковных законов»). В августе Фридрих отправляется в Рим, где 22 ноября папа Гонорий III коронует его как императора. В декабре, после восьмилетнего отсутствия, Фридрих возвращается в Королевство обеих Сицилии. Вслед за введением свода законов «Капуанские Ассизы» он возвращает короне большинство из розданных после 1189 года отчужденных ленов.

1221—1225 Завоевание и подавление Сицилии.

1222 В Вероли Фридрих II получает от папы Гонория III отсрочку от участия в крестовом походе до победы над островными сарацинами — 23 июня умирает императрица Констанция.

1223 14 июля умирает французский король Филипп Август. Его преемник — Людовик VIII. В Ферентино император дает обет папе начать крестовый поход до 1225 года. На той же встрече обсуждается план женитьбы Фридриха на Изабелле (Иоланте) де Бриенн, наследнице Иерусалимской короны. Строится дворец в Фоджии.

1224 Переселение сарацин на континент. Возникает поселение сарацин в Лючере. Фридрих основывает университет в Неаполе.

1225 Проходит назначенный срок выступления Фридриха в крестовый поход. Император вынужден подписать договор Сан-Германо: если он не выступит в крестовый поход до августа 1227 года, ему грозят большой денежный штраф и отлучение от церкви.

8 ноября Фридрих II женится на Изабелле (Иоланте) де Бриенн, наследнице Иерусалимского королевства.

29 ноября сын Фридриха, германский король Генрих (VII)

женится на Маргарите Австрийской.

Начало строительства, собора Святого Стефана в Вене.

1226 В Золотой булле, принятой в Римини, Тевтонский орден получает право на создание собственной орденской территории в Пруссии.

Магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца находится в Германии в качестве посредника императора. Там он набирает людей для участия в намеченном крестовом походе.

5 сентября умирает Людовик VIII, его преемником на троне Франции становится Людовик IX Святой. 3 октября умирает Франциск Ассизский (Джованни Бернадоне).

1227 13 марта умирает папа Гонорий III. Григорий IX, родственник папы Иннокентия III из дома графов Сеньи, известный как кардинал Уго(лино) Остийский, становится папой.

В начале сентября флот крестоносцев отплывает в Святую землю. Фридрих, заболев, возвращается и подвергается отлучению от церкви. Смерть Чингисхана.

1228 25 апреля рождается сын Фридриха II Конрад. Жена Фридриха Изабелла (Иоланта) де Бриенн умирает через шесть дней после родов, в возрасте семнадцати лет.

28 июня Фридрих II, будучи отлучен от церкви, отправляется в крестовый поход. 7 сентября он прибывает в Акру. Раскол в войске крестоносцев. Канонизация Франциска Ассизского.

1229 18 февраля Фридрих II заключает договор с султаном Маликом эль-Камилем, согласно которому Иерусалим, Вифлеем и Назарет без боя передаются христианам.

18 марта Фридрих сам себя коронует королем Иерусалимским.

1 мая Фридрих II покидает Святую землю и 10 июня прибывает в Бриндизи. Он изгоняет войска папы и возвращает себе всю полноту власти в Сицилийском королевстве. Умирает Вальтер фон дер Фогельвейде.

1230 28 августа, при заключении мира Сан-Германо, папа освобождает императора от отлучения от церкви. Вопрос о Ломбардии в договоре не решен. Строится охотничий замок императора Гравина ди Пулья.

1231 В мае король Генрих (VII) издает в Германии «Statuum in favorem principum». В нем светские князья приравниваются к духовным. В августе Фридрих II издает «Конституцию Мелфи». Она стала основой для формирования централизованного тоталитарного государства. Папа, как сюзерен Сицилии, выражает протест. В ноябре состоялся рейхстаг в Равенне. Ополченцы городов Ломбардии перекрывают перевалы в Альпах, препятствуя прибытию германских князей. Император вынужден перенести

рейхстаг. Кончина святой Елизаветы (17 ноября). Папа Григорий IX запрещает «О природе вещей» Аристотеля.

1232 В марте Фридрих II издает в Равенне новые законы о еретиках. На Пасху в Аквилее состоялся придворный совет. Король Генрих глубоко унижен из-за его политики, направленной против князей. В «Statuum in favorem principum» императором закреплено расширение прав князей.

1233 Восстания на Сицилии и в Италии. Фридрих спешит на помощь папе. Фридрих II дает приказ построить замок в Капуе. «Саксонское зерцало» Айке фон Репгоф.

1234 Придворный совет во главе с королем Генрихом (VII) осуждает несправедливое преследование еретиков (Конрад Марбургский). *5* июня папа Григорий IX по желанию императора отлучает от церкви его сына Генриха (VII). В сентябре король Генрих (VII) договаривается с враждебными императору городами и в декабре заключает с городами Ломбардии союз, направленный против императора.

1235 В мае Фридрих II без армии, но в сопровождении экзотической свиты отправляется в Германию. В Регенсбурге он заключает помолвку сына, Конрада IV, с Елизаветой, дочерью Баварского герцога Оттона II. 2 июля король Генрих (VII) пленен отцом в Вимпфене. Впоследствии над ним состоялся суд. Его лишили трона. 15 августа на рейхстаге в Майнце провозглашен так называемый «Майнцский всеобщий мир» — издание первого письменно зафиксированного закона, к тому же на немецком языке. Незадолго до этого, 15 июля, Фридрих II женится в Вормсе на принцессе Изабелле Английской; ей исполнился 21 год. Германские князья решают идти военным походом на Ломбардию вместе с Фридрихом II. Вельф Оттон I становится герцогом Брауншвейг-Люнебургским. Зиму 1235—1236 годов Фридрих II проводит во владениях Гогенштауфенов в Эльзасе (пфальц Хагенау).

1236 1 мая Фридрих принимает участие в освящении реликвий святой Елизаветы. Сына императора, Генриха (VII), пленника, везут через Венецию в Апулию. Там он четыре года находится в заключении в Рокка Сан-Феличе в Венозе; затем его переводят в Никастро, горную крепость в Калабрии. В 1242 году он умирает в заключении. Летом Фридрих покидает Германию и направляется в Ломбардию. Он заключает союз с Эццелино ди Романо, маркграфом Вероны, против Ломбардии. В ноябре Фридрих II прерывает ломбардский военный поход и направляется в Вену.

1237 В начале года Фридрих II прибывает в Вену. Он лишает Бабенберга — Фридриха Строптивого — герцогского титула.

Избрание Конрада IV германским королем и наследником императорского трона. Придворный совет в Шпейере на Троицу. Повторное избрание Конрада IV королем. В середине сентября Фридрих появляется в Вероне с двенадцатитысячным войском. 1 октября сдается Мантуя. 27 ноября — победа над Ломбардской лигой при Кортенуова. Фридрих II отклоняет предложение Милана о безусловной верности на века и требует безусловной капитуляции.

1238 В июле состоялся придворный совет в Вероне. 3 августа начинается осада Брешии, которую пришлось прервать в октябре, не достигнув успеха. В октябре папа обвиняет Фридриха в нарушении мирного договора Сан-Германо. В то же время Фридрих устраивает помолвку сына Энцио с Аделазией, наследницей двух крупных провинций Сардинии. Он провозглашает Энцио королем Сардинии, невзирая на суверенные права папы на Сардинию. Умер султан Малик эль-Камиль.

1239 Император ставит под сомнение авторитет папы и называет коллегию кардиналов равной папскому престолу. 20 марта Фридрих вновь отлучен от церкви. В Барлетте умер Герман фон Зальца, неизменный посредник между императором и папой. 21 июня папа в манифесте называет Фридриха антихристом. Король Энцио назначается штатгальтером всей Италии.

1240 В январе король Энцио вторгается в папское государство. Император стоит под стенами Рима. Папе Григорию IX удается вновь привлечь римлян на свою сторону. Император отказывается от нападения на Рим и возвращается в Королевство обеих Сицилии. Военный поход в Романью. Завоевание Равенны. Начало осады Фаэнцы.

1241 14 апреля пала Фаэнца. 3 мая императорский флот одержал победу в морском бою при Монте-Кристо. В плен захвачены сто прелатов, тем самым создается препятствие для собора, созванного папой. Новый военный поход на Рим. 22 августа умирает папа Григорий IX. Татарское нашествие в Силезию. Герцог Генрих Силезский, зять святой Елизаветы, пал на поле боя при Лигнице. Фридрих вновь вторгается в пределы папского государства. 25 октября начинается «конклав под гнетом страха». Через несколько недель кардиналы, подвергавшиеся недостойному обхождению, избирают папой миланца Джофредо Кастильони (Gaufridus) под именем Целестина IV. Он умирает спустя семнадцать дней. Престол остается вакантным двадцать два месяца. 1 декабря умирает третья супруга Фридриха II, двадцатисемилетняя Изабелла Английская.

1242 Фридрих II продвигается до предместий Рима. Он остается там до мая 1243 года.

1243 25 июня генуэзец Синибальдо Фиески единогласно избирается папой Иннокентием IV. Переговоры между папой и императором потерпели неудачу. Фома Аквинский вступает в орден доминиканцев.

1244 31 марта прежний мирный договор между папой и императором прекращает свое действие по запросу Ломбардской лиги. 28 июня папе удается избежать встречи с императором: он бежит в Геную, а оттуда — в Лион, где назначает на 28 июня собор. В августе христиане навсегда теряют Иерусалим. Фридрих II, практически подчинившись, предлагает отбыть походом в Святую землю на три года для освобождения святых мест, обещая освободить папское государство и полностью предоставить папе решение ломбардского вопроса. Тогда папа распоряжается снять с Фридриха отлучение от церкви 6 мая 1245 года. Но вскоре папа отменяет прощение: Фридрих II мстительно обрушивается на Витербо и тем самым лишает всякого доверия свое заявление о стремлении к миру.

1245 26 июня начинается собор в Лионе. Почти одновременно император устраивает рейхстаг в Вероне. Его планы на брак с Гертрудой Австрийской из династии Бабенбергов расстраиваются. 17 июля папа объявляет императора Фридриха II смещенным. Его подданные освобождаются от присяги на верность. Альберт Великий преподает в университете Парижа.

1246 На Пасху раскрыт заговор против Фридриха II и короля Энцио. Главные заговорщики преданы мучительной смерти. В мае ландграф Генрих Распе, как кандидат папы, избирается королем в Германии. 1 сентября король Конрад IV женится на Елизавете Баварской, тем самым укрепляя свои позиции в Южной Германии. Австрия и Штирия после смерти герцога Фридриха Строптивого возвращены империи и управляются генерал-капитанами.

1248 18 февраля осадный город Фридриха, Виктория у Пармы, подвергается нападению и разграблению осажденными. Начинается шестой крестовый поход под предводительством короля Людовика IX Французского. Он продолжается до 1254 года. В 1250 году король Людовик попадает в плен при Мансуре. Начало строительства Кёльнского собора и церкви Сен-Шапель в Париже.

1249 В феврале открывается подтасовка Петра из Виней, он кончает жизнь самоубийством, находясь в заключении. Личный врач Фридриха II пытается его отравить. 26 мая жители Болоньи берут в плен короля Энцио. Примерно тогда же появляются первые записи «Сагтта Ьигапа» и северных саг.

1250 В августе новый антикороль Вильгельм Голландский покоряется силе Гогенштауфена — короля Конрада IV. В конце

ноября Фридриха II поражает инфекционная болезнь кишечника. В завещании император определяет порядок престолонаследия в империи. 13 декабря император Фридрих II умирает во Фиорентино в Апулии. Его хоронят в соборе в Палермо. Конрад IV, германский король с 1237 года, берет правление на себя. Его единокровный брат Манфред правит Королевством обеих Сицилии.

1252 Король Конрад IV отправляется в Сицилию. 25 марта от его брака с Елизаветой Баварской рождается сын Конрад (будущий Конрадин).

1254 21 марта король Конрад умирает от малярии. 7 декабря следует кончина папы Иннокентия IV; 12 декабря умирает папа Александр, граф Сеньи — его сменяет на папском престоле Александр IV, тоже граф Сеньи (1254—1261 гг.).

1257 На двойных выборах в Германии Альфонс Кастильский и Ричард Корнуэльский избираются королями.

1258 Манфреда коронуют в Палермо сицилийской короной.

1265 В апреле папа Клемент VI наделяет Карла Анжуйского леном — Сицилийским королевством.

1266 6 января Карла Анжуйского коронуют в Риме сицилийской короной. Он дает непременную клятву о неприкосновенности церковных свобод и о разделении королевства и империи. 26 февраля в битве при Беневенте король Манфред погибает, и трон переходит к Карлу Анжуйскому.

1268 Шестнадцатилетний Конрадин, внук императора Фридриха II, переходит через Альпы, дабы отвоевать империю Гогенштауфенов. В августе, в битве при Тальякоццо, он терпит поражение от Карла Анжуйского и попадает в плен. 29 октября его, вместе с другом Фридрихом Баденским, казнят на ярмарочной площади Неаполя в присутствии Карла Анжуйского.

1272 Король Энцио умирает после двадцатитрехлетнего заключения, за время которого ему пришлось пережить гибель дома Гогенштауфенов.

notes

Примечания

1

Выгода и полезность (лат.).

2

«Чудо мира» — прозвище, данное Фридриху. — Примеч. пер.

3

Северные люди (нем.).

4

Ужас мира (лат.).

5

Августейшая римская императрица (лат.).

Восстановление прав церкви. — Примеч. пер.

7

Королевский учитель (лат.).

8

Избранный на императорство (лат.).

9

Игра слов: zaun — забор; Konig — король; zaunkonig — крапивник. — Примеч. пер.

«Великая хартия вольностей» (лат.).

воинстве Христовом (лат.).

12

Соглашение с князьями церкви (лат.).

13

Триумфальная дорога (лат.).

«Об отмене привилегий» (лат.).

«Привилегия школы» (лат.).

16

Положение дел (лат.).

17

Хорошие парни (англ.).

То есть верит в вечность мира, а не в существование души.

«Судебный иммунитет» (лат.).

«Священная книга» (лат.).

21

«Конфедерация на основе церковных законов» (лат.).

«Государство на основе законов» (лат.).

«Итог теологии» (лат.).

в момент смерти (лат.).

воин Христов (лат.).

«Основные привилегии» (лат.).

27

Счастливый император (лат.).

28

«Вот ваш спаситель! Вот ваш император! Гряди, гряди, император!» (лат.)

29

Вечный Рим (лат.).

30

Торжествующая церковь (лат.).

зашитых в кожаных мешках со змеями.

32

Маленький шаг.

33

«Искусство охотиться с ловчими птицами».

Фридриха II.

35

Ватиканская апостольская библиотека (лат.).